

Алексей Мефодиев

Несправедливость

Саркастическая проза

Летний сад

Москва, 2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М 54

М 54 **Мефодиев А.** Несправедливость: саркастическая проза. — М. : Летний сад, 2019. — 216 с.

ISBN 978-5-98856-393-8

Сатирическая проза в России — вещь старинная, традиционная. Пишет её и Алексей Мефодиев. Но его письмо не совсем обычно: Мефодиев саркастичен, даже беспощаден к своим героям, но... любит и жалеет их вместе с тем. Такого противоречия, такого союза противоположных чувств, жестокого смеха и искреннего сочувствия в классике практически не встретишь. Может быть, читателю рассказы Мефодиева будут интересны и запомнятся именно этой, новой чертой.

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98856-393-8

© А. Мефодиев, 2019
Все права принадлежат автору
© Издательство «Летний сад»,
оформление

Симбиоз

Как-то раз теплым июньским вечером я вышел пройтись перед сном в парке. Когда на обратном пути я миновал открытый ресторанчик, с его террасы меня окликнули.

— Олег! А я гадаю, ты это или нет!

Я повернул голову и увидел небольшую компанию из двух пар моего возраста. Мне, между прочим, недавно перевалило за шестьдесят. С Ильей и Наташей жизнь свела меня несколько лет назад. Другую чету за их столиком я до этого не встречал. Мне нравится необременительное общение с новыми людьми. И потому, долго не раздумывая, я обогнул низкий парапет, отделявший ресторан от тротуара, пожал руку Илье, поцеловал в щеку Наташу и был представлен их знакомым.

Мужчину звали Дмитрий. Он был высокого роста, крепкого телосложения, в очках с роговой оправой и с густой темной шевелюрой, едва тронутой сединой. Его загорелая, с наметившимися признаками полноты жена Галина выглядела лет на десять моложе. Оба были со вкусом одеты.

— Здорово, что тебя встретили! Давненько не виделись. А мы только из театра. Давали интересный спектакль. Теперь вот решили зайти поужинать. Присоединяйся, — затараторил словоохотливый Илья.

Я отвечал, что сыт и что последние годы, борясь с полнотой, стараюсь не есть на ночь, но от рюмочки доброго портвейна в хорошей компании не откажусь.

Город отдавал накопленное за день тепло, сумерки сгущались. Утопая в удобных креслах, мы неспешно говорили о том о сем. Приятные манеры и речь моего нового знакомого выдавали в нем человека образованного, рассудительного и обладающего определенным достатком. Жена его больше молчала, лишь изредка бросая оценивающие взгляды. Впрочем, вскоре они засобирались. На прощание Дмитрий энергично пожал мне руку. Галина, сверкнув глазами, подставила для поцелуя упругую щечку, и они удалились.

Глядя им вслед, мой товарищ, который, надо признать, к тому времени успел слегка захмелеть, заметил:

— Какая солидная чета, скажите на милость! Никогда не подумаешь, какие страсти бурлили в этой семье в свое время! Да уж. Некоторым возраст только на пользу. Приносит успокоение.

— Илья! Не успели люди уйти... — неодобрительно покачала головой Наташа, хотя что-то в ее тоне позволяло предположить, что она тоже не прочь перемыть косточки этой паре.

— Оставь, Наташа! Сплетни — отдых для души! Приступай, Илья! — подбодрил я товарища, пред-

вкушая занимательную историю. Меня интересует природа людских поступков и то, как они сплетаются в человеческие судьбы. Я стремлюсь разобраться в мотивации индивидуального выбора, в том, что на него в большей степени влияет — холодный ли рассудок, или заложенные от природы особенности психики, которые человеку не дано преодолеть, как бы он ни старался. И которые не позволяют одному понять другого.

К счастью, Илья не заставил себя долго упрашивать. Вот о чем он поведал.

— Я знаком с Дмитрием со студенческой скамьи. Мы учились на одном потоке в Физтехе*. Ему легко давались предметы, и он всегда демонстрировал хорошую успеваемость. Кроме того, был отличным спортсменом. Мы и подружились-то, когда защищали честь института на футбольном поле. Футбол — игра контактная и жесткая. Легко можно перейти грань дозволенного. Некоторые теряли голову в пылу борьбы непроизвольно, но находились и такие, кто целенаправленно исподтишка старался нанести травмы противнику. Дмитрий же всегда оставался спокоен. И даже проявлял некоторое великодушие к противнику. Впрочем, его могучая комплекция, прямо скажем, не располагала к проявлению грубости. Сам Дмитрий при этом воспринимал победы и поражения с одинаковым достоинством. И не только на футбольном поле.

* Физтех — Московский физико-технический институт. Готовит высококлассных специалистов в области теоретической и прикладной физики.

К примеру, однажды его несправедливо сняли со стипендии за антиобщественный проступок, совершенный группой студентов, в которой, как потом выяснилось, он даже не состоял. Во время «разбора полетов», пытаясь уйти от ответственности, одни лебезили, другие оговаривали товарищей. Мой же друг воспринял наказание со стоическим спокойствием, как должное. Правда, стоит отметить, что стипендией, в отличие от других, он особенно не дорожил. Его отец уже в те годы занимал высокое положение и никогда ни в чем не отказывал сыну. Однажды, произнося тост на дне рождения своего отпрыска, он так и заявил: «У меня есть прекрасный сын, и я все для него сделаю!» Меня тогда даже зависть взяла. Мой отец никогда ничего подобного не обещал. Мать Дмитрия, историк по образованию, тоже занимала какую-то важную должность в ведущем издательстве страны. Это были образцовые интеллигентные родители. У них дома была отменная библиотека, не менее половины которой на досуге освоил мой друг.

Дмитрий был доброжелателен. Надменность и высокомерие, зачастую присущие с рождения обеспеченным людям, ему не были свойственны. Он с готовностью приходил на выручку попавшим в трудное положение сокурсникам: позволял списывать конспекты лекций, легко давал в долг.

У моего товарища были правильные черты лица и густая копна жестких, как проволока, волос. Некото-

рые считают, что это является доказательством твердости характера. Легко понять, что девушки вились вокруг завидного кавалера.

Однако романы его были скоротечны и, главное, немногочисленны. Последнее, принимая во внимание данные моего друга, меня тогда сильно удивляло. Но о своих победах на женском фронте Дмитрий никогда не распространялся, да и вообще не любил разговоров на эту тему, что я всегда относил на счет его природной щепетильности. Так или иначе, в студенческие годы никто из многочисленных претенденток на руку, сердце и материальное благосостояние так и не смог заинтересовать Дмитрия.

После окончания института я пошел в бизнес: нужно было зарабатывать. Дмитрий же поступил в аспирантуру, и наши пути на время разошлись. Мы лишь изредка перезванивались. Из этих редких телефонных разговоров я узнал, что Дмитрий успешно окончил аспирантуру. Однако дальше его рост в науке замедлился. Написание кандидатской продвигалось со скрипом. Правда, к тридцати годам он все же защитился. А вот отец Дмитрия успешно набирал обороты и вошел в правление одной государственной корпорации. Семья богатела, чем я не преминул воспользоваться. Мне нужны были деньги на раскрутку бизнес-проекта, и я обратился к своему давнему другу. Дмитрий, как в былые годы, несмотря на то, что требуемая сумма была довольно значительна, с готовностью протя-

нул мне руку помощи. Разумеется, пока я посвящал его в курс дела, мы несколько раз встретились, что дало толчок к восстановлению прежних теплых дружеских отношений. Я к тому времени уже год как был женат, и общались мы, ввиду холостого статуса моего друга, преимущественно вдвоем. Во время одного из таких ужинов в ресторане Дмитрий поделился со мной планами покончить с наукой и начать собственный бизнес. Чем немало меня удивил. Я совсем не представлял своего щепетильного друга в роли бизнесмена и не замечал у него деловой хватки. Да и сам он никаких подобных разговоров до этого случая не заводил.

— Понимаешь, — словно оправдывался Дмитрий, — теперь стало очевидно, что в науке я вряд ли достигну больших результатов.

— Но ты же собирался переходить в ведущее конструкторское бюро страны, если я не ошибаюсь.

— Это так. Но думаю, что там я много денег не заработаю. Да и Галя говорит, что с этой моей деятельностью пора заканчивать, — пробормотал он, комкая звуки, так что было трудно разобрать последние слова.

Какие перемены! В тоне моего друга зазвучала неуверенность. К тому же я впервые слышал, чтобы он упоминал о деньгах. А самое главное — появилась некая Галя, которая, судя по всему, теперь задавала тон.

— А кто такая Галя?

Но в этот самый момент зазвонил телефон. Дмитрий посмотрел на дисплей, и лицо его просияло. Он

поднес аппарат к уху. Как это часто бывает с мобильными, мне было хорошо слышно, что говорят на другом конце провода.

— Привет, любимая!

— Привет, — послышался низкий женский голос.

— Как у тебя дела?

— Нормально.

— У меня тоже все в порядке, — сообщил Дмитрий, хотя его никто об этом не спрашивал. — День немного сумбурный выдался. Знаешь, дорогая...

— Ты где?

— В ресторане с институтским другом. С Ильей. Если ты помнишь, я тебе рассказывал о нем. Дела обсуждаем.

— В ресторане?

— Да, как я тебе и говорил вчера. Это совсем ненадолго.

— А как же наши планы?

— Скоро освобожусь, и пойдём в кино. Не волнуйся, мы успеем!

— В каком ресторане?

— В каком ресторане? Я же тебе говорил вчера: «Белое солнце пустыни».

— Сейчас зайду.

— Как? Ты что, рядом?

— Ну да.

— Хочешь зайти. Но...

— Что?

— Конечно, любимая, заходи. Просто это немного неожиданно. Жду тебя.

Дмитрий положил телефон в карман. А я подумал: «Эка тебя, брат, зацепило!»

Мой товарищ, очевидно, уже забыл о наших делах. В волнении он смотрел в сторону входа, потом торопливо поднялся и устремился навстречу приближающейся юной особе.

Ростом она была выше среднего, хорошо сложена и одета с большим вкусом. Подойдя к столу, девушка окинула меня оценивающим взглядом и непринужденно бросила спешащему за ней Дмитрию:

— Пересядем за соседний столик. Мне этот как-то не очень.

— Конечно, дорогая, — и Дмитрий крикнул официанта.

Потом он торопливо представил нас. Девушку звали Галя. Я, признаться, был несколько задет тем обстоятельством, что моими предпочтениями насчет столика никто не поинтересовался, и оттого внутренне порадовался, когда выяснилось, что все столы заказаны. Однако Дмитрия, похоже, ничто не смущало, и у меня мелькнула мысль, что он, наконец-то, нашел, что давно искал.

— Хочешь поесть? Будешь заказывать? — с кроткой улыбкой поинтересовался у Гали мой могучий друг.

— Пожалуй, — лучезарно улыбнулась его спутница.

Как и в телефонной беседе, девушка не отличалась многословием, но говорила томно, растягивая слова. У нее были желто-зеленые глаза и плавные движения. Все это вкупе с черными волосами делало ее похожей на пантеру.

— Боюсь, тогда мы можем опоздать в кино. Я же тебе предлагал вчера пораньше встретиться, чтобы было время поужинать.

— Ну дорогой! — и ее рука нежно скользнула по его щеке.

— Разумеется. Как захочешь.

Принесли меню, и Галя заказала два блюда.

— Чем занимаешься? — обратилась она ко мне по-свойски на «ты». Признаюсь, с малознакомыми людьми я обычно общаюсь на «вы». Выбор моего друга разочаровывал меня все больше и больше.

— Занимаюсь бизнесом.

— Каким?

— Издательским.

— Большой бизнес? — взгляд ее тем временем оценивающе скользил по моей одежде, часам, прическе.

— Я бы не сказал, хотя все относительно, раскручиваюсь помаленьку... — расплывчато отвечал я, почувствовав себя учеником перед строгой экзаменаторшей. Однако полученной визуальной информации — одевался я в то время, скажем прямо, неброско — вполне хватило, чтобы интерес в ее глазах погас. Девушка, не дослушав меня, повернула голову к Дми-

трию и посетовала на то, что с утра ветер дул с такой силой, что растрепал ей прическу.

— А ты-то чем занимаешься? — вклинился я в их недолгую беседу о погоде.

— Я в области дизайна, — неторопливо поведала Галина.

После этого лаконичного ответа девушка углубилась в поглощение подоспевшего салата «Цезарь». Я задал было уточняющий вопрос, но Галина посредством грациозной жестикуляции пояснила, что ей неудобно отвечать с набитым ртом. Тут Дмитрий пришел ей на выручку с какой-то не относящейся к теме историей. Покончив с салатом, девушка сообщила, что вполне сыта и им теперь надлежит поспешить в кино. Дмитрий не замедлил попросить счет. Из чего само собой разумеется, что наш с ним ужин завершен. О следующем заказанном блюде никто из них не вспомнил.

«У богатых свои привычки», — подумал я. На основное блюдо Галину, между прочим, ожидал омар «Термидор» внушительных размеров, который скрасил мне неприятный осадок от нового знакомства. Я все равно никуда не спешил.

Месяц спустя я встретился с Дмитрием, как обычно, в ресторане за дружеским ужином. Он радостно поведал мне о своей предстоящей свадьбе, до которой оставалось чуть более недели.

— И на ком же? — поинтересовался я на всякий случай.

— То есть как это «на ком»? На Галине, конечно! Ты же ее видел!

В его интонации послышалась некая досада, что я могу быть столь непонятлив. С этого момента и впредь, когда речь заходила о его избраннице, мой друг становился совершенно другим человеком. Его достойная рассудительность и сдержанность уступали место каким-то новым качествам, которых я тогда не мог определить.

— Сколько ей лет?

— Двадцать три. На восемь лет моложе меня. Хорошее соотношение.

— А давно вы знакомы?

— Скоро три месяца будет.

— Не мало?

— Вполне достаточно, чтобы узнать человека. На самом деле, это же всегда становится понятно очень быстро. Я просто твердо знаю, что не могу ее потерять. Вот и все.

— На ее руку есть другие претенденты? — невольно ухмыльнулся я пафосу товарища.

— Давай об этом в другой раз. Сейчас о деле. Сегодня очень мало времени, знаешь ли. Галина ждет, — нахмурился Дмитрий.

— А что такое?

— Ну, понимаешь, просто она не любит оставаться одна. Еле вырвался с тобой на ужин.

Мы торопливо поговорили о том, как идут дела в нашем бизнесе. Хотя в «нашем» было громко сказано. Про-

сто Дмитрий время от времени давал мне денег в долг. И мы тем вечером собирались подписать соглашение о его официальном вхождении в состав учредителей компании с двадцатипятипроцентной долей участия в счет моего долга. Все было давно согласовано, и требовалась только его подпись. Я вынул бумаги из портфеля. Но тут он, потупив глаза, неожиданно предложил:

— Думаю, пятьдесят на пятьдесят будет более справедливо.

— Но мы же обо всем договорились! — удивленно воззрился я на товарища.

— Я понимаю. Мне и самому теперь неловко. Но, видишь ли, Галя думает, что так будет лучше.

— Кто? Галя? — изумился я еще больше. Мне было бы понятно, если бы его отец, который, по сути, и снабжал меня деньгами через Дмитрия, захотел поинтересоваться, на что идут его средства. Но чтобы двадцатитрехлетняя пигалица, о существовании которой месяц назад я и не подозревал, влияла на наш совместный бизнес?! Нет, это было выше моего понимания.

За нашим столом повисло неловкое молчание. Признаться, я был взбешен, и если бы на кону не стояло дело долгих лет, то мог бы многое сказать в тот момент. Однако, взяв себя в руки, лишь поинтересовался спокойным тоном:

— А она-то здесь при чем?

О чем тут же пожалел.

— Она, между прочим, без пяти минут моя жена. И не надо о Галине в третьем лице. И вообще давай не

будем об этом. Я тебе это по дружбе рассказал. Но теперь понимаю, что сделал ошибку. А раз так, то готов получить свои деньги назад хоть сейчас, — рассердился мой друг. Лицо его приняло враждебное выражение, чего в нашем общении прежде не случалось. И я сообразил, что перешел красную черту, а денег, чтобы вернуть долг, у меня, между прочим, не было.

— Ну хорошо. Зачем же так горячиться? Пятьдесят, так пятьдесят, — быстро сориентировался я.

— Ну и славно, — обрадовался Дмитрий, которому, похоже, самому весь этот разговор был в тягость. Мы ударили по рукам, и он откланялся.

Молодые сыграли пышную свадьбу и стали жить в роскошной квартире Дмитрия в центре Москвы, которую незадолго до того подарил ему отец. Вскоре Дмитрий открыл собственный бизнес на паях с хорошим знакомым отца. С первых же дней своего существования их компания пошла в гору. И неудивительно: заказами бизнесменов обеспечивала государственная корпорация, в правлении которой не покладая рук трудился отец Дмитрия. Через несколько лет бизнесмены открыли филиал в Питере, который быстро разрастался и вот-вот должен был по оборотам сравняться с Москвой. Партнер уехал в Питер, откуда и был родом, а Дмитрий остался на хозяйстве в Москве. Никакая предпринимательская жилка при таком отце ему не требовалась. Деньги и без того текли рекой.

У меня же дела шли со скрипом. Жена Наташа тоже работала мелким управленцем в страховой компании.

И хотя на жизнь нам вполне хватало, различие в материальном достатке с моим другом стояло непреодолимым препятствием на пути общения семьями.

Но Дмитрий оставался моим равноправным партнером, и как-то раз, несмотря на неприятные предчувствия, мы пригласили их к себе домой на дружеский ужин.

Они прибыли с небольшим запозданием. Галина была в черных облегающих сапожках на высоких каблуках, шубе до пят и меховой шапке в тон шубы. Небрежно сбросив с себя верхнюю одежду, которую ловко подхватил Дмитрий, она осталась в облегающем черном платье. Шею ее украшал брильянтовый кулон величиною с грецкий орех. Или мое воображение дорисовало размеры? В брильянтах я, признаться, никогда не разбирался. Не возникало потребности.

После коротких приветствий и формальных поцелуев Галина равнодушным взглядом окинула наше убранство и произнесла:

— Ну, и чем вы хотели меня удивить?

Моя Наташа в удивлении слегка подняла брови. А Дмитрий примирительно улыбнулся.

— Показывайте, — гнула свою линию гостья.

И это было только начало. Я разговаривал с ней третий раз в жизни — второй раз мы перекинулись несколькими фразами на их свадьбе — и мог только догадываться, как много уничижительного нам придется пережить в тот вечер. Осмотр нашего жилища между тем начался.

— И как вы здесь все помещаетесь? — негромко, но вполне различимо проговорила она, сочувственно качая головой. И хотя по моим представлениям четырех комнат в сталинском доме нам втроем — сыну к тому времени исполнилось три года — было вполне достаточно, я не нашелся, что ответить.

За ужином в основном говорил Дмитрий.

— А чем ты занимаешься, Галя? — поинтересовалась Наташа, воспользовавшись образовавшейся паузой.

— Раньше в области дизайна. А ты?

— Работаю в страховой компании начальником отдела.

— Так скучно. Каждый день к девяти...

— А ты сейчас что делаешь? — покраснела Наташа.

Услышать ответ на этот вопрос нам было не суждено: зазвонил телефон Галины. Взглянув на дисплей, она улыбнулась, поднесла аппарат к уху и томно произнесла:

— Алло.

Из телефона послышался сочный мужской басок. Жена Дмитрия грациозно поднялась из-за стола, неспеша вышла в другую комнату и плотно прикрыла за собой дверь. Она отсутствовала довольно долго. Дмитрий, пытаясь скрыть неловкость, растерянно улыбался и не переставая рассказывал разные забавные истории, которые происходили с ними в разных частях света. Взгляд его был рассеян, а сам он стал заметно нервозен.

Галина вернулась за стол, но совсем ненадолго. Опять зазвонил ее мобильный. Снова послышался, как мне показалось, тот же басок. Галина томно промурлыкала «Алло» и плавно удалилась в соседнюю комнату, где с полчаса оставалась за закрытой дверью.

— Это по делу. Мы сейчас все в ремонте. Дизайнер. Никакого отдыха от него, — с натянутой улыбкой нашелся Дмитрий.

«А! Дизайнер! Вот оно что! Ну тогда я спокоен!» — чуть было не слетело у меня с языка.

— Отец же, кажется, подарил тебе квартиру с ремонтом? — вместо этого уточнил я.

— Да, но Галина считает, что он совсем убогий. Она хочет все переделать. А пока приходится снимать квартиру.

— Нам пора, дорогой, — показалась из соседней комнаты Галина.

— Спасибо за угощение, — проворно поднялся из-за стола мой друг. И все переместились в прихожую.

— У вас тут не грабят в подъезде? — с тревогой осведомилась гостья, просовывая руки в поданную шубу.

— Не чаще, чем раз квартал, — кисло улыбнулся я.

— Все-таки это так неудобно, когда нет охраны, — напоследок сочувственно покачала головой Галина, и дверь за ними захлопнулась.

— И что это было? — свирепо уставилась на меня жена.

— Тебе бы еще скалку в руки! — попытался я свети все к шутке.

— И возьму. Я еле вытерпела до конца.

— Понимаешь, Наташенька, он мой партнер. Ты уж будь с его женой поласковее, что ли. У меня нет денег, чтобы сейчас расплатиться.

— Ну, если только так...

— Вы же обменялись телефонами с Галиной?

— И что с того?

— Может, сходите куда вместе? — робко поинтересовался я. Я слышал, у нее мало подруг.

— Ну уж нет!

— Ну, для нашего же блага. Понимаешь?

— Понимаю, ладно, может быть, — смягчилась наконец Наташа.

— Ну, вот и хорошо.

— Но только если она сама позвонит.

— Ну, конечно, золото ты мое, умница!

И Галина действительно позвонила. С тех пор моя преданная жена эпизодически разговаривала с ней по телефону. Больше того, иногда они даже ходили в кафе. Впрочем, с годами жена моего друга стала чуть мягче в общении, а кроме того, самым странным образом прониклась доверием к Наташе настолько, что, не стесняясь, посвящала ее в детали своих многочисленных любовных походов. Объекты ее неумной страсти были самого разного толка и социального статуса. От разносчиков пиццы до бизнесменов средней

руки. А однажды, на каком-то светском рауте, пока Дмитрий отвлекся на деловой разговор, ей удалось зацепить председателя банка средней величины. Правда, этот роман оказался самым скоротечным — всего одна встреча, зато его развитие было молниеносно. Все произошло там же, в туалете. Слушая пересказы этих увлекательных историй, я дивился, как ловко ей удается утаивать от мужа свои измены. О том, чтобы завести с ним разговор на эту тему, не могло быть и речи. И хотя мне искренне хотелось помочь своему другу, раскрыть его глаза на творящиеся за его спиной безобразия, я твердо помнил, где проходит красная черта, которую лучше не переступать, если я хочу сохранить свой бизнес.

Семьями мы не общались несколько лет. Дмитрия я тоже редко видел. Из этих коротких встреч и из того, что пересказывала мне жена, следовало, что мой друг с женой очень много путешествуют и даже приобрели домик на Лазурном берегу или где-то еще. Я удивлялся, когда же Дмитрий успевает заниматься делами, если по полгода проводит за границей.

И вот, по прошествии нескольких лет, мы были приглашены к ним на ужин. Квартира поражала великолепием. Холеная хозяйка блистала брильянтами, а Дмитрий — остроумием. Были еще две пары. Под ногами вертелась маленькая собачка. После аперитива за непринужденной беседой в диванной нас попросили к столу. Прислуживал официант, а повар орудовал на кухне.

Дмитрий встал и произнес тост:

— Друзья, мы рады видеть вас у себя в гостях именно сегодня в день нашего юбилея. Прошло ровно пятнадцать лет с тех пор, как Галина осчастливила меня. Да, да, мы поженились именно в эту дату. Я хочу сказать, что за прошедшие годы моя любовь к ней только окрепла! Как хорошее вино с годами приобретает дополнительные оттенки вкуса, так и в моей душе кристаллизуется все больше разнообразных граней этого настоящего чувства. И сегодня я хочу сказать, что сделаю все, чтобы Галина была счастлива! — Дмитрий завершил свою речь словами запомнившегося мне тоста его отца. В тот день мой друг переадресовал их своей жене. Детей у них так и не появилось. Гости радостно заплодировали и стали чокаяться.

У Галины зазвонил телефон. Бросив взгляд на дисплей, она удовлетворенно улыбнулась и грациозно поднялась из-за стола. Гулко хлопнула входная дверь в квартиру.

«Опять дизайнер?» — подумал я и украдкой улыбнулся. Порой мне бывает приятно видеть, когда у других что-то не клеится. Особенно, если они мне до этого наступили на большую мозоль. Тогда все мелкие обиды, которыми пренебрегаешь во имя дружбы, почему-то всплывают в памяти. Наташа говорит, что я злопамятный. Возможно, она права. Но, думаю, я в этом не одинок.

Ужин подошел к концу, а Галина так и не появилась. Как раз незадолго до этого Наташа пересказала мне

детали последнего страстного романа жены Дмитрия с помощником директора мелкого охранного предприятия. С ее слов тот так распался, что не давал ей проходу и требовал видеть ее чуть ли не каждый вечер. Галина хотела было порвать с ним, но любовник грозил все рассказать мужу. Поэтому ей ничего не оставалось, как отдаваться страстному негодяю, когда и где тому заблагорассудится. С ее слов, несколько раз это происходило прямо в подъезде, на лестнице, ведущей на технический этаж. Видимо, сейчас был как раз такой случай.

— А где же хозяйка? — через какое-то время невинно поинтересовалась не столь осведомленная гостья.

Дмитрий был заметно сконфужен, пальцы нервно забарабанили по столу.

— Эльза потребовала идти на прогулку, — выдавил из себя кислую улыбку хозяин.

— Эльза?

— Ну да, Эльза, собачка наша. Вот, только что эсэмэску прислала, — и он, словно в доказательство, поднял свой мобильный.

— Кто? Эльза? — пошутил муж несведущей дамы.

Но находившийся в сильном смятении хозяин дома воспринял вопрос буквально.

— Нет, Галина, конечно! Она скоро придет. Она... — он запнулся. — А пойдёмте лучше посмотрим наши путешествия на широком экране!

Все проследовали в гостиную, где и углубились в просмотр, сопровождавшийся подробными комментариями хозяина. Подали ликеры. Потом гости, словно сговорившись, потянулись к выходу и столпились в прихожей. И тут появилась блистательная хозяйка с помятой прической и собачкой на поводке.

— Уже уходите? — осведомилась она с улыбкой.

— Можно тебя на минутку, — со злостью прошипел Дмитрий и, крепко вцепившись ей в руку, силой увлек в глубь квартиры. Где-то хлопнула дверь, и послышался негодующий голос моего друга. Потом раздался громкий звук, напоминающий битье крупногабаритного фарфора. Затем наступила тишина.

— О... Полагаю, при данных обстоятельствах нам следует уйти по-английски, — иронично заметил тот самый господин, который ранее интересовался, не собачка ли прислала СМС.

И мы вместе с остальными гостями покинули дом счастливых юбиляров.

После этого случая я снова довольно долго не видел своего друга.

Однажды погожим июньским днем, когда мы всей семьей, вчетвером — у нас к тому времени появилась еще дочка — обедали на террасе нашей дачи, раздался звонок телефона. Это был Дмитрий.

После коротких приветствий он неожиданно спросил:

— Ты не возражаешь, если мы к вам заедем в гости?

«Этого еще не хватало», — подумал я и ответил:

— Отличная мысль. А когда?

— Да прямо сегодня. Часа через полтора. Мы тут недалеко от вас в ресторане обедаем. Ждем десерта.

— Конечно, приезжайте. Гале привет.

— Передам. Но я не с ней приеду.

— То есть? — удивился я.

— Я с Ниной. Ну до встречи, скоро будем. Готовиться не надо. Мы все с собой захватим.

Я обратил удивленный взор к своей жене.

— Дмитрий скоро приедет.

— Да?

— С Ниной.

— Кто это еще?

— Хороший вопрос. Ладно, разберемся, — махнул я рукой.

— Может, это и хороший вопрос, но не самая хорошая идея, — нахмурилась Наташа. — Я порой разговариваю с Галиной. По твоему поручению, между прочим.

— Уже поздно. В конце концов, мой друг он, а не она. А потом, Галина не должна быть против.

— Не знаю, не знаю...

Нина оказалась доброжелательной шатенкой нашего возраста и приятной внешности. Она ловила каждое слово Дмитрия. Впрочем, уважение к окружающим было, судя по всему, ей внутренне присуще. Вообще-то, по моему мнению, уважение к другим

сродни прочим генетически заложенным качествам личности. Таким, например, как доброта, решительность, способность к сопереживанию, или же, напротив, завистливость, гордыня, с которыми рождаются и которые невозможно ни долго имитировать, ни маскировать. Но я что-то отвлекся.

Мы непринужденно побеседовали на самые разнообразные темы, говорили о литературе и драматургии, о соседях и кино. В Нине угадывалась принадлежность к нашему кругу, хотя грани его довольно размыты. В ее обществе Дмитрий вновь приобрел былую осанку, рассудительность и уверенность. Потом, оставив женщин, мы пошли с ним прогуляться по поселку.

— Думаю, пора разводиться, — сказал он легко.

— Да?

— А что? Детей все равно нет. А без них брак содержит не больше обязательств, чем простое сожительство. Надоело, понимаешь. А тут недавно еще какой-то тип звонил, требовал отдать ему Галину.

Я только присвистнул.

— Вот и я говорю... — добавил Дмитрий.

— А ты что?

— Сказал, что не возражаю, пускай она идет на все четыре стороны. Ее никто не держит. Он, похоже, не был готов к такому повороту событий. И, как будто не расслышав меня, сказал, что за небольшую сумму все можно решить. Ты подумай только! Интересный она себе контингент подбирает! Ничего не скажешь! Да и

чего ждать от необразованной бабы? Ты, наверное, не знаешь, что она даже в институте ни дня не проучилась? Книжку в руки ни разу не брала! От сохи она. В брильянтах, правда, теперь хорошо разбирается. За мой счет, понятное дело. Нет, хватит, пора разводиться. Сейчас у родителей пока за городом живу.

— А она где?

— В нашей квартире, разумеется. У ее любовников-то всегда ветер в кармане гулял.

Тут мне открылось, что Дмитрий давно, а может быть, и всегда знал о похождениях Галины.

— Она неплохо устроилась, — механически заметил я, размышляя тем временем, что же, в таком случае, мешало ему развестись с ней раньше.

Почувствовав мой сарказм, Дмитрий развел руками:

— А что делать? Это же ее квартира.

— Как это ее? Когда твоя. Тебе, если я не ошибаюсь, ее подарил отец незадолго до свадьбы. Галина в случае развода по закону даже претендовать на нее не сможет.

— Я давно квартиру на нее переоформил.

— Это еще зачем?

— Так вышло, — отрезал Дмитрий, и я почувствовал, что пора сменить тему.

— А Нина чем занимается?

— В аудиторской фирме работает. Развелась два года назад.

— Жениться на ней собрался?

— Пока не знаю, — уклончиво ответил мой друг. Я же не стал задавать лишних вопросов.

Когда мы возвратились с прогулки, было заметно, что Наташа с Ниной отлично поладили. И за непринужденным разговором мы не заметили, как совсем стемнело. Наши гости откланялись. Мы же, признаться, были очень обрадованы такому развитию событий в жизни моего друга.

Я встретился с Дмитрием обсудить наш бизнес месяца через два в ресторане. И он сразу же поинтересовался, не буду ли я возражать, если к нам присоединится Катя.

— Катя? — переспросил я с улыбкой.

— Да, Катя. Это одна моя знакомая.

Я пожал плечами. Катя так Катя. Вскоре действительно появилось юное создание. Девушка была моложе нас лет на двадцать. Воздушная и утонченная блондинка, начинающая балерина, очевидно, нуждающаяся в спонсоре. Катя смотрела на Дмитрия как на бога, сошедшего с небес. Нину мы больше не видели.

А за Катей последовали другие: брюнетки и рыжие, стройные и в теле, высокие и не очень, обеспеченные и нет, интеллектуальные и не совсем. Потом Дмитрий на какое-то время исчез с моего горизонта. По телефону он отделялся общими фразами, что за границей или что сейчас ему не до чего.

Но вот однажды мой товарищ сам предложил поужинать, поговорить о том о сем.

Дмитрий вошел в ресторан скорой походкой. На ходу подозвал официанта и потребовал большую бутылку водки. В движениях моего друга сквозила нервозность. После недолгих приветствий и дежурных фраз вежливости Дмитрий поинтересовался, не мог бы он выйти из нашего совместного бизнеса. Я выразил удивление, зачем это ему понадобилось. Бизнес работал как часы, и стоимость его доли росла как на дрожжах. Мы это ежегодно фиксировали на договорной основе.

— Это все так, но понимаешь, нужны деньги. Кстати, давай выпьем, — предложил мой малопьющий товарищ.

Мы выпили по рюмке. Благо к тому времени я тоже стал ездить с водителем. Дмитрий же немедленно опрокинул еще одну.

— Но какие у тебя могут быть проблемы с деньгами? — удивился я.

— Ты же знаешь, что после того, как отец ушел на пенсию, обороты нашей фирмы катастрофически упали. Самые жирные заказы теперь достаются детям других родителей, а мы не первый год перебиваемся с хлеба на воду.

Я вспомнил, что действительно как-то прочел в новостях об этом печальном для моего товарища событии. Он же тем временем выпил еще стопку и добавил:

— А Галина привыкла жить на широкую ногу. И я должен обеспечивать потребности жены.

— Галина?

— Да, я вернулся к ней.

— Вот он что...

— Ладно, давай-ка лучше не будем об этом. В конце концов, я мог ничего этого тебе и не говорить. Короче, когда ты мою долю выплатить сможешь?

Я прикинул и ответил, что через год — как и обусловлено в наших соглашениях.

— А раньше? — он выпил еще.

— Я готов выплачивать частями.

— Хорошо. А можно это еще как-то ускорить?

— Ну, если только взять кредит в банке. Но потребуются залог. Я, правда, пока не понимаю, что можно было бы заложить. Да и сумма выплаты сократится на сумму банковских процентов. Ты же не станешь разоряться на процентах?

— Стану, — Дмитрий опрокинул очередную порцию, стал совершенно пьяным, и его понесло:

— Понимаешь, у нас очень непростые отношения. Галина может меня бросить в любой момент. Такое уже бывало в прошлом. Я должен ее удержать. Я куплю ей дорогой подарок. Она, если ты заметишь, любит брильянты. Так вот я куплю ей то, что она хочет. Я даже тут присмотрел один.

— Но...

— Никаких «но». Ты пойми, — и тут мой пьяный друг неожиданно поведал историю своей любви.

— Я познакомился с ней совершенно случайно. Приехал в гости к товарищу на дачу в Серебряный

бор. Собралась большая компания. Вечерело, но было жарко, и все пошли купаться. Там на пляже я ее и заметил. Она не имела к нашей компании никакого отношения. Просто лежала на песке, загорала, без лифчика — народу вокруг практически не было. Понимаешь, ее девичья грудь, бедра, незащищенные утонченные плечи, и вдруг этот хам, неизвестно откуда взявшийся, развязано кладет свою грязную отвратительную руку ей на живот. Она, видно, заснула и потому не реагировала. Хам же медленно продвигается вниз, до самых плавок. И снова лезет вниз! Тут девушка наконец приоткрыла глаза и вяло, видно, спросонья, попыталась оттолкнуть его. Тот ни в какую. И что-то бормочет при этом с гадливой улыбкой. Это было выше моих сил. Я встал и вмешался. Хам был коренастый, но, увидев в отдалении моих друзей, поспешил ретироваться. Так я первый раз увидел Галину. Мы тут же познакомились. Я вызвался проводить девушку. Мне это ничего не стоило, разве что разукрашенного гвоздем мерседеса, подарка отца. Кто-то поработал над ним, пока я знакомился с ее теткой.

Жила она в Долгопрудном. На первом этаже большого пятиэтажного сарая. У меня сердце сжалось, когда мы оказались в ее квартире. Нищета непередаваемая. Крохотное пространство, все заваленное хламом, какой-то ненужной рухлядью: табуретки, обгрызенный кухонный стол, корыто с горячей водой, узкий коридор, ведущий в комнату с ободранными обоями

грязного цвета. Подобие шкафа без дверок. Лампочка без плафона под потолком. Пол, об который можно занозить ногу. Толстая тетка в грязном халате с закатанными рукавами, из-под которых высовываются красные, словно ошпаренные руки. Галина сказала, что это действительно ее тетка: родители остались в Североморске. И среди всей этой дряни мой не огранённый алмаз! Гордая осанка. Плавные движения. Зовущий низкий грудной голос. Порода! Откуда что берется! Хотя родители ее все же из технической интеллигенции, как она мне рассказала. Правда, их я никогда не видел: Галина сказала, что поссорилась с ними, когда сбежала в Москву. И не желает больше видеть.

Казалось бы, вид такой нищеты должен был меня, рафинированного молодого человека, отпугнуть. Однако вышло наоборот. У меня возникло желание защитить, приласкать, обогреть и увести из этого отвратительного места мою принцессу.

Дмитрий надолго замолчал, а я понял, что потерял партнера.

Впрочем, бизнес мой окреп, и я смог выплатить его долю в течение полугода. Кредита нам не дали из-за отсутствия залога. Дмитрий хотел заложить свою бывшую квартиру, но Галина не согласилась.

Однако не прошло и нескольких лет, как Дмитрий обратился ко мне с просьбой дать ему в долг довольно приличную по моим меркам сумму. Иначе на него должны были открыть уголовное дело. Истцом выступ-

пал обманутый им питерский партнер. Дмитрий долгое время в отсутствие прибыли растрачивал деньги компании. Причины были все те же: Галина привыкла к определенному уровню жизни, и он, как муж, должен был его любой ценой поддерживать.

Такими суммами я не располагал, да и, сказать по правде, не дал бы в любом случае. Зачем мне было потакать прихотям Галины? У меня была своя семья. Но почему бы им не продать домик на Лазурном берегу? О чем я и спросил Дмитрия. Он же ответил, что дом уже и без того давно заложен, но Галина об этом ничего не знает. Мне хотелось спасти своего друга из цепких лап этого «суккуба», но я не понимал, как.

Придя домой, я поделился наболевшим с Наташей. Больше всего меня интересовали причины того, как здравомыслящий, образованный человек мог позволить необразованной женщине диктовать себе ее волю. Я терялся в догадках, на чем основывался его выбор спутницы жизни. Напомню, Дмитрий нравился многим женщинам. Однако, судя по всему, никто его больше не прельщал.

И Наташа меня просветила.

— Слушай. Как-то раз, много лет назад, устав от подробностей очередного романа Галины, я спросила у нее:

— А как ты умудряешься скрывать свои похождения от мужа?

— Скрывать? Я и не думала ничего скрывать. Ему это надо не меньше, чем мне.

— То есть?

— Мне это надо потому, что я нимфоманка, а ему потому, что без этого у него ничего толком не получается, — и Галина углубилась в воспоминания.

— После нашего знакомства на пляже Серебряного Бора прошло всего-то несколько недель, когда я заметила, что его интерес ко мне начинает убывать. Но лучше все по порядку. Вообще-то все у нас случилось в первый же вечер нашего знакомства, прямо на скамейке, в палисаднике возле пятиэтажки, где я тогда обитала у тетки. Димка накинулся на меня словно бизон. Я, конечно, слабо отбивалась для приличия, но он был неудержим. Однако и после, несколько дней подряд не давал мне отдыха. Приезжал за мной каждый вечер, ужинали в ресторане, а потом к нему домой, в постель. И вдруг, чувствую — охладевает.

Я впала в смятение. Мне необходимо было его удержать. Во-первых, я была беременна на втором месяце. Не от него, естественно. И у меня были планы убедить Димку, что это его ребенок. Но самое главное, я твердо решила вырваться из той нищеты, в которой находилась. И он — такой благородный, интеллигентный и, главное, богатый — был тот шанс, который выпадает раз в жизни и который только дура может упустить. Вам, девочкам из благополучных семей, этого не понять.

Я стала как шелковая. Преданно заглядывала ему в глаза, льстила изо всех сил: какой он умный, красивый, сильный и прочее, изображала бурные оргазмы,

которых никогда с ним не испытывала. Все впустую. Только хуже. Холодеет. И я уже почти отчаялась.

Но мне помог случай. Мы поехали повеселиться к его другу в загородный дом. Собралось много самых разных людей. Были танцы. Выпивка. Дмитрий, к моему ужасу, обо мне совсем забыл. А потом, после нескольких кружек пива или из-за жары, его неожиданно сморило, и он заснул прямо в кресле под грохот музыки. Видя это, хозяин дома начал проявлять ко мне интерес. Вначале мы танцевали быстрый танец, потом медленный, потом еще. Объятия его становились все теснее. Поначалу я сопротивлялась, но в перерывах между танцами он все подливал мне вина. А потом потащил куда-то за руку. Я бросила взгляд на Дмитрия: тот спал. Хозяин же дома действовал на меня очень даже возбуждающе. Короче, я уступила ему на письменном столе в кабинете. Когда я застонала, то краем глаза увидела открывающуюся дверь. В проеме появилась голова Дмитрия. Я хотела было оттолкнуть парня, что был на мне, но мне было так хорошо, что я лишь застонала опять, глядя прямо в глаза Дмитрию. Он же не уходил. Стоял и смотрел в приоткрытую дверь. Глаза и лицо его выражали боль, ярость и одновременно еще что-то: блаженство, что ли. Мне стало страшно: вдруг бросится на хозяина или меня изобьет. Но ничего подобного не произошло. Дмитрий дождался, когда мой любовник обмяк на мне, и только тут заорал: «Это что происходит?!» Хозяин вскочил, натянул штаны и

с бормотанием: «Ты понимаешь, старик, это просто случайно, я не хотел, ты не держи зла», — выскочил из комнаты.

А Дмитрий продолжал кричать во весь голос: «Как ты могла! Потаскуха! Тварь! Я убью, убью тебя!» — а я только стояла и дерзко смотрела на него. Тогда он бросился и овладел мною так, как в первый вечер нашего знакомства и даже почище.

И вот, пока он делал свое дело, у меня в голове все и сложилось. Ведь самому нашему знакомству с Димой я была обязана этому придурку соседу Павлику. Мелкому хулигану, который отсидел полгода и с которым в тот вечер я прикатила в Серебряный бор на пляж. Павлик отошел купить сигарет. Я делала вид, что сплю, но на самом деле сквозь ресницы разглядывала мажорных молодых людей, расположившихся по соседству. Вернулся Павлик, присел рядом и начал свои обычные ласки. Дмитрий это заметил и двинулся в мою сторону: спасти от хулигана. Павлику я просто шепнула, чтоб валил и что внакладе не останется. А он знал из опыта, что мое слово — закон. Потом я, между прочим, с ним сполна расплатилась.

«Значит, вот, что тебе, Димуля, надо!» — поняла я в кабинете под аккомпанемент его сопения. С тех пор он был у меня как шелковый. Кто же ему такое еще даст? Мне вообще-то не очень нравится, когда на меня смотрят в процессе, да и найти подходящего любовника, чтоб согласился на такое, довольно сложно. Тут

ведь надо, чтоб все по-настоящему было. Иначе больно просто было б: денег заплатил и пожалуйста. И если б так, то видала бы я своего Диму далеко-далеко.

Уже когда женаты были, несколько раз я специально подстраивала, чтобы Дмитрий увидел. С его водителем, например — очень крепкий, между прочим, мужик был, — Дмитрий нас прямо в спальне застукал. Ну и еще с другими несколько раз удавалось. В подъезде, на лестнице, ведущей на технический этаж, например. Впрочем, моему мужу достаточно просто точно знать, что я с кем-то была. Так что у нас симбиоз — если я не путаю, так это называется. Само собой разумеется, эту тему мы никогда не обсуждали вслух. Еще раз говорю: тут все по-настоящему должно быть, никаких договоренностей. Это я еще тогда поняла. Хоть и без образования, но по-женски посмышленей многих буду. Встречала я таких баб: с учеными степенями, а дуры дурами, не знают, как мужика своего удержать.

А вот что ребенок от него, так Дима не поверил. Не буду, заявил, чужого воспитывать, и ни в какую. Пришлось аборт делать. Неудачно прошло. С тех пор детей иметь не могу.

* * *

— Что же было дальше? — поинтересовался я у Ильи.

— Финансовые дыры на последние сбережения заткнул отец Дмитрия. Он выполнил обещание и сде-

лал для сына все, что мог. Кроме всего прочего, именно отец Дмитрия один на один растолковал невестке, насколько печально их экономическое положение и что произойдет, если она не умерит свои аппетиты. Галина последовала его совету, и после смерти родителей Дмитрия им досталось небольшое наследство в виде загородного дома, остатка от продажи которого должно хватить на долгие годы умеренной жизни. Никаким бизнесом Дмитрий, к его счастью, заниматься больше не пытался.

Неизвестно, пыталась ли Галина подыскать себе на стороне кого-нибудь побогаче. Зато мы доподлинно знаем, что преуспевающих любовников у нее никогда не было. По-настоящему, она всегда нужна была только своему мужу, а он ей.

Теперь, когда страсти поутихли, мы имеем радость лицезреть солидную чету, глядя на которую сложно представить ту бурную жизнь, которую они прожили.

Июнь 2018

Несправедливость

Петр Семенович Темерзяев, крупный мужчина пятидесяти лет, беспокойно ходил по огромной гостиной своего добротного дома. За широким окном быстро угасал короткий ноябрьский день средней полосы. Первый снег тяжелыми хлопьями ложился на сырую землю, нарастал на темных ветках деревьев. И пусть другим не нравится подмосковная осень, Петр Семенович втайне — порой бывает полезно попридержать свое мнение — любил это время! Оно напоминало ему детство, когда он, счастливый мальчик из благополучной семьи, радовался первому снегу. Играл в снежки, лепил снежную бабу и каждый раз не хотел верить в то, что первый снег растает. Но даже если так, то пусть! Ведь на подходе уже катание с ледяной горки, хоккей, лыжи. А дальше: «Мороз и солнце — день чудесный»*, Темерзяев знал и ценил поэзию. Разве не блаженство ворваться с мороза в теплый дом и ощутить уют родных стен?! Возможно ли такое, когда на улице тепло?

Но сейчас Петру Семеновичу было не до светлых воспоминаний детства. Брови сошлись на переносице,

* А. С. Пушкин.

колючий взгляд беспокойно метался по комнате. Самые неприятные раздумья одолевали его. Хотя на поверхности явлений все, казалось бы, шло своим чередом.

Минут десять назад он вернулся из ресторана, куда ходил пообедать со своим соседом, Леонидом Ивановичем Мозговитым. Они когда-то учились на одном потоке в институте. Потом старательно делали карьеру, каждый в своей сфере. Леонид Иванович — по финансовой части, Петр Семенович — на государственной службе. Но дружбы не теряли и, когда представилась возможность, даже дома построили в одном престижном поселке, на соседних участках. С тех пор по субботам давние друзья любили пообедать в местном ресторанчике. До него всего минут двадцать ходу. И хотя ресторанчик этот с точки зрения интерьера или пищи был самым заурядным и скорее даже напоминал кафе, личности в нем попадались отнюдь не заурядные. Такое уж тут было место.

Вот и сегодня, не успели друзья сделать заказ, как через два столика от них расположилась небольшая компания почтенных людей. И среди них видный политический деятель Букин, славный продолжатель прекрасных традиций своей могучей семьи, многие представители которой самозабвенно — как они сами при случае и без подчеркивали — послужили на благо отчизне.

Политического деятеля невозможно было не заметить. Все в нем — прямая осанка, степенная поступь,

благородная седина, вьющиеся усы — выдавало человека незаурядного. Двое же спутников его ни осанкой, ни ростом не вышли. Движения их были суетливы, на устах играла услужливая улыбка. В общем, короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, кто в этой троице главный.

Завидев пришедших, Темерзяев встрепенулся. Подслеповатые глаза его заблестели под толстыми линзами очков. Несмотря на свою тучную комплекцию, он проворно поднялся и, едва успев бросить другу «Леонид, я на секундочку», устремился в сторону видного политика.

Петр Семенович давно ждал такого момента! Несколькими годами назад ему уже было улыбнулась удача. По местной традиции в первую субботу сентября проводился любительский футбольный матч. И мало того, что Букин в тот год принял в нем участие, Темерзяев оказался в одной с ним команде! Видный политик, как и полагается, был форвардом, Петр Семенович же всего лишь полузащитником, но бегали по полю, можно сказать, локоть к локтю. А после матча, как водится, сделали памятное коллективное фото, которое по сей день украшало рабочий кабинет Темерзяева. Однако, несмотря на все старания Петра Семеновича — а уж он, когда надо, умел проявить настойчивость, — дело дальше совместного коллективного снимка тогда не пошло. Да и прежняя его должность, положив руку на сердце, не позволяла вот так запросто заговорить с та-

ким человеком. Но сейчас, после очередного назначения, Петр Семенович полагал, что вышел на иные орбиты. Не то чтобы теперь он стал на равных с Букиным, но все же.... И вот, окрыленный надеждой, Петр Семенович с легкой улыбкой на устах приблизился к столику видного политика, чуть поклонился и, поднеся руку к губам, негромко покашлял.

Видный политик в удивлении поднял голову. Темерзяев развернуто представился: сообщил, как его зовут, где он проживает, из чего само собой вытекало, что они почти соседи, а также проинформировал, какую должность занимает в настоящее время. Букин и его свита молча слушали. Выражение их лиц не выдавало никаких эмоций. Разговор определенно не завязывался. В довершение всего некстати появившийся официант начал назойливо принимать заказ. Но Темерзяев не сдавался: в числе прочего он упомянул товарищеский матч по футболу трехлетней давности, потом сплел пару историй про каких-то местных личностей, тут же сдобрил их анекдотом, потом другим. Во избежание быть услышанным посетителями за соседними столиками говорил он тихо. И чтобы Букин мог расслышать, рассказчику приходилось хорошенько сгибать длинный торс в пояснице. А ведь именно эта неудобная поза была категорически запрещена врачами. Время шло, спина гудела, грозя окончательно погубить дело. А тут еще надоедливый официант, вновь отвлекая общее внимание, подоспел с закуска-

ми и водкой. Петр Семенович совсем сник и собрался было ретироваться. Но Букин тут хватанул запотелые пятьдесят грамм, закусил белым грибочком с луком, и на безразличное лицо его неожиданно снизошла добрая улыбка. Он благосклонно махнул рукой, приглашая нового знакомого присесть, чем Темерзьев не преминул воспользоваться.

— На это он, что ли, обиделся? — пробормотал Петр Семенович и пожал плечами.

— Кто обиделся, Петя? — спросила жена, женщина небольшого роста лет пятидесяти.

Темерзьев вздрогнул от неожиданности.

— Как ты меня напугала, киса! Подкралась как кошка! Просил же тебя, Люба! — в голосе хозяина дома появились капризные нотки.

— Ну, не сердись. Я вот тебе халат принесла. Чтобы дремать теплее было, — на плечах этой маленькой женщины долгие годы лежали заботы о муже, давно взрослом сыне, и домашнем хозяйстве. Со всем этим она великолепно справлялась. Люба считала себя и мужа единым целым, и мысль о том, что их брак, как многие другие, может быть разрушен, не приходила ей в голову.

Темерзьев любил вздремнуть после обеда, и чтоб непременно в бархатном халате, надетом поверх рубашки. Зачастую он не отказывал себе в этом удовольствии и в будние дни. Уютно располагался на кожаном диване в комнате отдыха, примыкающей к рабочему кабинету. Секретарше говорил, чтоб не тревожили:

работает, мол, с документами. Ну, а в субботу — совсем святое дело. Петр Семенович с довольной улыбкой надел халат и прилег на кушетку.

— Кто обиделся-то, Петя?

— Да Мозговитый, — брови его снова сошлись над переносицей.

— Из-за чего ж?

— А вот пойдн, спроси его!

— Так ты из-за этого такой встревоженный пришел?

— Встревоженный? Я? Что ты говоришь?

— Ну да. Прямо лица на тебе нет. Я подумала, не заболел ли.

Темерзязев проворно поднялся с кушетки, подошел к большому зеркалу в холле, включил свет и стал себя разглядывать. Жена последовала за ним.

— Нет, киса. Тебе показалось! — соврал Петр Семенович и снова проследовал на диван.

— Говорю, лица на тебе нет! Может, доктора позвать? — озадаченная жена пошла было за мужем, но тот остановил ее ослабевшим голосом: «Говорю же, киса, все нормально, не волнуйся. Иди. Я вздремну».

Жена вышла и прикрыла дверь, но сон не шел к Петру Семеновичу. Собственное нездоровое отражение в зеркале лишь усугубило его тревогу.

— Да что же это я, в самом деле? С чего я так осунулся? — пробормотал он, беспокойно ворочаясь.

Тут же дверь отворилась, и показалась голова Любы.

— Что это ты все сам с собой говоришь сегодня? Давай, может, давление измерим?

— Дежуришь ты, киса, под дверью, что ли?

— При чем тут «дежуришь»? Кто о тебе, Петя, еще позаботится? — обиженно пробормотала жена.

— Ну, ладно, киса, не сердись! Давай, знаешь что? Пойдем погуляем лучше.

— Пойдем, пойдем. Расскажешь мне все, что там тебя так беспокоит.

— Да нечего рассказывать совершенно, — говорил Темерзьяев, когда они уже шагали под мокрым снегом по аллеям закрытого поселка.

— А кто на тебя обиделся? Это работе твоей не повредит?

— Да нет. Не повредит. Это я Леонида имел в виду.

— Из-за чего ж ему обижаться? Ты и мухи у меня не обидишь.

— Вот именно. Но, понимаешь, люди такие странные...

— Здравствуйте, Петр Семенович, здравствуйте, Любовь! Прогуливаетесь? — неожиданно прозвучал голос еще одного соседа, поравнявшегося с ними.

— Здравствуйте, Алексей Игоревич. Как дела? Как жизнь? Как бизнес?

— Все в порядке. Спасибо. А вас, Петр Семенович, поздравить можно?

— С чем же? — сделал удивленное лицо Темерзьяев.

— Как? С новым назначением. В новостях передавали. Я вас после этого еще не встречал.

— А, это... — лицо Темерзяева приобрело смиренное выражение, и он обреченно махнул рукой.

— Что такое?

— Если бы вместе с назначением еще в сутках часов прибавили, тогда другое дело, — поддержала мужа жена.

— Что вы имеете в виду? — удивился сосед.

— Времени теперь ни на что не хватает: вот что. Сплошная работа и ответственность, — пояснила Люба.

— Так то же за деньги, плюс почет.

— Никакие деньги не нужны при такой нагрузке! — гнула свое Люба.

— Так всегда ж отказаться можно.

— Можно, конечно, но кому-то надо на себе этот груз тащить, — тяжело вздохнул Темерзяев.

— Как атланты, как кариатиды... Ну, хорошей вам прогулки, — улыбнулся сосед и пошел дальше.

— Чему он улыбается? Говорят ему, а он свое, — недовольно пробормотал Темерзяев.

— Не говори! Он мне никогда не нравился. При чем тут атланты? Юмор, что ли, такой? Шутник нашелся! Бизнесмен, что с него взять! Только о деньгах и думает. А интересы страны ему безразличны! — прошептала Люба.

— Не говори, Кисуля. Ты одна мне опора! — тяжело вздохнул муж.

— Так что ты говорил о Леониде? На что он обиделся?

— Понимаешь, пришли мы в ресторан. Только заказ сделали, как чуть ли не за соседний столик Букин с компанией садится.

— Что ты говоришь?! Тот самый?

— Да!

— Не может быть!

— Да, Кисуля! Да! — оживился Темерзяев. — Своей собственной персоной. Я, естественно, сразу к нему. И сегодня, представляешь, все пошло как по маслу.

Люба понимающе кивнула головой.

— Собственно говоря, я и отсутствовал всего ничего. Даже десерт не успели подать. Вот я и думаю, не мог же Леонид на это обидеться?

— А на что здесь обижаться-то? А он сам-то к вам не подошел, что ли?

— Кто, Леонид?

— Ну, да.

— Нет, так и сидел один. Ты же его знаешь.

— Понятно.

— А когда назад возвращались, Мозговитый какой-то раздражительный стал. Но, наверное, это по другой причине.

— По какой?

— Его с работы увольнять собираются.

— Увольнять? — в ужасе переспросила Люба.

— Да. По крайней мере, я так полагаю. То есть он-то преподносит эту новость как собственное желание. Сам, говорит, заявление написал. Но ты же понимаешь, киса, кто же с такой должности сам уходит будет?!

— Так не бывает! — со знанием дела прокомментировала Люба, хотя не имела никакого собственного опыта на этот счет и довольствовалась пониманием мужа.

— Вот и я говорю.

— Так вот что тебя гложет! Что его уволят! Он же тебе откатывал*. Действительно неприятно. Но не волнуйся, Петя, будем жить чуть скромнее.

— Ну, что за выражения, киса! «Откатывал!» Это же мы так, по-дружески с ним договорились. Зря я тебе рассказал об этом. Да и не проблема это вовсе. Я с его заместителем в прекрасных отношениях. Никуда они не денутся. Я им не меньше нужен, чем они мне. Все по-старому останется.

— Ну и слава богу! Тогда, наверное, ты из-за друга так переживаешь. Как же он теперь?

— Переживаю, конечно. Но что поделаешь? — тяжело вздохнул Темерзяев.

— Но ты, Петя, не бери на себя лишнего. Тебе и духовник это постоянно говорит. Душа твоя, хоть и большая, но не резиновая, всего в себя вместить не может. А Мозговитый — хороший мужик, но больно с норовом. Гордыня его распирает. Мне духовник говорил.

— Что есть, то есть.

— Теперь-то посмотрим, как он ипотеку гасить будет, — тихо добавила Люба.

* Откатывать — давать взятку (жаргонное выражение, принятое на Руси начала двадцать первого столетия).

— Так нет у него никакой ипотеки.

— То есть как это нет? — удивилась Люба, привыкшая мерить всех на свой аршин.

— А вот так. Я у него это первым делом спросил.

— Но...

Но в этот момент зазвонил телефон. Петр Семенович поднес трубку к уху и не отнимал ее минут пятнадцать, пока семейная чета не подошла к дверям своего дома.

Едва сняв мокрую от снега с дождем верхнюю одежду, Темерзиев устремился к большому зеркалу, у которого долго и тревожно себя разглядывал. Теперь ему показалось, что к бледности добавилась какая-то желтизна и даже стал подергиваться правый глаз.

— Может быть, все-таки вызовем врача, Петя? Или хотя бы давление измерим.

— Не надо, киса. Чайку выпью и посплю. Утром все пройдет. Вот увидишь.

— И даже ужинать не будешь?

— Нет аппетита совсем. Просто чайку и спать.

Так и поступили. И чай-то Петр Семенович действительно выпил, а вот заснуть так и не смог. Ворочался с боку на бок: никак не получалось найти удобного положения. Тяжело кряхтел и все думал о Мозговитом. Ему не давала покоя одна фраза товарища, о которой Люба так и не узнала, — благо зазвонил телефон. Да и ни к чему это ей знать-то.

Перед самым расставанием Темерзиев из сочувствия поинтересовался у друга, как же тот собира-

ется теперь жить, без зарплаты. И даже хотел было по-товарищески потрепать того по плечу, добавив что-нибудь из разряда: «ты, мол, держись», «что-нибудь обязательно подвернется». И уж совсем на прощание, с высоты своего нового положения, вознамерился помочь другу мудрым советом: не принимать поспешных решений или все хорошенько еще раз взвесить. Но не успел.

Потому что Мозговитый безразлично махнул рукой и заявил, что это как раз никакая для него не проблема.

— То есть как это — не проблема? — опешил Петр Семенович.

— Да так: двадцаточка в месяц мне и так прилипает.

— Как это прилипает? — не поверил своим ушам Темерзяев.

— Как доход на капитал, — просто пояснил сосед.

Темерзяев со школьной скамьи хорошо считал в уме и теперь быстро прикинул. Если взять гипотетический доход в три, ну, пусть, пять процентов годовых, то при ежемесячном доходе в двадцать тысяч зеленых выходило, что капитал его сокурсника составляет... Нет, это было чрезмерно, немислимо! «Это что же получается? Его сосед станет никому не подотчетен, а жить продолжит, как ни в чем не бывало! Как и раньше! Куда это годится, спрашивается! Они же вместе, со студенческой скамьи! У него ведь дом ничем не лучше, чем мой. Откуда же тогда такие деньги? Да и вообще:

я работаю, как вол, служу отечеству не покладая рук, а ему «двадцаточка в месяц и так прилипает». Как же такая несправедливость случилась? Почему? За что?

Так он лежал в темноте и, все больше распаляясь, думал, пока сильная боль не пронзила живот.

Той же ночью Петра Семеновича отвезли на скорой с острым приступом внезапно открывшейся желчекаменной болезни. А ведь полгода назад проходил полную диспансеризацию!

Декабрь 2017

Все хорошо

Дмитрий Петрович проснулся как обычно довольно рано. Через приоткрытое окно с улицы доносилось щебетание птиц. Май месяц, как-никак. Впрочем, пение пернатых никогда не производило на него большого впечатления. Недовольно поворочавшись с боку на бок, он приоткрыл глаза и посмотрел на часы. Стрелки показывали начало восьмого.

Спешить было некуда. Дмитрий Петрович давно был на пенсии. И все его стремления остались далеко позади. Уже лет десять с лишним как его одолевала смертельная скука, в чем он, правда, упорно не желал себе признаться, отчаянно отгоняя от себя подобные мысли. Пенсионер считал, что скука — удел лишь интеллектуально недоразвитых, духовно обделенных людей, тех, кто не в состоянии себя занять. Эти слова любили повторять и им глубоко почитаемые, давно почившие родители. И где были свои, а где мысли родителей, хорошо воспринятые их заботливым сыном, было теперь не разобрать.

Когда-то Дмитрий Петрович, перспективный инженер, окончивший один из ведущих технических вузов страны, проектировал ракеты, вносил посильный

вклад в укрепление обороноспособности родины. Слово «инженер» звучало гордо, и Дмитрий Петрович шел в ногу со своей страной. Увлекался поэзией оттепели, посещал литературные вечера. Во время отпусков с рюкзаком за спиной топтал предгорья Кавказа, отправлялся в дальние походы по Алтаю, где под гитару у костра очаровывал женщин. Ходил с друзьями на байдарках в Карелии и чуть не погиб, когда утлое суденышко перевернулось, а они с товарищем оказались в холодной осенней воде. Но справился, выплыл и товарища вытянул. Молодой инженер до первых заморозков бесстрашно носился по Москве на модном мотоцикле «Ява» — предмете зависти всех знакомых.

«Дела давно минувших дней. Преданья старины глубокой»*, — мысленно махнул рукой пенсионер. Обо всем этом теперь остались лишь мало кому интересные воспоминания. Да и те постепенно тускнели в памяти старика, замещаясь какой-то серой равнодушной пустотой. Так, на последнем дне рождения его товарищ и бывший младший коллега с восторгом вспоминал о том, как они вместе лихо проводили время в служебной командировке в заштатном городишке в конце шестидесятых прошлого столетия. Как пошли в при вокзальный ресторан, познакомились с двумя очаровательными дамами, поили их шампанским, угощали осетриной, танцевали, а потом еле унесли ноги от подоспевших местных ухажеров. Или это были их мужья?

* А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила».

Дмитрий Петрович с огорчением обнаружил, что почти ничего из этого рассказа не помнил. С тех пор он взял за правило перед сном перебирать в памяти свои славные дела. Личные воспоминания подкрепляли его уверенность, что жизнь прошла не даром. Вот только прошлые события были так далеки, что порой казалось, будто их участником был не он сам, а какой-то другой человек, энергичный, горячий и не знающий компромиссов.

За эту черту характера ему не раз пришлось пострадать. Так, однажды, когда он попытался запатентовать свое инженерное изобретение, один из чиновников бюро, в зависимости от которого находился успех дела, тонко намекнул, что не прочь войти в соавторство. Что? Скрытая взятка! Нет! Дмитрий Петрович всегда был принципиален. А патент? Бог с ним. «Будут еще изобретения!» — беззаботно подумал он тогда. И хотя с тех пор Дмитрию Петровичу в патентном бюро побывать не довелось, что с того? Его ценили в НИИ и без этого. За примерами далеко ходить не надо: уже после выхода на пенсию с просьбой хотя бы на полставки вернуться на работу к нему домой как-то нагрянул начальник отдела. Этот молодой выскочка, из-за которого Дмитрий Петрович в свое время так и не получил заслуженного продвижения. Назначают, понимаешь ли, кого ни попадя! А теперь некому стало учить молодежь, передавать знания. Оно и понятно: кому охота работать за такую зарплату. Нет! Хватит! Дмитрий Петрович им много раз объяснял, доказывал свою очевидную право-

ту, и не только по этому поводу. Но не слушали! Теперь уж пускай сами, без него выкручиваются. А в его голове всегда царил порядок, все понятия разложены по своим местам. Ценность каждого события определена, и никаких сомнений. Ушел на пенсию, значит, все. Да и что это за работа такая — на полставки?

Компромиссы пенсионер презирал и по сей день. «Я не люблю, когда наполовину»*, — тихо пробормотал он и, кряхтя, откинул одеяло. Валяться в кровати, словно тюлень на лежбище, было не в его правилах.

Далее как обычно: пятнадцать минут упражнений с облегченными гантелями, душ, утренний туалет. Одним словом, самодисциплина.

Встала Галина.

— Дима, кофе будешь?

— Да, и яичницу с сосисками, и кетчуп.

— Ты уже вчера ел. Врачи сказали, нельзя каждый день. Холестерин.

— Ничего. Сегодня съем, потом три дня перерыва.

— Но врачи сказали...

— Галя, я же сказал! Ты не у себя на производстве. Командовать тут! — рассердился пенсионер.

Последние дни, признаться, как-то не задались. Словно все сговорились, будто нарочно хотели позлить старика. Так, на прошлой неделе несколько дней они гостили у дочери Галины и ее мужа, первого пилота дальних международных авиарейсов, откуда Дми-

* Владимир Высоцкий.

трий Петрович приехал в дурном расположении духа. Прошло уже несколько дней, но досада не отпускала. А тут еще кофе оказался слишком горячий, пенсионер сделал большой глоток и обжегся. Хлопнул кружкой об стол, так что брызги полетели.

— Нет, я вот все-таки не понимаю, как они воспитывают твоего внука? Чему они его учат?

— А что такое?

— Но для него же слово «Родина» — пустой звук! Менеджером, видите ли, хочет стать. И непременно за границей ему надо учиться. А тут чем плохо, спрашивается? Своих учителей ему мало? Вечно перед Западом в полупоклоне ходить будем? Парню двадцать лет. А он уже «за бугор» лыжи намылил. Мне сказал, что хотел бы там остаться работать. Не понимает, что живет в великой стране, что этим гордиться надо. Хотя страна-то теперь уже не та, что раньше, — тяжело вздохнул пенсионер.

Галина молча вытерла разлитый кофе, а ее муж продолжил.

— А вот парня жаль. Его вытягивать надо из этой моральной трясины. Я пытался было поговорить с ним по душам. Но нет! Никакого взаимопонимания. У него же в голове одни деньги! Хотя куда им еще денег? Живут в огромном доме. Все есть. И все им мало. Вот скажи мне, зачем понадобилось строить две гостевые спальни? А гостиную какую отгрохали: метров сорок квадратных, не меньше. Прихожая непомерно большая.

Так никаких денег не хватит, это ж понятно. А машины при этом даже без навеса стоят. Не умеют они деньгами правильно распорядиться. «Как же так можно к машинам относиться?» — поинтересовался я. И знаешь, что мне на это твоя дочь ответила? «Это же железки, — говорит. — Раз в три года все равно меняем».

Ну, как же так можно, спрашивается? Я ей говорю, вы деньги на ветер выкидываете, а она свое. Никакого понимания. Думаю, под влиянием своего муженька находится. Жаль, что мы с тобой так поздно встретились, Галя. Я бы ее воспитал, как следует. Нет! Моя машина всегда в гараже стояла, — неожиданно улыбнулся пенсионер. И Галина Федоровна одобрительно похлопала его по руке.

— А твой зять? Нет, не могу я найти с ним контакта. Пытаюсь — не получается. Хотя разница в возрасте не такая уж большая. Лет десять, ну, пусть, пятнадцать. Я каждый раз ему говорю: «Пора, друг, тебе заканчивать летать. Ведь давно за пятьдесят уже, как ни верти! А нагрузки такие в этом возрасте очень тяжело переносятся. А ну как тебя инфаркт или инсульт в воздухе хватит? Ведь, это же очень опасно! Сам погибнешь и людей погубишь».

А он мне: «Да я только в воздухе и дышу полной грудью. К тому же я здоров. Медкомиссия на то и существует».

Я ему: «При чем тут медкомиссия. Ты посуди сам, здравый смысл же есть».

А он мне: «Вы врач, что ли?»

Вот и поговорили! — махнул рукой Дмитрий Петрович и продолжил: — А у самого глаза горят, точно набросится сейчас. Нет! Юпитер, ты сердисься, зна-чит, ты неправ. То есть работу он свою любит, допускаю, но главное тут в деньгах, конечно. Ему просто кредит надо выплачивать. А зачем дом такой строить большой было, спрашивается? Зачем две машины покупать, когда на одной могли бы ездить, как мы, на-пример? Нет, тут дело даже похуже будет: гордыня. Она бал правит, это же понятно! Я ему, конечно, обо всем этом сказал как можно деликатнее. А он мне: «Да-вайте на другую тему поговорим!» Вот и весь разговор.

Между прочим, он благодарен мне должен быть, что нашелся такой человек, который на правах стар-шего всю правду, как есть, ему говорит. Со стороны-то виднее. А он сердится! Тут и зависть, конечно, присут-ствует, — хлопнул рукой по столу пенсионер.

— Зависть? — переспросила жена.

— Ну, да, Галя, обыкновенная зависть. Ты обратила внимание, когда я на гитаре играю, все они молчат? Ни слова похвалы не дождешься. Я как-то случайно услы-шал, как они между собой говорили: самодеятельность, мол. Это когда я пять лет в музыкальной школе-то от-учился. Какая же это самодеятельность? Нет! Просто эти люди из другого теста сделаны. Не понимают. Их в юности не обучили. Другая семья, что говорить! От-куда он родом-то? Из Кемерово? Конечно, завидует.

У меня-то родители — коренные москвичи, интеллигенты! Воспитание соответствующее. А у него что? Мать-то без высшего образования, похоже. Есть у меня такие подозрения. А если так, то чему же она могла его научить? Получается, он сам себя сделал, как теперь говорят — американцев копируют. Нет, так не бывает. Да что тут говорить! — в сердцах махнул рукой пенсионер.

Супруги помолчали, поглядели в окно, и Дмитрий Петрович снова заговорил:

— Люба, дочь твоя, могла бы меня, между прочим, хоть раз в разговоре поддержать, уважение проявить. Ты бы ей сказала, что ли. Она-то должна понимать, что отец, то есть муж ее, должен больше времени с семьей проводить, детей воспитывать. Хотя, теперь поздно, конечно. Вырос их оболтус уже — дело сделано.

Галина Федоровна начала убирать со стола посуду. Она познакомилась с Дмитрием Петровичем, когда им было под пятьдесят. Ей сразу понравился этот разносторонне развитый человек, у которого на любую тему было свое суждение. С ним было всегда интересно, подкупала его уверенность во всем. За свои принципы он готов был сражаться до конца. А еще Дмитрий Петрович красиво ухаживал, постоянно что-то придумывал. Приглашал ее на концерты, в театр, кино и даже на танцы — что было особенно неожиданно и приятно. К тому времени Галина Федоровна уже забыла, что когда-то умела танцевать, и поначалу даже, стесняясь, сопротивлялась. Но ухажер, к ее удовлет-

ворению, настоял. Дмитрий Петрович знал клуб, где оркестр исполнял вальс. Это были танцы ее молодости. После бокала шампанского кружилась голова, а он уверенно кружил и кружил ее. А ведь до встречи с ним, ей казалось, что жизнь по большому счету закончена: дочь выросла и не нуждалась более в материнской опеке, мужа давно след простыл, на работе подсиживали, дожидались, когда можно будет отправить на пенсию. Многие метили на это кресло, которое, хоть и начальственное, но денег толком не приносило.

Через год они стали жить вместе. Вместе с родителями Дмитрия Петровича, на их жилплощади. Переехать к себе с дочерью, в однокомнатную квартиру, Галина Федоровна не предлагала, а снимать что-либо они сочли для себя накладным. Когда же старики умерли, малогабаритная квартирка в панельном доме перешла в их полное распоряжение. За без малого четверть века совместной жизни Галина Федоровна успела привыкнуть к вспыльчивому нраву супруга.

Пенсионер хотел было приоткрыть окно на кухне, дернул за ручку, но она хрустнула и отвалилась.

— Вот черт! — пробормотал он.

— Я тебе давно говорила, Дима, нужно вызвать мастера.

— Нужно, нужно. То нужно, се нужно. А все деньги, деньги. Твой зятек, между прочим, мог бы побольше подкидывать. Не обеднел бы. Лично я о своих родителях-пенсионерах заботился.

— Что-то тебе твои дети не очень помогают.

— Мне от них ничего не надо. Я же объяснял тебе, Галя, — буркнул пенсионер и насупился.

Отношения с двумя сыновьями от разных браков не складывались. Вернее сказать, с младшим, Никитой, отношений не было вовсе. И это было особенно обидно. Ведь Дмитрий Петрович десять лет прожил с сорванцом под одной крышей. Как же так получилось? С глаз долой, из сердца вон? Это, конечно же, Наташа, его мать, во всем виновата. Такая расчетливая, хитрая бабенка оказалась. словно подменили ее сразу после свадьбы. Никакой жизни не давала. Одни претензии да скандалы по любому поводу. То ей подавай, это... Конечно же, она настроила парня против отца. Кто же еще? Но и сам сын тоже хорош, ничего не скажешь. Мог хотя бы позвонить разок, поинтересоваться здоровьем родителя. Нет! Ни ответа, ни привета за все эти годы. А ведь Дмитрий Петрович от своих материальных обязанностей никогда не уклонялся: алименты платил в полной сумме и вовремя. Если бы только ему дали воспитать Никиту, хотя бы до совершеннолетия, из парня, конечно же, вырос бы настоящий человек. Сколько же ему сейчас? Должно быть, тридцать три. Совсем взрослый уже. Наверное, зарабатывает неплохо. Наташка-то на деньгах помешана, а он под ее влиянием всегда был. Ну да ладно, бог с ним. Насильно, как говорится, мил не будешь. Тут помощи не жди.

«А старший... Старший тоже хорош: эгоист вырос, — недовольно думал Дмитрий Петрович. — Только о себе да своей семье печется. А чтоб отца навестить, так это нет. Звонит только по праздникам, помогать не стремится. К советам не прислушивается. Как об стену горох. Ему же помочь хотят! А он перечит. Видимо считает, что раз у него денег куры не клюют, то он в жизни понимает больше. Поднялся он, видите ли. Так я же объяснял ему, что в том не его заслуга, а все дело в благоприятных обстоятельствах. Жизнь, он, видите ли, прожил, чтобы советы слушать! Под пятьдесят ему. Подожди, сынок, все еще запросто может совсем по-другому повернуться. А может, это он все из-за того так, что мы вместе не жили совсем? Так в том не моя вина. Я же ему объяснил. А алименты я всегда платил вовремя».

Тут блуждающий взгляд пенсионера снова упал на поломанную ручку окна и он, махнув рукой, произнес:

- Ладно. Я сам почию.
- Ты уже чинил. Опять сломалась.
- Говорю же, сейчас сделаю.

Он открыл специальный шкафчик с инструментами, и стал неторопливо с любовью их перебирать, выбирая нужные. Пока он возился с механизмом запора, мышцы лица его расслабились. Через полчаса ручка заработала. Пенсионер победоносно улыбнулся. Он радовался, когда ему доводилось что-нибудь мастерить. Человеку спокойнее, когда он при деле.

Закончив с окном, он отправился мыть руки. Повернул кран. Легкий хлопок воздуха оповестил его об очередной неприятности. Отключили! На тебе! Десять дней без горячей воды куковать! Мохнатые брови старика вновь поползли на переносицу, морщины на лбу набухли. Пенсионер с раздражением посмотрел на нависавший над головой потолок, на старенькие антресоли, на потертый линолеум на полу и подумал: «Но Галя тоже хороша! Я же ей объяснял много раз. Зачем же опять поднимать эту тему? За своей дочерью лучше бы следила».

Нет, в последнее время все определенно было против него! Как сговорились! Пора, пора было трогаться в путь.

— Галя, я, пожалуй, съезжу к Толику на несколько дней. Если ты не возражаешь, конечно, — трескучим голосом оповестил о своих планах Дмитрий Петрович и отправился паковать вещи.

Толик являлся Дмитрию Петровичу дальним родственником. Они редко виделись: один, иногда два раза в год, и всегда по инициативе пенсионера. Потребность увидеть родню появлялась не сразу, а постепенно назревала в течение нескольких недель.

Жена не возражала против этих поездок, хотя сама никогда не сопровождала мужа. Кроме одного, самого первого раза в далеком прошлом. Единственно, о чем она спросила, не стоит ли предупредить дальнего родственника о скором приезде.

— Я же тебе объяснял, Галя, у них нет стационарного телефона, а мобильный в доме не принимает. Чтобы поймать сигнал, надо идти порядка километра на пригорок. Только там берет. Так что связь у них односторонняя. Ты не волнуйся, я тебе буду звонить каждый вечер. К тому же это всего на несколько дней.

— Хорошо. А я пока еще раз к дочери съезжу.

— Правильно.

Через час, собрав сумку средних размеров, Дмитрий Петрович поцеловал жену на прощание и шагнул в темный подъезд. Опять лампочку разбили соседи! Спустившись на маленьком лифте с седьмого этажа, он распахнул скрипучую дверь и оказался на улице. Было прохладно, но безоблачно. Пенсионер вздохнул полной грудью и направился к метро. Минут через сорок он оказался на территории старых неотапливаемых гаражей, ворота которых украшали массивные железные замки. Технический прогресс обошел стороной это царство. Пенсионер повертел ключом в замочной скважине и с трудом отворил тяжелые стальные двери под номером 39, за которыми хранилась его красавица: «Победа» выпуска 1956 года. Несмотря на почтенный возраст, машина хорошо сохранилась. Немудрено: заботливый хозяин знал ее вдоль и поперек. Его слух улавливал любые посторонние шумы. Будь то подвеска, трансмиссия или мотор. Он с радостью возился с ней часами. Дмитрий Петрович самостоятельно проводил мелкий ремонт, а когда требовалось,

собственными силами менял целые узлы и агрегаты. Вот что значит техническое образование!

Его красавица никогда не знала зимних дорог: заботливый хозяин консервировал свое чадо на холодное время года. На этой машине вообще мало ездили. Главным образом на садовый участок за шестьдесят километров от Москвы. Там был маленький летний домик, где пенсионеры коротали теплое время года. Они любили вскапывать грядки, своими руками выращивали картошку, морковку, зелень, собирали урожай яблок и радовались результатам своего труда.

В молодости Дмитрий Петрович несколько раз путешествовал на своей красавице на дальние расстояния. Первый раз он повез в Ялту свою первую жену, отец которой и подарил им на свадьбу эту машину. Любовно проводя рукой по блестящим поверхностям крыльев, пенсионер углубился в приятные воспоминания.

В то время «Победа» производила такое же впечатление, как сейчас «Роллс-Ройс». Солнце радостно играло на никелированных деталях машины, слепя глаза пешеходам. Как на такое не засмотреться? И зеваки зачарованно провожали взглядом этот великолепный автомобиль, за рулем которого сидел подающий надежды молодой инженер, а справа от него — красавица жена. Ветер через открытое окно трепал волосы счастливой девушки, на лице ее сияла безмятежная улыбка. По дороге на юг красивые и здоровые молодод-

жены предвкушали, как рука об руку пройдут долгий и прекрасный жизненный путь. Как будут вместе воспитывать детей, как будут понимать друг друга с полуслова. Как подставят друг другу плечо, если что... Как же так получилось, что они прожили вместе всего три года? И никакие подарки щедрого тестя — отдельная квартира в новом доме, мотоцикл Ява, автомобиль «Победа» — не помогли. Это, конечно же, ее мать во всем виновата. В ней все дело. Совала свой нос, куда не просят. От нее же никакой жизни не было. Она настроила Иру против мужа. Потом сына папой пугала! Дмитрий Петрович сам слышал.

Пенсионер снова нежно погладил прохладную поверхность капота. Этот автомобиль никогда не подводил его. «Победа» не раз помогала очаровывать женщин. В том числе и его вторую жену. Ее он прокатил на Рижское взморье. С погодой повезло. Романтическое путешествие вышло на славу. Там, на пляжах Рижского залива, они решили пожениться.

Но шли годы, появлялись и сменяли друг друга современные автомобили — «Волги», «Жигули» разных серий. «Победу» сняли с производства, и под воздействием нового ее чары потускнели. Машина безнадежно устарела. А изрядно поседевший Дмитрий Петрович, крутя баранку, с досадой ловил на себе пренебрежительные взгляды владельцев и, что еще обиднее, пассажиров современных авто. Впрочем, не так

уж часто это происходило. Как правило, он пользовался общественным транспортом. Где же взять столько денег, чтобы ездить на машине каждый день?

Но все меняется. И вот в последние годы в моду вошли ретро-автомобили, богатые владельцы которых стали даже организовывать специальные клубы, устраивать автопробеги. Нет! Все это, конечно, было не для него. Но «Победа» снова стала расти в цене, словно феникс возрождаясь из пепла. Теперь за ней опять требовался глаз да глаз. Могли украсть.

Пенсионер забрался на переднее сидение, вставил ключ зажигания и повернул. Машина дважды фыркнула и завелась. В путь!

Перед началом движения настроение всегда повышалось. Однако возраст брал свое, и через три часа пенсионер почувствовал себя вконец измотанным. Последний же отрезок сурового бездорожья — асфальтовое покрытие заканчивалось километров за десять до пункта назначения — окончательно обессилили Дмитрия Петровича. «Нет! Ни одна современная легковушка такую колею не осилит!» — подбадривал он себя, трясясь на страшных ухабах.

Но вот и знакомый поворот, за которым сразу же начиналась заветная деревня. А вот и покосившийся от времени указатель, на котором с трудом угадывалось название «Дубки». По левую руку вдалеке показались полуразрушенные бетонные стены каких-то

конструкций. По правую руку — несколько покосившихся от времени домиков, все, что осталось от когда-то процветавшего небольшого населенного пункта. Дмитрий Петрович знал, что если проехать дальше, то увидишь с десяток-другой разрушенных покинутых строений. У хлипкого забора второго дома справа пенсионер остановился и посигналил.

Дверь избенки отворилась, и на пороге появился дальний родственник. И хотя было еще не поздно — часов семь вечера, — вид у него был заспанный.

— А! Барин приехал! Дмитрий Петрович! — улыбаясь во весь рот, то ли шутя, то ли всерьез проговорил человек и, отворив хлипкую калитку, проворно поспешил навстречу.

Дмитрий Петрович степенно покинул свой автомобиль. Не успел он сделать двух шагов, как Толик уже оказался рядом. Это был морщинистый мужичок маленького роста субтильного телосложения. На вид ему было лет семьдесят, хотя на самом деле недавно перевалило за шестьдесят. На его фоне невысокий коренастый Дмитрий Петрович выглядел чуть ли не великаном. Оба они заулыбались, пожали руки и стали по-приятельски похлопывать друг друга по плечам.

— Ну, как вы тут? Как Нюра? Где она? Чего не встречает?

— Кряхтим помаленьку, Петрович. Нюрка там, кроликов кормит. Не слышит ничего уже. Старая ста-

ла. Пойдем, подойдем к ней, — и хозяин, пропуская гостя вперед, толкнул калитку рукой. Та со скрипом отворилась.

— Калитку-то, Толик, тебе смазать бы. Да и подтянуть, а то совсем разболталась.

— Согласен, Петрович, — вздохнул хозяин.

Они обогнули маленькую избенку и, пройдя между грядок с насаждениями, оказались у большого сарая. Толик прошел первым, за ним внутрь последовал гость. Когда глаза Дмитрия Петровича привыкли к темноте, он смог различить ряд клеток, в которых содержались с десяток кроликов, куры и два гуся.

Полная пожилая женщина, до того стоявшая к ним спиной, обернулась, всплеснула руками и вскрикнула:

— Ой, Петрович приехал! Что ж ты, Толик, не предупредил. Гостей так не встречают. Пойду, переоденусь, хоть. — И она заспешила в дом.

— Мне бы умыться с дороги, — проговорил Дмитрий Петрович.

— Пойдем, пойдем. Ты же сам, Петрович, все знаешь, что у нас где. Чувствуй себя как дома, — сказал хозяин, увлекая гостя за плечи.

Они проследовали к рукомойнику, прикрученному сбоку к стене сарая. Но в нем не оказалось воды.

— Эх, закончилась. Видно Нюрка всю извела! Может, в доме осталась. Пойдем, посмотрим.

— Тебе бы, Толик, сарай подлатать. Смотри, доски-то отошли, — покровительственно улыбнулся Дмитрий Петрович.

— Сделаем, — кивнул головой хозяин.

Они снова миновали грядки и по шатким половицам крыльца вошли в избу. Дмитрия Петровича обдало запахом кислой капусты и ветхости. Входная дверь через небольшие сени вела в единственную комнату, в которой разместились несколько предметов старой незамысловатой мебели. Тут же была печь, прибитый к стене рукомойник с раковиной. Пол был устлан износившимися досками с большими щелями. В рукомойнике воды тоже не оказалось.

— Нюрка, ты всю воду извела, что ль? — крикнул хозяин.

— Сам извел, а я виновата, — раздался беззлостный голос хозяйки из-за занавески, которая отделяла основную комнату от спальни.

— Пойдем, сходим, — предложил Толик, беря два ведра в руки. Дмитрий Петрович молча кивнул, и они отправились к колодцу. Идти было недалеко, минуты три туда-обратно. Они сделали две ходки, чтобы хватило на утро, и утомленные — все-таки возраст — сели на крыльце.

Толик с восхищением поглядывал на автомобиль гостя, который на фоне сурового уклада местной жизни выглядел продуктом высоких технологий и вызывающей роскоши.

Поймав его взгляд, Дмитрий Петрович спросил:

— Ну что, хочешь прокатиться?

— Давай, — с энтузиазмом кивнул Толик.

Они сели в машину.

— Поворачивай ключ. Нажимай до конца педаль сцепления. Ставь первую передачу. Вот так. Теперь плавно отпуская сцепление и прибавляй газу, — увлеченно руководил гость.

Машина слегка дернулась, но потом пошла.

— В тебе, Петрович, учитель с большой буквы пропадает! Понятно все объясняешь. Школа чувствуется.

— Теперь снова нажимай на сцепление, переставляй передачу на вторую. Вот так. Да не медли ты! Сожжешь сцепление. Отпускай его потихоньку и газку, газку прибавляй. Да не дави так сильно на газ-то. Разобьешь всю подвеску об ухабы.

Так они катались каждый приезд Дмитрия Петровича. У Толика — простого сельского труженика — никогда не было и не могло появиться своей машины. Он почти безвыездно провел в этой деревне всю свою жизнь. Отлучался только один раз, когда призвали на два года в армию. При социализме жизнь была сытнее, но потом маленькая птицеферма закрылась, и деревня пришла в полное запустение. Все, кто мог и хотел, уехали. Осталось человек десять стариков, которые жили практически натуральным хозяйством. Водить Толик тоже научился здесь же, лет десять назад, когда отыскавший его дальний родственник зачем-то приехал к ним погостить. «У богатых свои причуды», — после отъезда москвича заметила Нюрка.

— Здесь развернемся. Сбавь газ. Плавно руль направо. Так, так. Теперь немножко газку. Так, так. Ногу

с педали газа убираешь и на сцепление. И на тормоз. Передачу на нейтралку давай. Все. Приехали. Глуши мотор. Молодец, — по-отечески похлопал по плечу Толика Дмитрий Петрович.

Они вышли из машины, удовлетворенные друг другом, и снова уселись на крыльце. Вечерело.

— Я тут тебе привез кое-чего, — и Дмитрий Петрович достал из своей сумки бутылку водки «Царская», коробку шоколадных конфет, финики и пряник.

— Ух ты! Тогда давай по стопочке. Я сейчас, только за огурцами и хлебом сгоняю.

Толик поставил между ними битую тарелку с огурцами, положил туда же буханку хлеба и солонку. Разлил водку. Они выпили, крикнули, закусили. Еще раз выпили, крикнули, закусили. Толик хотел было налить еще, но гость мягко остановил его руку.

— Мне достаточно.

— Ну, как знаешь. А я еще выпью.

Толик повторил процедуру несколько раз, а потом достал пачку сигарет и предложил:

— Закурим?

— Ты же знаешь, я не курю.

— Ну, мало ли, может, закурил. Чего не случается.

— Со мной такого случиться не может. Это же очень вредно. Я же тебе объяснял. Помнишь?

— Помню, Петрович, — неопределенно мотнул головой Толик.

— Ну так бросай! А то инфаркт хватит, и помрешь.

- Ну и ладно.
- Как это ладно? Вот чудак!
- А зачем жить-то? В чем смысл, Петрович?
- Как это в чем? Я же тебе объяснил в прошлый раз.
- Я, может, забыл, Петрович.
- Не беда, могу напомнить. Проектировать ракеты, служить Родине.
- Ну, это ты про себя.
- И ты тоже здесь Родине служишь.
- Чем же?
- Растишь и собираешь урожай на грядках, кроликов вон разводишь. Каждый на своем месте. А потом, жена у тебя есть. Как она без тебя будет? Вот тебе и смысл.
- А, понятно, — протянул хозяин и налил себе еще.
- Дочь-то помогает хоть вам материально?
- Какое там, Петрович! Им бы самим концы с концами свести. Двоих детей поднимать надо. Они с мужем пашут не разгибаясь.
- Он все так же таксистом?
- Ну да, она медсестрой. Говорят, может, ипотеку дадут. Все свой угол будет в старости.
- Чего это ты, Толик, гостей на улице держишь? Давайте в дом, к столу, — появилась в дверях Нюра. Мужчины встали и проследовали в избу, где им был накрыт праздничный стол: горячая отварная картошка, огурцы, квашеная капуста и жареная курица. Все

трое уселись на скрипучие табуретки и с аппетитом приступили к трапезе.

— Все свое, с грядки, — похвасталась Нюра.

— Это хорошо. Ну, а они хоть навещают вас? — прищурился Дмитрий Петрович.

— Кто? — спросила Нюра.

— Дочь, зять.

— Редко. Когда им! Да нам от них ничего и не надо. Мы сами как-нибудь, — безучастно ответила Нюра.

— Внуков вот нам на лето подкидывают, — улыбнулся Толик.

— То есть вы же им еще и помогаете, — покачал головой гость. — Хотя ничего удивительного: теперь это повсеместно, не только у вас. Воспитание такое со школы получают. Нет, не понимаю я, куда катится страна. Что устроили эти демократы! Одни работают в поте лица. А другие в золотые унитазаы срут: я тут читал про певицу одну в газете. Деньгами попу подтирает негодяйка.

— Вот дрянь! — вставил Толик.

— Вот я и говорю. Куда же это годится. Нет на них Усатого. Сталин, может, и строг был, зато людей в узде держал. А наш человек без палки не может — распускается.

— Правильно говоришь, Петрович, распускается человек, — пробормотал совсем захмелевший хозяин и налил себе еще.

— Хватит тебе пить-то уже, — накинулась на него жена. — Посмотри, на кого ты похож стал. Вон Петрович на десять лет с лишним тебя старше, а моложе выглядит. Потому свою меру знает человек и не курит. С образованием, с понятиями человек, в люди выбился. Бери с него пример, сколько раз тебе говорить-то, чудо ты эдакое.

— Так я чего? Я ничего. Я завсегда, — устало пробормотал Толик.

— «Завсегда» он, — передразнила жена. — Что ж тогда курить не бросишь? Петрович тебе каждый раз говорит.

— Ладно тебе, Нюрка. Скоро брошу, вот увидишь.

— Ладно, не ладно, а слушай, что тебе говорят. И давай-ка, за дровами сходи лучше. В печь заложить надо. Ночь холодная будет, закочеем.

— Я помогу, — встал вслед за хозяином из-за стола Дмитрий Петрович.

Дрова хранились под специально сооруженным навесом, за избой. Они принесли несколько поленьев, и Толик, со словами «должно хватить», бросил их в печь. Стали готовиться ко сну. Петровичу выделили раскладушку. Хозяева улеглись на свою кровать, отделенную занавеской, с другой стороны печи.

Ночью гость проснулся от несварения желудка. Вначале надеялся, обойдется: уж очень не хотелось покидать нагретую постель, одеваться. Но скоро почувствовал — невмоготу. Деревенский туалет находился

за домом. Слава богу, светила полная луна, и Дмитрий Петрович миновал грядки, не задев насаждений. Пока справлял нужду, с непривычки затекли ноги, и стало очень холодно. Из выгребной ямы через деревянное очко поднимался удушливый смрад. «И как они только зимой здесь?» — всякий раз переживал за хозяев Дмитрий Петрович.

Проснувшись утром, Дмитрий Петрович первым делом протянул руку и потрогал печку. Так и есть, остыла. Толик дров пожалел. Экономит все. А что делать, когда ни на что не хватает? Это тебе не городская жизнь с центральным отоплением. Дрожа от холода, москвич спустил босые ноги на пол и тут же поморщился от боли. В пятку впилась заноза. Хорошо, что большая: вытаскивать было легко. Дмитрий Петрович предусмотрительно захватил с собой в гости пинцет и йод. Потом он быстро натянул штаны и вышел на улицу. По ощущениям было градусов пять-семь. Выполнив несколько упражнений, он немного согрелся и смог заставить себя умыться и слегка обмыть торс холодной водой из умывальника за сараем. С другой стороны к тому же сараю примыкала постройка, в которой была русская парная с предбанником. Там хозяева мылись по мере надобности. Однако воды из колодца для этих целей накануне они не заготовили, да и баню никто не топил.

Из сарая показалась Нюра. Она давно уже хлопотала по делам.

— Как спалось, Петрович? — улыбнулась хозяйка.

— Доброе утро, Ньюра. Спасибо, хорошо. На свежем воздухе все-таки.

На крыльце показался взлохмаченный Толик.

— А этому все бы спать! — беззлобно засмеялась его жена.

После завтрака, на который по случаю приезда гостя была его любимая яичница — сами хозяева обычно обходились кашей, — Толик сказал:

— Ну что, Петрович, пройдемся?

И они отправились на прогулку. Но гулять, по сути, было негде. Примыкавший лес представлял собой сплошной бурелом, а поросшее сорняками в половину человеческого роста поле было непроходимо. Оставалась только разбитая проселочная дорога до шоссе. Но далеко они не ушли: Дмитрий Петрович слегка подвернул ногу на ухабе. Долго сидели на поваленном дереве, пока не прошла боль. Потом встали и двинулись назад. На обед их ждали суп из крапивы с куриными яйцами вкрутую, хлеб и квас. После обеда хозяева занялись прополкой грядок. Дмитрий Петрович тоже было примкнул к ним, но потом, снова почувствовав дискомфорт в ноге, завалился на раскладушку с томом Василия Гроссмана, который захватил с собой из города. А там уже и ужин подоспел. На следующий день затопили баньку. Так незаметно пролетело несколько дней, в течение которых настроение Дмитрия Петровича неуклонно по-

вышалось. По мере сил, но главное советом, он помогал хозяевам в их нелегком сельском труде. Они же прислушивались к словам гостя. Вечером накануне отъезда он провел завершающий урок вождения автомобиля. А на утро стали прощаться. Спустились с крыльца.

Дмитрий Петрович напоследок заботливо напомнил Толику, чтобы тот заделал щели в полу избы, потом уселся за руль своего автомобиля, помахал рукой хозяевам и, весело насвистывая, тронулся в путь.

Когда он усталый, но довольный запер гараж, раздался телефонный звонок. «Старший! Хочет с девятым мая поздравить! Не забывает все-таки!» — обрадовался пенсионер, глядя на дисплей телефона.

Но после теплых взаимных поздравлений разговор перешел в неприятное русло. Сын на простой вопрос «Как дела?» вначале отвечал уклончиво, а затем зачем-то пустился в пространные описания того, как они всей семьей провели отпуск в Испании: объездили на машине полстраны и даже завернули в Португалию, упомянул, что завтра по делам улетает в Варшаву, а от туда в Будапешт.

— Нет, не знаешь ты жизни. Вернее, не хочешь ее знать, — сухо вато прокомментировал пенсионер.

— Что ты имеешь в виду?

— Только все по заграницам ездешь. Тебе бы взять семью, да и съездить за сто пятьдесят километров от Москвы в умирающую деревню Дубки, например.

— Это зачем? — холодно поинтересовался старший.

— Посмотреть, как люди живут. Вернее, как выживают. А ведь таких у нас миллионы.

— Тут не к чему стремиться. И я, между прочим, приложил много сил, чтобы так не жить. Зачем же на это смотреть?

— Затем, чтоб готовым быть, если что. И чтобы своими глазами увидеть, до чего твои демократы страну довели. А тебе все «зачем». Я тут читал, что певичка одна в золотой унитаз срет. Что ты на это скажешь?

— Ничего. Я не читал, — безразличным тоном ответил сын.

— Так ты почитай, почитай.

— Зачем? Это меня не касается.

— Вот! Тебя не касается. И никого не касается. Нет! Никаких принципов нынче у людей в стране не осталось. А ведь это все народные деньги! А она ими попу подтирает. А всем все равно. Раньше бы эти деньги пустили на развитие благосостояния народа. А теперь! — и пенсионер горько махнул рукой.

Он вспомнил, как всю жизнь при социализме честно трудился, как свято верил в речи вождей, доносившиеся с высоких трибун, что все вокруг — народное, а значит, и его тоже, и что надо просто немного потерпеть и все-то непременно придет. Но вместо этого пришли капитализм с приватизацией, и выяснилось, что у него осталась только перешедшая по наследству от родителей маленькая квартирка да крошечная пенсия, на ко-

тору ю ни в какую за границу не поедешь и на которую поесть-то толком нельзя. Получалось, его обманули! И ничего поделать с этим было уже нельзя. Поздно.

Звонок телефона отвлек от мрачных мыслей. Пенсионер посмотрел на дисплей. Перезванивал старший. Видно, связь прервалась. Но Дмитрий Петрович отключил телефон. Пусть думает, что связи снова нет или что села батарейка. Не хотелось окончательно испортить настроение.

Он еще раз проверил, как запер ворота гаража, любовно похлопал большой замок рукой и двинул в сторону метро.

Дома его встретила Галина, обняла, поцеловала в щеку, помогла раздеться. Пенсионер сбросил обувь. Наконец-то — гладкий теплый линолеум! И ни заноз тебе, ни щелей! Ходи босяком — не хочу. Да и вообще, на каждом углу приятный сюрприз! Из-за необычных холодов вновь дали горячую воду. Какое наслаждение: просто повернул кран, и вода полилась сама собой, сколько душе угодно. И никаких тебе тяжелых ведер, колодцев!

С наслаждением смыв под горячим душем накопившуюся грязь, Дмитрий Петрович уселся поужинать. После битой грязноватой утвари дальних родственников его неприметная посуда выглядела царским сервизом. За столом пенсионер с удовольствием и в деталях пересказывал жене, как провел время у родни, а она внимательно слушала его. Потом на старика навалилась усталость. Забираясь под одеяло, он вновь оценил

великое удобство своей кровати, на которой растянулся в полный рост. Нет! Это вам не раскладушка.

Ночью Дмитрий Петрович проснулся и побрел по нужде. Какое блаженство! Не надо одеваться, выходить в темную ночь и, дрожа от холода, сидеть над зловонным деревянным очком. «Ладно еще, холодная весна, но как они там зимой обходятся!» — с улыбкой посочувствовал он своим дальним родственникам, ощущая под собой теплый стульчак городского унитаза.

Потом пенсионер вернулся в свою теплую постель, завернулся в одеяло. Рядом тихо посапывала Галина — близкий человек. Дмитрий Петрович протянул руку и проверил батарею — она была теплая. Засыпая, он подумал, что все хорошо и жизнь удалась.

Июнь 2017

Частный случай Екатерины Ткачевой

Сытая налаженная жизнь Екатерины Павловны Ткачевой текла непринужденно и предсказуемо. Пока однажды она не решила, что достойна лучшего. Как она додумалась до этого и чем руководствовалась — своими ли надежно сокрытыми от посторонних глаз талантами, или же никому неведомыми благоприятными обстоятельствами, — сказать сложно. А может статься, ее богатое воображение внезапно подверглось магнетическому воздействию чужого положительного примера? Ведь многим из нас доводилось встречать на своем пути людей менее одаренных, а достигших несравненно больше нашего. Но обо всем по порядку.

В то утро Ткачева, как обычно, проснулась от лагающего слух шепота прибоя. Она предпочитала спать с открытым балконом. Да и не жарко еще было: конец мая. Ее сонному взгляду открылась привычная картина: воздушные прозрачные занавески слегка покачивались от нежных дуновений зефира, а там за ними открывалась безмятежная голубизна неба. Ткачева потянулась, спустила холеные ноги в пушистые тапочки, ожидающие у кровати, набросила полупрозрачный пеньюар и выпорхнула на террасу. Она была

слегка в теле, но все ее движения производили впечатление легкости. Грация была дана ей от природы. Опершись о гранитный парапет, Екатерина Павловна прищурилась, защищая глаза от солнечных бликов на волнах. Ветерок нежно трепал ее светлые волосы, на губах застыла улыбка. Постояв так немного, она победно потянулась, сбросила тапочки и пеньюар, натянула оставленный с вечера сохнуть купальник, соскользнула вниз по плоским гранитным ступенькам и устремилась к морю. Пятьдесят метров пляжной полосы, что отделяли ее бунгало от воды, она преодолела мелкой рысью: энергия была из нее ключом. Ласковые волны окатили ее ступни, щиколотки, бедра. Еще два шага, и плоский живот, а потом все упругое загорелое тело ощутило прохладу соленого Средиземноморья. Екатерина оттолкнулась ногами от песчаного дна и неспешно поплыла вперед широкими ровными гребками сильных рук и ног. Потом дважды окунулась с головой. Впрочем, вода еще была довольно прохладная, и совсем скоро Екатерина Павловна повернула к берегу.

И вот она вновь пересекла полосу мелкого золотистого песочка, обмыла ноги в специальной ванне и вошла в гостиную своего утопающего в зелени бунгало. Часы показывали начало одиннадцатого. Зазвонил мобильный.

— Да, Сереженька, — ответила хозяйка дома.

— Привет, Катенька! Как дела? — зазвучал из трубки размеренный басок.

- Все в порядке, дорогой. Только вышла из моря.
- Молодец! Что собираешься делать?
- Пить кофе со сливками.
- А потом?
- Подруга обещала зайти к двенадцати. Поедем в горы или еще куда-нибудь. Пока не решили.
- Какая еще подруга? — встревожился басок.
- Неля. Я тебе говорила. Она в съемных апартаментах по соседству с маленьким ребенком живет.
- Давно она там появилась?
- С полгода, как приехали. Ты ее видел как-то.
- Не помню. Она с ребенком заедет?
- Нет. Зачем? Ребенок с няней останется.
- Маленький?
- Он уже не очень маленький. Шесть лет. Как у тебя дела?
- Работы много. Боюсь, что не смогу в эти выходные прилететь.
- Ничего нового...
- Зачем ты так? Действительно много работы.
- У тебя ее всегда много...
- Не начинай.
- Не буду.
- Ну, вот и хорошо. А я непременно прилечу через неделю.
- В прошлый раз ты то же самое говорил.
- Через неделю точно.
- И перед этим ты то же самое говорил.

— Не начинай.
— Не буду.
— Ну, вот и умница. Не кисни там.
— Я и не кисну.
— Ты же сама хотела купить это бунгало.
— Да, хотела.
— Ну, вот и хорошо. Я тебе его и подарил.
— Спасибо, милый.
— Слушай, чуть не забыл. Тебе Петя не звонил? Ты когда последний раз с ним разговаривала?

— На днях. Позавчера, что ли? Не помню точно.
А что?

— Я ему что-то дозвониться никак не могу. Безобразие, что он тебе звонит, а мне нет. Вечно за мамину юбку прячется! Это надо прекращать. Ты ему деньги не пересылаешь случайно?

— Нет.

— Точно нет? — басок окрасился в угрожающие тона.

— Точно. Хотя мальчику немного денег бы не помешало.

— Немного у него есть.

— Это сколько же?

— Столько, чтобы хорошо учиться.

— Да, но мальчику надо еще...

— Мальчику надо учиться, а не болтаться по ночным клубам.

— Но...

— И никаких «но»! Ты точно ему не переводила денег?

— Точно.

— Помни, ты мне обещала больше этого не делать. Как у него там дела?

— Ты мне тоже много чего обещал, — понизив голос, пробормотала хозяйка бунгало.

— Что ты говоришь, Катя? Я не расслышал. Так как у него там? Все-таки первый год обучения в университете.

— Да, но не забывай, что перед этим была подготовительная школа. Получается, что учится там Петя уже третий год. В полном отрыве. И ничего. Почему должно теперь что-то произойти?

— Я не забываю, но вокруг столько соблазнов. А возраст нежный. Я слышал, в университетах наркотиками балуются. Я беспокоюсь. Как у него с учебой? Он должен был сдавать экзамен на днях. Сдал? Все в порядке?

— Все в порядке. Сдал.

— Сколько получил?

— Не помню.

— Ладно, сдал, и слава богу! Еще что говорил?

— Сказал, что в Эдинбурге дождь. А какая погода в Москве?

— В Москве? — в недоумении повторил басок.

— Ну да, в Москве. Ты же в Москве.

— Конечно, я в Москве, Катя. Просто вчера поздно вечером из Киева вернулся. По делам приходится

мотаться. Никак не перестроюсь. Проснулся и сразу тебе звонить.

— Так какая погода?

— В Москве чудесная погода. Но в Киеве еще лучше. Ладно, я тебя целую. Уже водитель приехал. Побежал!

— Удачи.

Екатерина Павловна положила телефон на большой прозрачный матовый стол, заварила кофе, добавила сливки и стала пить маленькими глоточками, задумчиво глядя в морскую даль. Она закончила одну чашку среднего размера и приступила к новой, когда телефон зазвонил снова.

— Слушаю.

— Екатерина Павловна, добрый день, — на этот раз трубка заговорила тенором.

— Здравствуйте, Зураб Петрович. Чем порадуете на этот раз?

— К сожалению, Екатерина Павловна, порадовать вас нечем... — тенор замялся, и из трубки послышалось покашливание.

— Ладно, не тяните, говорите, как есть. Это же просто бизнес, — махнула рукой Ткачева.

— Хорошо. Докладываю. Если в целом, то все продолжается. Теперь все по порядку. Последние субботу и воскресенье Сергей Львович провел с известной вам по предыдущим докладам Алисой Пинасевич в Париже. Улетели, как водится, в субботу с утра бизнес-классом, остановились на Елисейских Полях, по которым днем прогуливались, поднимались на Эйфелеву

башню, вечером отправились в «Мулен Руж», откуда проследовали в ночной клуб неподалеку от гостиницы, где пребывали до раннего утра. Потом уединились у себя в номере. На следующий день, пообедав в гостинице, около двух, выехали в аэропорт. По прилете в Шереметьево, проследовали напрямую на вашу московскую квартиру на Тверской...

— Что?!

В трубке воцарилось молчание.

— Ладно, продолжайте, — взяла себя в руки Ткачева.

— ...Где и оставались до следующего утра. То есть до настоящего времени.

— Подождите, вы хотите сказать, что эта потаскуха и сейчас находится в нашей квартире? Сегодня, между прочим, понедельник? — хозяйка бунгало попутно на всякий случай уточнила день недели, которые многие годы легко путала в отсутствие каких-либо обязанностей.

— Все так, Екатерина Павловна. Сегодня, действительно понедельник. И ваш муж с Алисой Пинасевич находятся в вашей квартире на Тверской.

— Спасибо, Зураб Петрович. Вышлите мне, пожалуйста, счета за все понесенные вами расходы по поездке в Париж. Я оплачу их переводом на ваш счет, как обычно. Регулярный гонорар — само собой.

— Спасибо. Значит, мне продолжать наблюдение, Екатерина Павловна?

— Конечно. Все как обычно.

- Очень хорошо, Екатерина Павловна. До свидания.
- Пока.

Хозяйка бунгало положила телефон на стол и, глядя за окно, продолжила пить кофе маленькими глотками. В общем-то ничего нового. Очередной конфетно-букетный период ее мужа с новой пассией. За исключением, пожалуй, использования их квартиры на Тверской. И зачем, спрашивается, он потащил туда эту шлюху? Как ее там: Алиса, что ли? Алиса в стране чудес! Нет, никаких чудес! Алиса Пинасевич. Ткачева вновь взяла телефон, покопалась в его недрах и открыла фотографию, присланную детективом Зурабом с месяц назад. На нее смотрела девушка с длинными светлыми волосами, имевшая отдаленное сходство с самой хозяйкой бунгало, только двадцатилетней давности. Да бог с ней! Не она первая, не она последняя! И Ткачева, что-то напевая себе под нос, отправилась в душ. Стоя под струями воды, она рассматривала свое отражение в огромном зеркале во всю стену. Хороша, но сорок три года! Скоро, совсем скоро уже никому не буду интересна. Потом она чистила зубы, долго втирала кремы в разные части тела и лица, пока не раздался звонок в дверь. Екатерина накинула халат и пошла открывать.

Подруга влетела как вихрь. На ней были очень короткие белые шорты, обтягивающая синяя майка, маленькая красная кожаная курточка и красные туфли на шпильках. С первого взгляда ей нельзя было дать больше тридцати. Они чмокнулись.

— Привет, Кать! Кофе угостишь?

— Конечно. Проходи.

Они пересекли просторную гостиную-кухню, налили себе по чашке кофе со сливками из автомата и расположились на открытой террасе.

— Ну, как ты, Кать?

— В порядке.

— Твой-то появился?

— Конечно.

— Где был?

— В Париж летал со своей новой пассией.

— Видишь, как я тебе хорошо это с детективом подсказала? Теперь в курсе всего. Так, по-моему, лучше. Меньше волнуешься.

— Это верно. Раньше, особенно когда в Москве жили, я всегда очень волновалась, переживала. А когда сюда с Петей переехали, просто места себе не находила.

— Знакомая ситуация. Кстати, а в каком году вы здесь бунгало приобрели? — спросила Нелли.

— Четыре года назад. Все как-то случайно получилось. Мы ничего покупать не собирались. Просто приехали всей семьей, втроем, сюда отдохнуть. Остановились, понятно, в гостинице. Как-то шли на моторной яхте вдоль берега. Увидели наш ресторан, — и Екатерина сделала жест рукой в сторону, — вышли на берег пообедать. Выпили вина, наелись морепродуктов. Пошли погулять по пляжу, как раз мимо этого дома. Увидели

вывеску: «продается». Заглянули. Я заохала, заохала, — какой вид открывается, как красиво внутри, какая ванная и как раз две спальни: одна наша, другая Пете. Словно для нас все сделано. Сергей улыбался и слушал, а потом сказал: «Это тебе мой подарок!». Я вначале не поверила. Но за три дня оформили покупку, перевезли вещи и остаток отпуска ночевали уже под своей крышей. Сергей всегда был человеком момента. Идешь с ним по торговому центру, шубу увидишь, примеришь. Если понравилась — твоя. И украшения тоже...

Екатерина замолчала и, по всей видимости, погрузилась в свои мысли. Взгляд ее уплыл за линию горизонта.

— А переехали сюда когда? Я имею в виду, на постоянной основе, — напомнила о себе ее подруга.

— Что? Переехали когда? В тот же год и переехали, хотя совершенно никто этого не планировал.

— А для чего же тогда покупали?

— Покупали? — задумалась Екатерина, — не знаю. Я у Сергея не спрашивала. Это же подарок. Наверное, хотели отдохнуть сюда приезжать.

— Но это же деньги...

— Деньги? Деньги — это его забота. Я к ним никогда отношения не имела, — улыбнулась хозяйка бунгало.

— Ну а дальше?

— А дальше по Сергею автоматную очередь выпустили. Так страшно было. Он еще из больницы выпиться не успел, а нас с Петей уже сюда отправил. Для безопасности. Вот тут-то бунгало и пригодился!

— А с ним кто остался? Кто за ним ухаживал?

— Домработницы. Две. Они и до этого все хозяйство вели. С тех пор, как у нас деньги появились. Лет десять назад. А до этого мы с хлеба на воду перебивались. На еду не хватало, не то что в ресторан сходить. О загранице даже не мечтали. Как я в те годы на развод не подала, сама не пойму?! Столько ухажеров было. Хотя, когда до дела доходит — это совсем другое, конечно. Как говорится, обещать еще на значит жениться.... А деньги — один вред от них, — и Екатерина капризно махнула рукой. — Как они пошли, Сергей все вечера стал в ресторанах по бизнесу просиживать, живот наел, теперь смотреть на него тошно. Обрюзг. Ты же его видела месяц назад. Хотя вроде еще не старый мужик: на десять лет меня всего-то и старше. А главное, бабы эти бесконечные пошли. Ну и вранье постоянное.

— Ну а бунгало твое?

— Да, мое. На меня все бумаги оформлены. Первый год после покушения мы с Петей здесь провели. Потом он, как ты знаешь, в Шотландию учиться уехал. Поначалу скучновато было. Но быстро привыкла: тренажерный зал, плавание, уроки рисования, маникюр, педикюр и все такое. Подруги, знакомые появились. Теперь вот с тобой познакомились.

— Короче, все замечательно. А что детектив говорит?

— Все то же. Хотя, откровенно говоря, меня все это достало уже. Но я пока терплю. Я же терпеливая,

ты знаешь. Но зачем, ты мне скажи, было эту шлюху в наш дом приводить? По-моему, это уже слишком.

— Согласна с тобой, Кать. Это перебор!

— Спать с разными потаскухами в нашей кровати!

— Это уже чересчур!

— Так в Москву в очередной раз нагрнешь с подругами повидаться, а там сюрприз... Теперь, видно, без предупреждения к себе домой лучше носа не совать!

— Ужас! Ну что, поехали в горы обедать?

— Поедем, Нель. Сейчас, только одену что-нибудь.

Хозяйка бунгало грациозно поднялась. Оказавшись у себя в спальне, она подошла к кровати, нежно провела рукой по мускулистой мужской спине и сказала на ломанном английском:

— Доброе утро, дорогой!

— Доброе, — пробормотал загорелый красавец и зарыл голову в подушки, так что остались видны только его длинные темные волосы, достающие до загорелых плеч.

Екатерина натянула облегающие джинсы и майку, нацепила несколько массивных дорогих браслетов, затянула волосы в пучок и, сунув ноги в модные босоножки, сказала на английском:

— Я — уходить. Ты — оставаться. Вечер — видеться!

Бывшей учительнице географии средней школы иностранный язык давался с трудом. Ему она предпочитала язык любви.

— А кто это у тебя в спальне? — тихо поинтересовалась Нелли, когда они выезжали на дорогу.

— Родотеос, — удовлетворенно улыбнулась Екатерина.

— Инструктор из нашего джима*?

— Да.

— Красавец! Гора мышц! Обаятельный! На него многие наши девчонки заглядываются. Какая ты, Кать, шустрая, однако!

Екатерина только снова улыбнулась и повернула руль своего кабриолета, чтобы выехать на круг. Через час они поднялись в горы.

— И давно это у вас? — снова вернулась к интересующей ее теме Неля. Подруги уже уютно расположились в их любимом ресторанчике в горах. Тут из-за высоты было прохладно, и они укутались в пледы.

— Уже три месяца. Он, между прочим, долго меня добивался. Вначале я смотрела на все это, как на еще одно необременительное приключение, но теперь я уверена: он по-настоящему любит меня. Да, да...

— Я не оспариваю, что ты. Ты неправильно истолковала...

— Я ждала подобные взгляды и знаю, что они означают. Тем не менее это так. Ты пойми, о любви всегда правду знают только двое: он и она. Я и сама думала, что такое больше не повторится в моей жиз-

* Джим — тренажерный зал (от английского *gym* — гимнастический, тренажерный зал).

ни. Последний раз влюбилась три года назад, сразу как Петя на учебу уехал. Но теперь я понимаю, это было лишь подобие чувства. Сейчас я словно летаю. И снова живу. Каждую ночь засыпаю и каждое утро просыпаюсь в его объятиях. У меня появился смысл жизни, — Екатерина осушила залпом бокал домашнего вина, выдохнула и выпалила: — и знаешь, я решилась. Вначале не хотела говорить, но скажу. Сегодня с утра решилась. Больше я так жить не хочу. Мне рано еще себя хоронить. Пока молода, надо дышать полной грудью. И я не боюсь порицания!

— Никто тебя не порицает, Катя. Да и за что?

— Все-таки разница в возрасте. Пятнадцать лет — не шутки.

— Да и бог с ним. Наоборот, даже прикольно. Теперь многие женщины так делают. Ну, кто себе позволить может. А на что ты решилась-то?

— Я разведусь с мужем. — При этих словах Екатерина осушила еще один бокал.

— То есть как? — приподняла брови Неля.

— Понимаешь: все эти его выкрутасы. Устала от них. Сегодня с утра приняла решение. И то, что он эту шлюху в наш дом привел, было последней каплей. Пойми, я достойна лучшего.

— Пусть так. То есть, конечно же, достойна. Но разводиться-то зачем? — робко вставила Неля.

— Мне нужны деньги.

— Разве...

— Не те крохи, что дает мне Сергей. Я собираюсь, как говорят англичане, «reinvent myself». То есть заново себя переосмыслить, заново себя создать, стать кем-то еще. Понимаешь, я много интересовалась этими понятиями последнее время, читала, ну и Родотеос, конечно, мне кое в чем помог разобраться. Вообще-то, это он дал первый толчок, а дальше я уже все сама: в интернете копалась, размышляла. И разобралась. Все-таки они на Западе шире на вещи смотрят, не так традиционно, как у нас. У них более высокая степень свободы. Потому они и счастливее живут. Но на это надо решиться, понимаешь. И тут очень важен первый шаг... Возьмем еще кувшинчик?

Неля кивнула головой ради приличия. Она едва пригубила свой второй бокал. За разговором они прикончили салаты и приступили к горячему.

— А деньги-то тебе на что?

— Я же говорю: я все переосмыслила. Теперь пора воплотить мои планы в жизнь. Кем я была до настоящего времени? Домохозяйкой. Ну, еще три года после института в школе географию преподавала. Теперь этому конец. Я займусь бизнесом.

— То есть?

— Родотеос сделал мне деловое предложение. На несколько миллионов зеленых. Очень прибыльное. И, поверь, это только начало.

— А именно?

— Мы с ним откроем джим, где я буду хозяйкой.

— Ты знаешь как?

— Нет. Но знает Родотеос. Он же инструктор.

— Понятно. И что, это очень дорого стоит?

— Да. Три с половиной миллиона, чтобы быть точной.

— Ничего себе! Снять помещение, покрасить стены, арендовать оборудование — целых три миллиона? — присвистнула Неля.

— С половиной. Дело в том, что помещение лучше будет построить. Так выгодней. Сейчас как раз идет одно такое строительство. В него нужно войти на паях. Правда, пока оно еще на стадии проектирования. Но если хочешь завтра снять сливки, то заносить деньги нужно сегодня.

— Это Родотеос сказал?

— Да. Может еще графинчик? Что-то жажда мучит.

— Спасибо, мне достаточно.

— Ладно, тогда я бокал шерри возьму и крем-карамель на десерт.

— Как это ты ешь и не толстеешь?

— Природное. Потом, плаваю по часу в день и в джиме перед сном занимаюсь.

— А откуда ты знаешь, сколько получишь при разводе?

— Я юриста зарядила. Я же не зря в Москву мотаюсь. Есть конкретный финансовый план. У меня все четко. Сергею отойдет наша квартира на Тверской,

пусть своих баб и дальше туда таскает! Дом загородный на продажу выставим. Мне сказали, за три миллиона уйдет точно.

— Какой у вас дорогой дом! — мечтательно протянула Неля.

— По полтора миллиона каждому должно получиться. Наличность разделим пополам. Я все счета его выявила. Он их держал в ящике письменного стола. Ключ, как ты понимаешь, не сложно было подобрать. А разобраться во всех этих циферках — дебет, кредит, я этого не очень понимаю — мне помог все тот же юрист. Бунгало, естественно, мне. Ну и кабриолет, само собой. Это все и так мое, вообще-то. Все по честному, как видишь, получается.

— А что Сергей на эту тему думает?

— Пока ничего. Для него это будет сюрприз. Юрист сказал, надо неожиданно действовать, иначе мой все попрячет, и я с носом останусь. Я думаю, юрист прав. Мужики такие хитрые! Как ты считаешь?

Неля только неопределенно качнула головой в сторону. Ей было трудно быстро переварить столь могучий поток информации.

— Ну, а теперь еще раз считаем, сколько мне причитается. Полтора миллиона за дом плюс три миллиона — раздел наличности. Равно... сколько? Пять, нет, четыре с половиной миллиона зеленых. Из них три с половиной — на мой бизнес. А оставшийся миллион — это мне с Родотеосом на первое время, пока наш

бизнес не заработает. Петины расходы на образование, естественно, Сергей пусть на себя берет. Это даже не обсуждается. Он отец. Ну, вот, как-то так, — улыбнулась своим радужным финансовым перспективам бывшая преподавательница географии средней школы.

— И когда ты собираешься начинать процесс? — после паузы спросила Неля.

— Послезавтра вылетаю в Москву. Время не терпит! Вскоре подруги вышли из ресторана.

— Я могу повести машину назад, если ты устала? — любезно предложила Неля, глядя на нетвердую походку подруги.

— Нет, спасибо. Я вожу с удовольствием. Тебя завезти домой?

— Да, спасибо. Пора проверить, как там малыш.

— Счастливое время! Пока Петя был со мной, я всегда была при деле. То одна школа, то другая. То один репетитор, то другой. Я все держала под контролем. Теперь птичка улетела из гнезда, — вздохнула Ткачева.

Они простились у дверей апартаментов Нелли и договорились на следующий день что-нибудь снова придумать вместе. Их планам не суждено было осуществиться. Нелли слегла с сильной простудой и провалялась в постели почти неделю.

Оказавшись у себя, Екатерина первым делом налила себе бокальчик белого и отправилась на террасу. Черт с ним, с ежедневным послеобеденным купанием — последнее время она все чаще прощала себе эти маленькие поблажки. Так приятно было просто сидеть на террасе,

потягивать вино, смотреть вдаль и ждать Родотеоса. Вскоре она почувствовала сонливость и перебралась на большой мягкий диван в гостиной. Когда Ткачева проснулась, уже стемнело. В ванной шумела вода. Наверное, Родотеос открыл входную дверь своими ключами и не стал ее будить. Он был такой заботливый!

* * *

Поначалу Сергей Ткачев не мог заставить себя поверить в происходящее. Сам он разводиться никогда не собирался и никак не ожидал подобного шага от жены. Сергей не мог взять в толк, зачем она вообще все это затеяла. Выдвигаемые ею претензии в отношении его связей на стороне не относились к разряду чего-то нового. К тому же последние годы он сбавил обороты на любовных фронтах. Сама же Катя почему-то продолжала жить за границей, хотя изначальная причина этого давно отпала: бизнесмену больше никто не угрожал. Сергей пытался урезонить супругу, но тщетно. Особенно удивляли его тот душевный подъем и решительность, с которыми Екатерина громила их двадцатилетний брак, переживший немало невзгод.

Между тем после покушения дела Ткачева шли все хуже, а неожиданный раздел имущества и вовсе поставил его на грань финансового краха. Сердце бизнесмена не выдержало, и он отправился на больничную койку с инфарктом средней тяжести. Впрочем, к тому времени бракоразводный процесс был завершен, и бывшая жена со словами «теперь пусть о нем его шлю-

хи заботятся» отбыла в свое средиземноморское бунгало. Вскоре она получила там вид на жительство.

Проболтавшись с месяц на больничной койке, Сергей выписался. Он и до этого был старообразен, теперь же ему легко давали за шестьдесят. С большим трудом Ткачеву удалось урегулировать свои запутанные финансовые обязательства, о которых жена не желала слышать при разделе имущества. Получилось даже остаться при скромных деньгах. О бизнесе он больше не помышляет и почитает за благо, что ему хватает на текущие расходы. Изредка Ткачев даже может себе позволить поездку в Париж, правда, уже без юных спутниц. Ехать с ним за свои желающих не находится. Ежедневно в полдень, опираясь на трость, он выходит из своей добротной квартиры прогуляться по Тверской. А иногда, когда позволяет самочувствие, может пройтись и по бульварам. Вечерами в одиночестве смотрит телевизор.

* * *

Пять лет спустя Нелли с мужем и двумя детьми довелось вновь посетить то же курортное местечко. Там, на узких улочках старого города, недалеко от порта, она случайно встретила свою давнюю знакомую за прилавком маленького потертого продовольственного магазинчика. Ткачева сильно изменилась. Ее бывшие аппетитные формы исчезли, талия расплылась. Лицо потеряло привлекательность, а под глазами висели мешки. Одетая она была небрежно, руки выдавали че-

ловека, привыкшего к физическому труду. Поначалу Екатерина не очень обрадовалась встрече и даже не хотела признавать в Нелли свою бывшую подругу. Но постепенно оттаяла и разговорилась. В лавке как раз не было покупателей.

Из сбивчивого повествования Ткачевой, собственного пьющим людям, следовало, что ей почти полностью удалось удовлетворить свои материальные претензии к бывшему мужу. После чего, как и планировалось, она зажила с молодым красавцем Родотеосом. Поначалу все шло прелестно, только вот бизнес-проект, в который она вложила почти все свои деньги, подвел. В чем именно заключался подвох, из пояснений Ткачевой понять было невозможно. Екатерина лишь туманно ссылалась на казуистику местного законодательства, нечистоплотность юристов и нерасторопность Родотеоса, с которым они после этого, естественно, расстались. Все вложенные в проект миллионы растворились вместе с любовником. Но больших сожалений от разрыва с инструктором джима Ткачева не испытывала. Последовавший роман со спасателем Димитрисом затмил воспоминания о предыдущей любви. Хитроумный красавец не только вытянул из стареющей женщины остатки средств, но и загнал в большие долги. И года два назад Ткачевой пришлось за бесценок продать бунгало, перебраться в крохотную квартиру в не самом благополучном районе города и подыскать себе работу. Несложно до-

гадаться, что Димитрис тогда же оставил Екатерину, и с тех пор поклонников на горизонте не появлялось.

Повествование продавщицы было прервано строгим окриком хозяина магазинчика. Нужно было срочно что-то переложить в подсобке. Ткачева засуетилась и со словами «Подожди, я мигом» скрылась в темноте за маленькой дверкой. Не прошло и минуты как она, запыхавшись, выскочила назад за прилавок, но бывшей подруги уже и след простыл.

— Ну, куда же ты пропала? Мы уже подумали, что наша мама потерялась, — улыбнулся муж, когда Нелли нагнала их.

После легкого обеда в прибрежном ресторане они всей семьей решили пройтись по пляжу. Вскоре их взорам открылась вывеска «Продается», а за ней то самое бунгало, где пять лет назад Неля коротала время у своей ухоженной и обеспеченной знакомой. Муж изъявил желание осмотреть дом.

— Неплохое место! — присвистнул он, когда они оказались внутри. — Все качественно сделано, и вид чудесный! Хочешь, я подарю тебе это бунгало?

— Ни в коем случае! — помимо воли воскликнула Неля.

Муж с удивлением посмотрел на нее, пожал плечами, и они пошли дальше.

Январь 2018

Под воздействием времени

На выходе из Шереметьево он взял такси. Москва встречала зимней стужей. Крутила пурга. Дороги завалило снегом. Снегоуборочная техника не справлялась со стихией. Вскоре машина, преодолев пригороды, покатила по студеным улицам столицы. Смеркалось. Дмитрий смотрел из окна, за которым проплывал его город. В нем каждая улица являла собой часть истории, из которых постепенно сплеталась целостная картина жизни. Жизни его, а не чьей-то посторонней. События непринужденно всплывали в памяти. И он словно читал роман о самом себе, о тех, кто его окружал, о своих давно растворившихся во времени друзьях и подругах. Такой эмоциональной привязанности он не испытывал к другим городам. А Дмитрий много где побывал.

Воспоминания размеренно накатывали, словно волны на морской берег. Вот улица Правды, вот и памятный угловой дом. Здесь в коммунальной квартире когда-то жил его сокурсник, толстый Витька по прозвищу Кондитер. У него по субботам, после футбола собирались пить пиво, варили креветки, ели воблу, если, конечно, удавалось ее достать. Ночи напролет ре-

зались в преферанс. Дима чаще был удачлив. Выигрышей хватало на водку и сигареты. Пока однажды, на третьем курсе он не сел за стол с двумя ребятами с параллельного потока, непримечательной наружности. Казалось, ничто не предвещало неприятностей. Однако с этими двумя расклад почему-то всегда оказывался не в его пользу. Дима неизменно проигрывал. Либо маленькую сумму, либо, если начинал испытывать судьбу, большую. Спустив две стипендии — большие деньги по тем временам, — он оставил это занятие.

У Витьки Дима частенько стрелял ключи. Кого он только сюда ни приводил! Рыжеволосую сокурсницу Светлану, легкомысленную Татьяну, серьезную девушку Наташу, которая на удивление долго не уступала призывному голосу плоти. Пришлось даже признаться ей в любви, чего обычно Дима не делал. Никогда не любил врать. И не только в любовных делах. Эта черта характера и по сей день доставляла ему излишние хлопоты, которых можно было бы легко избежать, покриви он душой. «Да и что плохого во лжи, если люди порой сами стремятся быть обманутыми?» — размышлял Дима, но потом все равно либо говорил, как есть, либо отмалчивался.

Но вот уже и Тверская, памятник Пушкину. Поворот, и «Макдональдс», занимающий помещение некогда легендарного кафе «Лира», где Дмитрий был завсегдаем. В памяти всплыли куплеты песни «Машины времени» «У ворот заведения народу скопление, за дверями швейцар». Дима, конечно же, знал этого

пройдоху. В джинсах «Ли» и светлой дубленке — самоотверженная мама ничего не жалела для единственного сына — дерзко обогнув очередь, Дима вальяжно входил в заведение из песни. Совал скомканную купюру в жадную лапу швейцара и тут же тонул в уютном дыму сигарет. Скольких же барышень он тут подцепил? Постой, постой, давай посчитаем, дай бог памяти. Заносчивая и страстная блондинка Лена — дочь подпольного миллионера. Несмотря на Димины протесты — такие траты были ему не по карману, — она не раз водила его в ресторан «Арагви», этот символ процветания тех далеких времен, ныне канувший в Лету. Как, впрочем, и всемогущий «цеховик»* — отец Лены, который в начале девяностых не смог сориентироваться и все потерял на обесценении рубля. Где теперь блондинка Лена? Как узнать? И нужно ли?

Самые разные девушки заглядывали в кафе «Ли́ра». Мало кто мог устоять перед обаянием молодого лове-ласа. Циничная юркая шатенка Катя. Их роман продлился совсем недолго. Сообразив, что проку от Дмитрия мало, она быстро к нему охладела. По слухам, несколько лет спустя Катя стала валютной проституткой. А вот еще — страстная и статная «дочь и внучка всех больших людей» Тамара. Дима называл ее «царица Тамара». У нее была роскошная квартира тут же, на Большой Бронной — очень удобно. С одиннадцатого этажа открывался чудесный вид на кремлевские баш-

* Цеховик — подпольный предприниматель в СССР.

ни. На ней он, пожалуй, даже женился бы. Но родители готовили для дочери другое будущее. Впрочем, Дима не настаивал.

Пошли бульвары. Слева Новый МХАТ. Что там тогда давали? Трогательную мелодраму «Валентин и Валентина»? Справа Пушкинский театр. В те годы в нем шли «Разбойники». Школьный друг Вовочка достал билеты. Десятый класс! Во время спектакля он с сатанинским спокойствием нашептывал на ухо Диме «Евгения Онегина» в матерном изложении. Убеденный театрал Дима держался, как мог, но сорвался и во весь голос захохотал в самый неподходящий момент. Слава богу, объявили антракт. В буфете они познакомились с двумя длинноногими балеринами. Потом прорвались в кафе «Ангара» на Калининском. Выпили виски, закусили, выпили еще. Вовочка ушел в отрыв и полез в метро с бычком в зубах. Дима пытался остановить друга — куда там! Друга остановили дружинники. Дима поехал его выручать. Чуть было не оформили привод в милицию. Повезло! Отделались пачкой «Мальборо». Балерины, правда, на связь с тех пор не выходили. Да и бог с ними!

А в этом доме когда-то располагалось кафе «У Никитских ворот», где Дима подрался с нагловатым посетителем с Кавказа и провел ночь в отделении милиции. Чуть было не исключили из института. Отец как-то замял дело. Вообще-то мускулистый рослый Дима никогда не лез на рожон. Но и спуску обидчикам давать не был приучен. Чем порой навлекал на себя

неприятности. Однажды в популярном пивном баре «Мутный глаз» Дима вступился за бесчинствовавших сокурсников и лишился двух передних зубов.

А вот и длинный дом из желтого кирпича на Никитском бульваре. Здесь когда-то жила жаркая Лера, которая не давала ему сомкнуть глаз ночи напролет. Роман продолжался два летних месяца кряду. Но в сентябре ее родители вернулись из командировки, лишив юных любовников места свиданий. Вскоре Лера вышла замуж за перспективного жениха. Восемнадцатилетний Дима страдал, всеми силами стараясь избавиться от обуревавшей мучительной страсти. Корил себя за отсутствие воли перебороть унижительное влечение. Сейчас бы он многое отдал, чтобы еще раз так помучиться. Да что там! Испытать бы хоть нечто похожее. Увы! Бурные эмоции и страстные желания остались в прошлом.

Случай с Лерой был скорее исключением в его бурной молодости. Обычно инициатором разрыва отношений был он сам. Широкоплечий обходительный красавец пользовался большой популярностью у женского пола. Для него это был спорт. Молодой человек непринужденно знакомился в любом месте, где бы ни оказывался, будь то поликлиника или кафе, парк или лекция в институте, даже просто на улице. Некоторые романы были совсем непродолжительны. Так было и с Катей из Тарту — она гостила у подружки. Та проживала на первом этаже в панельном доме на улице Димитрова, ныне Якиманка, по которой как раз сей-

час катило такси. Дима смотрел на серо-белый длинный панельный дом, пытаясь выискать то окно, где, наверное, теперь жили совсем другие люди. А может быть, и нет. Вполне возможно, что невзрачная подруга Кати — хотя Катя и сама-то не была красавицей, просто симпатичная воспитанная девушка, не более — так и живет там, только с мужем и детьми. Или же одна. А может, с ребенком, но без мужа. Кто его знает! Тогда же в этой квартире, пока хозяйка была на работе, Дима первый раз остался с Катей наедине. Второй, он же и последний, эпизод их непродолжительных отношений случился у него дома, где их застучала мамаша, неожиданно вернувшаяся с работы раньше времени. Конфуз. А что было делать? Подруга почему-то строго-на-строго наказала к ней домой больше никого не водить. А может быть, Катя это все выдумала, специально подстроила, чтобы оказаться у Димы дома, чтобы их застали родители? Ведь Дима предупреждал, что мама может прийти. Но Катю это почему-то не смутило.

Они познакомились в Парке Горького. Как Катя оказалась в Москве, чем она занималась, молодой повеса толком не знал, а может быть, просто забыл: слишком незначительное место эта девушка занимала в его жизни. Наверное, она просто очень хотела зацепиться в столице, вот и забеременела. Именно этим Катя и запомнилась: такого прокола в его обширной практике ни до, ни после не случалось. Досадный факт, конечно, но не более. Да и она тоже хороша! Нет, он, разумеет-

ся, с себя вины не снимал. Но не жениться же из-за этого, в конце-то концов. Не хоронить же себя в двадцать пять лет, когда столько всего интересного вокруг! Да и волевой маме она сразу не понравилась. Правда, ей никто никогда не нравился. Но мама — это святое! Она же так много для него делала! Одним словом, молодые люди расстались. Катя, как полагал Дима, скорее всего, уехала домой в Прибалтику. Ее судьбой он не интересовался и долго о ней ничего не слышал.

И только год спустя, как-то раз вернувшись домой под утро то ли от Тамары, то ли от Лены — сейчас наверняка и не вспомнить, кем он был тогда увлечен, — молодой повеса встретил на пороге маму: она плохо засыпала, когда сына не было рядом. Мама с недовольным видом протянула распечатанное письмо и, отчеканив «В наше время девушки вели себя пристойнее!», отправилась спать.

Из письма Дима узнал, что Катя родила и что снова живет у себя в Тарту. Удивительно, но теперь он даже толком не мог вспомнить, что ей ответил и написал ли вообще. Избирательная память заботливо стирает все неудобные воспоминания, уберегая человека от чрезмерных душевных волнений.

Снег все кружил, машина плавно катила дальше. Вот и Ленинский. Вот и институт. Поступление. Ему вновь восемнадцать! Первые лекции, семинары. Новая жизнь, новые встречи. Все вокруг бурлит, кипит, насыщено, сочно, ни минуты покоя. Большие надеж-

ды! А вот и диплом. Как быстро летит время, некогда задуматься. Но он все еще молод! И самое интересное, конечно же, ждет впереди!

Когда же испарилось это прекрасное чувство? Как незаметно это произошло! В двадцать пять, в тридцать? Пожалуй, еще нет. Тогда, в тридцать пять? Возможно.... Нет, наверное, все же намного раньше. Теперь ему все чаще казалось, что самая прекрасная пора была именно тогда, в институте, когда он жил ожиданием, ну, может, еще лет пять после окончания, от силы. А что же наступило потом?

Но вот и родительский дом. Такси остановилось у панельной многоэтажки. Старенькая мама, увидев сына, заохала, заохала, присела тут же в коридоре, взялась рукой за грудь. От переживаний прихватило сердце. Как-никак, единственный сын приехал! Скучает старушка. Тоскливо ей, особенно последний год, как похоронила мужа. А ведь в свое время она приложила немалые усилия для того, чтобы отправить Диму подальше от себя, за лучшей долей. Сама она как-нибудь перебьется. Но если разобраться, то в старости многим одиноко. Это и есть удел большинства. И, значит, нечего расстраиваться.

Мать Димы, врач по профессии, всегда чувствовала себя обделенной. Считала, что если бы она могла прорвать железный занавес СССР и обосноваться где-нибудь в Западной Европе, то жизнь ее стала бы гораздо сытнее и интереснее. Того же она хотела и для сына. Дома на эту тему всегда было много разговоров.

Отец, инженер, был не столь категоричен, но предпочитал не оспаривать точку зрения жены. Поэтому Дима вырос с твердым пониманием того, что из страны надо валить. Тем более что по окончании института никаких особенных перспектив он для себя не обнаружил. Работа по распределению пришлась не по душе. Другая как-то не подворачивалась. Революция же начала девяностых и наступление долгожданного капитализма лично ему принесли лишь еще большие разочарования. Денег в семье не стало вовсе. Заработать их не получалось. Тут заботливая мама подсуетилась и получила приглашение на имя Димы от своей дальней родственницы в Бельгии. И сын отправился в путь без страха и упрека.

Заметив, что у матери прихватило сердце, Дима засуетился, побежал за лекарством, принес воды. Безобидная слабая старушка — ее воинственный пыл давно остыл — пришла в чувство. Потом долго сидели на кухне, ужинали, пили черный чай с домашним сладким пирогом, разговаривали. Мама засыпала сына вопросами. Они не виделись полгода.

— Не болеешь?

— Нет, нормально.

— А как твое колено?

— Нормально, мам.

— Как это нормально? Не болит?

— Нет.

— А что врачи говорят? Все-таки сложная операция была.

- Говорят, что все нормально.
 - Что ты заладил — нормально, нормально. Подробнее расскажи.
 - Три года прошло уже, как операцию сделали, мама.
 - Ну и что?
 - Все в порядке.
 - В хоккее играешь?
 - Да.
 - Не стоило бы. Это опасно.
 - Ничего особенного, мам.
 - Контактный вид спорта. Силовой. Нашел бы себе что-нибудь поспокойнее. Ты уже не мальчик, чтоб в хоккее гонять.
 - Мне это нравится.
 - Опасно, говорю тебе.
 - Не волнуйся, всю жизнь играю и ничего.
 - Как Николь?
 - В порядке.
- Николь была его жена. Дима познакомился с ней буквально через год после своего приезда в Бельгию и влюбился. Когда-то она была необычайно красива.
- Жаль, что вы так и не завели детей. Я так хотела понянчить внуков.
 - Мама, я же просил тебя!
 - Ну что просил? Говорю как есть! Ведь это так естественно! Какая жизнь без внуков!
 - Как у тебя с сердцем?
 - С переменным успехом. Ты же сам видишь.
 - Что врачи говорят?

— Жить буду. Еще какое-то время.

— А суставы?

— Побаливают, но терпимо. Что там у вас говорят про Россию?

— Про Россию говорят мало и все больше критикуют. Завтра с утра на кладбище к отцу?

— Конечно.

На следующий день после кладбища Дима завез маму домой и отправился к некоей даме. Она была одного с ним поколения, чуть младше. Они познакомились в компании несколько лет назад. И теперь во время своих посещений Москвы Дима к ней заглядывал скоротать вечерок-другой. Почему бы и нет: обитала дама в дорогой большой квартире в центре Москвы. За сытным ужином выпили вина, поболтали, послушали музыку.

— А ты в хорошей форме, — наутро сказала дама, одобрительно глядя из-под простыни на крепкий обнаженный Димин торс.

Дима посмотрел на себя в зеркало во всю стену спальни. Смуглое лицо, густые темные волосы, ни залысин, ни седины. Загорелое мускулистое тело.

«Действительно, неплохо сохранился. Но полтинник есть полтинник», — подумал он и отправился в душ.

— А твой муж не нагрывает? — за завтраком поинтересовался Дима.

— Во-первых, он во Франции. Во-вторых, он давно мне не муж. Если даже и нагрывает, то я не собираюсь открывать дверь. А в-третьих, хватит задавать мне дурацкие вопросы, — в голосе ее слышалось раздражение.

— Ну ладно, ладно, я это просто так, на всякий случай, — поморщился Дима.

Голова трещала: накануне он определенно перебрал. Дима проследовал по просторной кухне-столовой к холодильнику и потянул за ручку. Его постигло разочарование.

— Я смотрю, пива опять нет!

— Я пива не пью. А ты мог бы и с собой привезти, если так хочется, — холодно парировала любовница, и, вставая из-за стола, добавила: — Ну, ладно, мне пора собираться. Дел много сегодня.

«Ах вот как! Сигнал “На выход” посылает! И опять укоряет, что приехал с пустыми руками. Ну, не очень-то и надо было! Да и вообще, обойдемся без утреннего секса! И какие у тебя дела могут быть? Ты же не работаешь!» — раздраженно думал Дима, выходя в морозное утро. Сильной привязанности к приютившей его даме он не испытывал.

Одевался Дима непритязательно. Кроссовки, джинсы, горнолыжная куртка, толстый свитер. Возможно, из-за этого его однажды не пустили в ночной клуб, куда он забрел спяну. Душа требовала продолжения банкета. Но не прошел «фейсконтроль». Да и черт с ним! Зато деньги сэкономил. К тому же он не был большим поклонником ночной гламурной жизни.

Вечером с друзьями юности они отправились по многочисленным винным барам столицы. В центре города во всех модных заведениях жизнь была клю-

чом. Пятница. Офисный планктон высыпал из учреждений сбросить накопившуюся за неделю усталость. Диме, правда, уставать было не от чего. Он давно был не при делах.

За столиками сидело много молодых особ на любой вкус. С некоторыми его друзья беспечно заговаривали. У Димы же беседа не клеилась. Он не производил на молодёжь впечатления и не тешил себя иллюзиями. Впрочем, и его самого снующие вокруг барышни оставляли равнодушным. Дима даже немного завидовал двум своим друзьям. Те и в молодости не пользовались спросом у противоположного пола и оттого с годами ничего не потеряли. Более того, придя к среднему возрасту с туго набитым кошельком, только приобрели. Дима же когда-то давно был безнадежно испорчен бескорыстным женским вниманием и теперь ничего другого не желал. Получалось, что огромный пласт его жизни, словно айсберг, подточенный теплым течением новых поколений, растворился без следа, оставив после себя пустоту, которую он не знал, чем заполнить.

Нагрузившись спиртным, друзья вышли из одного бара, чтобы проследовать в следующий. По институтской привычке бывшие сокурсники ожидали от своего товарища подвигов, и Дима, как мог, подыгрывал им.

— Простудитесь, девчонки! Мороз какой! Может, подвезти вас? — подмигнув группе юных особ в коротких юбках, симпатичные носики которых покраснели на морозе, игриво сказал Дима.

— Иди, иди своей дорогой, дядька, — безразлично заметила одна из девушек, едва удостоив его небрежным взглядом. Но когда захмелевшие дядьки, добродушно кряхтя, полезли в черную тушу подкатившего длинного мерседеса, лица юных искательниц приключений кисло вытянулись в непередаваемой досаде.

— Ну, тогда счастливо оставаться, девчонки! — рассчитался Дима напоследок через приоткрытое окно.

И тут до его слуха отчетливо донеслись фразы начавшейся перебранки:

— Ну, ты и дура, Ир!

— Да откуда я знала! Видела, как он одет... Лох какой-то с виду...

Но машина уже набирала обороты, и продолжение дискуссии утонуло в холодной метели.

На следующий день Дима проснулся поздно. Голова гудела с похмелья. Пива в холодильнике опять не нашлось. Отражение собственного небритого лица в маленьком зеркальце ванной комнаты усугубило ощущение безнадежности. Мама, видя состояние сына, засуетилась, достала квашеной капусты, налила кружку рассола. Дима вернулся в комнату и уставился за окно. Там мела метель. Его гастроль подходила к концу! Наступали будни. Охватывала тоска! Пора было возвращаться. Россия, Москва давно уже перестали быть его домом. Четверть века сделали свое дело. Теперь его дом был в небольшой симпатичной сонной деревушке под Брюсселем. Домик был маленький, но ладный, чистенький. А эта родитель-

ская обветшалая клетушка советского образца навевала на него бесконечное уныние. Отвык.

Немного знобило. Спиртное — хорошее средство против стресса, но плохой антидепрессант. Когда-то давно, переехав в Бельгию, Дима с переменным успехом подвизывался на разные работы, пытался организовать бизнес, какое-то время им с женой удавалось держать маленький магазинчик, потом довелось поучаствовать в мелких финансовых аферах с бывшими соотечественниками, что также не принесло большого дохода. Последнее время он перебивался редкими уроками хоккея. Жена Николь после долгого перерыва вышла на работу медсестрой, это была ее профессия. Но денег все равно было в обрез. Что его ждало? Зачем все это? Тоска. Дима лежал в позе эмбриона и ничего не хотел.

Ему снова стало казаться, что жизнь прошла беспечно, бессмысленно. Смог бы он достичь большего, если бы остался на родине? В этом ли было дело? Может, удалось бы сохранить профессию, и сейчас было бы, чем заниматься, было бы какое-то дело. Нет, вряд ли. Такое тогда творилось! Да и разве была ему интересна эта профессия, работа, за которую ничего не платили? Но, может быть, нашлось бы что-нибудь еще? В любом случае это были вопросы без ответа. Имело ли смысл себя ими терзать? Но и смысл всего происходящего ускользал от его сознания.

Раздался телефонный звонок, Дима посмотрел на дисплей, и лицо его неожиданно просветлело.

— Таня, Танечка! Как ты? — заговорил он в трубку нежно и тревожно.

.....

— Хорошо! Ну, слава богу! А то я очень волновался.

.....

— Будешь в Москве только завтра! Не получилось раньше!?! Какая жалость, а я как раз завтра уже улетаю. Я тебе говорил. А мы так давно не виделись.

.....

— Конечно, я все понимаю. Это все действительно очень важно для тебя и должно стоять на первом месте. Постой! Во сколько ты прилетаешь?

.....

— В Шереметьево?

.....

— Чудесно! Мы сможем встретиться в аэропорту! У нас будет пара часов! Что скажешь?

.....

— Ну и славно! — Дима просиял от счастья. — Ты любишь японскую кухню, Таня?

.....

— Чудесно, тогда пообедаем в японском ресторанчике на вылете! Это на втором этаже. Буду ждать тебя там. Поднимайся сразу, как пройдешь все формальности!

Угощение в японском ресторане самым неприятным образом должно было отразиться на его и без того скудном бюджете. Но Дима не думал об этом. Он приехал с запасом на час. На всякий случай. Пробки. Или вдруг она прилетит раньше. Мало ли что!

Красивая девушка лет двадцати пяти тихо подкралась сзади. Теплые пальцы закрыли ему глаза. Милый голос, который он узнал бы из тысячи, спросил: «Угадай, кто?»

Не поворачивая головы, Дима нежно взял ее руки и поцеловал, потом проворно поднялся и крепко ее обнял.

— Таня! — У него на глазах выступили слезы, а она весело захохотала.

— Ну, какой ты смешной, папка! Плакса! — и снова дотронулась до его лица, чтобы смахнуть набежавшие слезинки.

Они просидели в ресторане час с лишним, пока не объявили посадку. Таня с аппетитом уплетала суши, темпуру и еще что-то, а Дима зачарованно смотрел на нее. С тех пор, как они встретились год назад, эта девушка стала смыслом его жизни. Она не держала на него зла, а он был счастлив, только когда дочь была рядом. Дима никому не рассказывал про нее, суеверно боясь сглазить свое счастье.

Через два часа его самолет взмыл в небо. Глядя в иллюминатор на удаляющийся город его юности, Дима вновь мысленно перелистывал книгу своей жизни. Под воздействием времени то, что четверть века назад представлялось ему нелепым недоразумением, обузой, теперь стало самым драгоценным. А то, что было важно тогда, стало ненужным сегодня.

Декабрь 2016

Теперь заживем!

*«He wants a chance to give his kids a better life...»**

Некоторое время назад при обстоятельствах, не имеющих прямого отношения к предмету данного повествования, ко мне в руки попал толстый пакет, туго набитый пожелтевшими листами бумаги, а с ними флешка. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что передо мной два дневника. Содержание этих записей показалось мне довольно интересным, и я решил поделиться им с читателями без каких-либо изменений. Исключение составляют те страницы, которые под воздействием времени стали нечитаемы.

Июль 2028

Дневник Льва Борисовича

Август 1955 года

Вчера почему-то вспомнил, как герой одного романа вел дневник. И эта мысль показалась мне интересной. Что за роман это был, не помню, да я и не дочитал его. Вообще-то я не слишком охоч до этого дела. Книжонку ту Инга, моя девушка, подсунула. Мы

* «Он хочет дать своим детям лучшую жизнь» — слова из песни Л. Армстронга (англ.).

познакомились в трамвае неделю назад. Ей кажется, что я косноязычен. А так, говорит, может, глаже буду изъясняться. Ну да не о том сейчас речь. Решил я вести дневник, значит. Пусть дети мои, внуки и правнуки знают, кто был такой их предок и как он жил. На сегодня все. Спать охота, а завтра на работу вставать ни свет ни заря. У станка не забалуешь. Один вчера зазевался — так без пальцев остался.

Январь 1956 года

Я забыл представиться. Зовут меня Лева, Лев Борисович, 1930 года рождения. Комсомолец*. Из семьи разнорабочих. Мать — швея, отец по столярному делу, кирпич класть тоже может. Родители проживают в Ростове. Мне как двадцать лет исполнилось — рванул в Москву. Покорять. Вначале техникум. Одновременно, само собой, работал. Пристроился в общежитии при том же заводе. Техникум закончил и в строительный институт поступил, на вечерний. Хочу прорабом стать. А бог даст, может, и выше поднимусь. Сколько помню, отец всегда мечтал выучиться и в строители пойти. Не получилось у него. Семью надо было поднимать. Трое сестер у меня было. Двоих уже в живых нет. А с Клавой, старшей, мы не очень ладим. Все на сегодня, мне еще курсовик дописывать.

* Комсомол — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) — политическая молодежная организация в СССР.

Август 1956 года

С Ингой поссорился. Зазнается больно! Того я не читал, этого фильма не видел. Из интеллигентной семьи она, понимаете ли! Учителя у нее родители. Подумаешь! А живут, между прочим, не лучше нашего в Ростове. Их семья из четырех человек две комнаты в большой коммуналке занимает. Но и мне привести ее тоже особенно некуда — вот в чем штука. Не в общезитие же тащить! Что делать? Ума не приложу.

Сентябрь 1956 года

Продвигаюсь по комсомольской линии. Выбрали тут комсоргом цеха. Чувствую, не совсем это мое — других агитировать. Да и времени много отнимает. Но надо как-то продвигаться. Сам о себе не побеспокоюсь — никто не побеспокоится.

Ноябрь 1957 года

Теперь заживем! Меня в партию* приняли! Большие перспективы открываются!

И с Ингой помирился. Ходили в кино, потом в Парк культуры имени Горького на танцы. А после по аллеям гуляли, целовались, пока не замерзли совсем.

На работе меня на доске почета повесили. Зарплату еще в прошлом месяце обещали прибавить. Думаю, может, костюм себе теперь купить? Хотя куда в нем ходить-то, спрашивается?

* Имеется в виду Коммунистическая партия. Других в Советском Союзе не было. Вступление в партию открывало перспективы продвижения по службе.

В институте туго дело идет. Хвосты подчищаю. Все потому, что устаю у станка. Но ничего, я дожду, получу диплом, уже недолго осталось.

Август 1959

Все! Институт закончил! Дипломированный специалист! По распределению остался в Москве, в домостроительном комбинате, прорабом. Там обещали помочь с жилплощадью. Написал отцу уже. Он гордится мной.

С Ингой подали документы. Через месяц распишемся. Инга меня на год младше. Ей еще год учиться.

Октябрь 1959

Теперь заживем! Мне, как семейному, выделили комнату! На первом этаже, правда. Инга боится, что зимой будет холодно. Дом старый, деревянный, барак, пол земляной. Ну да ничего! Зато своя комната. Теперь можно и детей.

Совсем забыл. Месяц назад сыграли свадьбу. У родителей Инги. Тридцать человек народу! Плясали. Здорово было. И соседи по квартире не мешали, потому как мы их тоже пригласили. Я по такому случаю себе костюм-то и купил. Двубортный. Теперь собираюсь в нем родителей навестить в следующем месяце. Они на свадьбу не смогли приехать. Старые совсем. Тяжелые на подъем.

Июнь 1960 года

У меня родился сын! Назвали Борькой. Борис Львович — красиво звучит. Голосистый мальчуган. Может, певцом станет?

Инге дали академический отпуск.

Декабрь 1962

Опять зима настает. Уже пол промерзает. Я-то ничего, а вот Борька хворает все время. Завтра в ясли не пойдет.

Работы много. Целыми днями там пропадаю. Инга жалуется, что меня дома не бывает. Но деньги-то надо зарабатывать. Она же с Борькой сидит. Но вообще-то Инга моя молодец. Хозяйственная. Все поспекает: и стирает, и гладит. А какой борщ с пампушкой мне в воскресенье сварила, закачаешься. Я по такому случаю даже рюмку водки выпил. Заботливая жена. Любит меня. Я ей тоже, конечно, помогаю, когда чего прикрутить, просверлить.

Август 1964

В отпуск поехали на Черное море, под Сочи. Дикарем. Палатку я у друга взаймы взял. 36 часов в плацкарте, и ты на пляже! Борька в восторге был. Из воды не вытащить. Теперь ему на весь год солнечного заряды хватит. Инга загорелая вернулась, счастливая.

Июнь 1965

Похоронил мать. Отец совсем сдал. Сестра о нем плохо заботится, хотя, казалось бы, живут вместе.

Август 1966

Отпуск в Крыму проводили. В этот год получил путевки по профсоюзной линии. Как белые люди отдыхали! Целая комната с умывальником в нашем рас-

поражении. До моря рукой подать. Инга и Борька счастливые вернулись. Буду стараться, чтоб на следующий год так же получилось.

Октябрь 1967

Борька пошел в первый класс! Вроде у него там хорошо получается. Сообразительный парень растет и шустрый. Сразу видно — заводила.

Работы много. Строительство идет по всей стране. Люди живут лучше и лучше. Мне тоже квартиру обещали, на очередь поставили. Но пока непонятно, когда дадут.

Май 1968

У Борьки действительно голос обнаружили! Учительница пения куда-то даже звонила, и его в сентябре следующего года должны в хор при консерватории взять. Если прослушивание пройдет.

Сентябрь 1968

Наши вошли в Чехословакию. Надо помочь чешским товарищам прижать хвост империалистическим прихвостням. У нас на комбинате был митинг в поддержку. Я, само собой, ходил. В толпе услышал, зачем, мол, это надо было делать. Странно, как это люди не понимают? Ну да ладно. Мне квартиру обещали дать отдельную! Инга не верит. Она у меня Фома неверующий.

Борька прослушивание не прошел. Голос есть, но слуха нет. Так и сказали: медведь на ухо наступил. Ну да и

черт с ним, с пением этим. Больно ненадежная специальность. Лучше пусть как я, по строительной части идет.

Ноябрь 1969

Умер отец. Врач сказал, что можно было спасти. Надо было сразу скорую вызывать. Сестра не досмотрела. Только о себе думает. Мы с ней совсем разные люди. Даже на поминках сказать нечего друг другу было.

Январь 1970

Меня перевели в главк. По зарплате ничем не лучше, но обещали помочь с жилплощадью.

Январь 1971

Теперь заживем! Я же говорил, а Инга не верила. Дали отдельную квартиру. И не одну, а сразу две комнаты — 35 метров квадратных — и все наше! Прощай земляной пол. Место хорошее — Кузьминки. До центра на метро рукой подать. А до станции метро от подъезда на автобусе пять остановок. До работы тоже удобно: за сорок пять минут добираюсь.

Борька больно непоседливый. Весь дневник в замечаниях красными чернилами — за поведение. На уроках крутится, на переменах дерется. Видно, смелый парень растет, за себя постоять сможет.

Январь 1974

Я Инге говорю: давай садовый участок возьмем, на работе второй год предлагают. А она ни в какую. Зачем он тебе нужен, говорит? Лучше в дом отдыха съездить — та же природа. Мне, и правда, несколько

раз по профсоюзной линии путевки давали. Но то ж не каждый год, объясняю ей. Дом отдыха — это ж совсем не то. Сегодня дали путевки, завтра нет. А участок — это твое. Собственность! Понимать надо. Когда хочешь, туда взял и поехал. И никто тебе не указ. Ни у кого спрашивать не надо. К тому же будет, что Борьке и внукам после себя оставить.

Апрель 1975

Теперь заживем! Вчера участок в садовом товариществе под Талдомом дали. Оформляю документы.

Сентябрь 1975

Земли своей 6 соток. Ну, это как у всех. Домик, конечно, щитовой пока, и ехать далековато, но зато свое. Летом теперь все выходные там. Инга в земле ковыряется. Целый огород развела. Ей нравится. А говорила — зачем? Картошка, зелень свои будут. Потом, деревья подрастут — яблоки пойдут. Сам я по дому мастерю. Я ж строитель, все своими руками сделать могу. Думаю второй этаж со временем надстроить. Приятно видеть творение своих рук.

Сейчас домик на зиму консервирую, и до следующей весны.

Борька мне помогает во всем, но спорит по всякому поводу. Считает, что лучше отца уже знает, как чего делать. Ему никто не указ, моему Борьке! Учителя в школе тоже жалуются, что он все по-своему старается делать. Объяснят способ решения типовой задачи, так он — нет. Свое изобретает.

Май 1976

Борька совсем большой стал. Вымахал под метр девяносто, в плечах раздался, кулаки огромные. Красив, как Аполлон. Девчонки телефон уже обрывают. Смелый, черт, растет. Директриса в школу вызывала нас с Ингой. Поколотил десятиклассника! Тому бровь сшивали. Ну, у самого, конечно, тоже нос разбит. Ладно, разобрались вроде.

Сентябрь 1977

Борька — студент. Красиво звучит. Поступил с первого раза. И военная кафедра есть. По моим стопам пошел: строителем будет. Есть, есть у него тяга к этому делу, я это чувствую. Вон и домик мне помогает надстраивать. Все у него ловко получается. С любовью к делу подходит. Но своенравный больно! Как что не по нему, так в бутылку лезет. Со мной даже спорил тут, как балки лучше укладывать. С другой стороны, свою позицию в жизни надо уметь отстаивать. Иначе ничего не добьешься.

Август 1980

Теперь заживем! Дали машину «Москвич 412»! Все накопления, правда, ушли, и еще должен остался. За пару лет расплачусь. Зато на участок ездить сподручней будет. Да и тяжело мне уже на электричке с рюкзаком-то. Как никак за пятьдесят тут перевалило. Зрение садится. Не знаю, как экзамены на вождение сдавать буду. Говорят, там с этим строго.

Летом после стройотряда на заработанные деньги Борька махнул с товарищем дикарем на Черное море.

Интересные вещи рассказал. Жили, понятное дело, в палатке. Но как-то раз шли вдоль берега и наткнулись на стену, перемахнули через нее и оказались в другом мире под названием «правительственный санаторий». Столовая у них лучше всякого ресторана, а цены копеечные. Там познакомились с новой компанией, отпрысками высокопоставленных родителей. Борька рассказывает, что это какой-то закрытый клуб, в него со стороны путь заказан. Все у них другое: доходы, возможности, перспективы, образование. Те ребята уже по несколько языков знают! И в стройотрядах им нет нужды надрываться. И так упакованы по полной программе. Одежда иностранная, магнитофоны фирменные. Мой попытался девчонку там одну склеить, так его на смех подняли. «Кто для них я, — возмущался Борька, — да никто! Но ничего, я и языки выучу, и за границу ездить стану!» — пообещал мне сын, а он свое слово держит.

Июль 1982

Борька — дипломированный специалист! Будет прорабом работать! Да и с деньгами теперь полегче станет. Красавец парень. Греческий профиль. В плечах широченный. От девчонок отбоя нет.

Ноябрь 1983

Теперь заживем! Выбил себе гараж на работе. Всего-то в двух остановках на метро. Зимой-то на машине не ездешь*, так она на холоде под окнами ржаве-

* В советское время в зимний период в целях экономии большинство автовладельцев воздерживались от поездок на своих машинах.

ет. А так — теплый гараж, как ни верти. Все выходные я теперь там, с машиной вожусь. Я технику люблю. С мужиками, владельцами соседних гаражей, познакомился. Козла забиваем. Инга сердится, что меня дома не бывает. А что дома сидеть без дела?

Вот и Борьке дома не сидится. Все время куда-то бежит, торопится. Энергия из него так и прет. Бывает, и ко мне в гараж ненадолго заскочит, в моторе поковыряться. Тоже технику любит. Оглянулся, а его и след простыл. То на велосипеде куда умчится, то в турпоход с палаткой, то на подработку на плодоовощной базе пристроится. Ему все интересно. Когда на рынок идем, сам все попробует, со всеми продавцами поговорит за жизнь, поспорит, поторгует, а в результате в полцены все купит.

Июнь 1987

Борька женится! На своей бывшей однокурснице. Зовут Ириной. С нами уважительно держится. Красивая девушка, скромная, но, чувствую, с характером. Борька долго ее добивался — это он мне по секрету рассказал. Но он у меня такой, упорный, и любит, чтоб все по-его выходило. Она не очень-то словоохотлива, зато рассудительна. Борька к ней прислушивается. Как бы она его себе не подчинила, вот чего боюсь.

Я думал, у нас жить станут, но куда там! Борька в своей комнатенке один-то еле помещается. А у нее родители из обеспеченных. Мать главным бухгалте-

ром в каком-то крупном учреждении работает. Властная очень. Она мне удава чем-то напоминает. Хотя вроде вежливая. Трехкомнатная квартира у них в сталинском доме. Так что они у них жить будут.

Январь 1989

У нас перестройка вовсю идет. По телевизору теперь такое говорят, за что раньше в тюрьму сажали. Много нового о своем прошлом узнаешь. Вскрывают то, о чем самому не хочется думать. Оказывается, мы жили в тоталитарном государстве. Сталинское время с гитлеровской Германией сравнивают! Оказывается, не надо было войска в Чехословакию и Венгрию вводить. Раньше, правда, это называли интернациональной помощью чешским товарищам, а теперь... Вот только к чему все эти разговоры приведут? Какие жизненные ориентиры придут на смену? Без них ведь человеку никак нельзя.

Между тем полки в магазинах стремительно пустеют. Хуже, чем раньше, стало, цены растут. Тревожно мне. Что нас ждет впереди!

Декабрь 1989

У меня родился внук! Левкой назвали. Шустрый мальчик. Я Борьке по этому случаю свою машину подарил. Он, конечно, ей и до этого пользовался от случая к случаю. Но теперь насовсем. Машине девять лет, но ничего, при правильном уходе еще послужит. А мне все равно водить уже трудно стало. Зрение совсем село. В следующем году шестьдесят, как ни верти!

Январь 1993

Теперь у нас капитализм. Во как повернулось-то. А в прошлом году меня на пенсию отправили. Инга еще за год до того пенсионеркой стала. На что жить — непонятно. Борька хотел бы помогать, я вижу, но у него самого дыра в кармане. Работу прорабом он давно бросил. Как только перестройка началась, в кооператоры пошел, джинсы варил, товары из Турции мешками возил, автосервис открывал, еще что-то там такое. Бандиты за ним бегали. Мне даже звонили. Паяльником угрожали. Чем он сейчас занимается, толком не пойму — видно, стар я для новой жизни. Но если бы не помощь тещи, то не знаю, как они концы с концами сводили бы.

Она его к себе в корпорацию хотела пристроить, но не задалось. Борька мне рассказывал так. Послали его какой-то документ у высокого руководителя подписать. «Ну, пришел я, пап, в приемную. Хотел было пройти в кабинет, но секретарша на меня как змея зашипела: куда без спроса! И рукой махнула: присядь, мол, подожди пока. Сижу. Пять минут прошло, пятнадцать. Вдруг в его кабинет какой-то мужик проходит без очереди. И секретарша его не останавливает, а наоборот, представляешь, улыбается приветливо. Точно подменили ее. А мне безразлично так говорит, что документ теперь лучше оставить будет, что она сама на подпись отнесет. Я отвечаю, что уж сам как-нибудь решу, что лучше. Почему это она распоряжается, в самом деле? “Ну, ждите тогда”, — ухмыльнулась

секретарша и отвернулась. Сижу опять. Потом не выдержал — сколько, спрашивается, ждать можно? — резко встал, ручку двери дернул, да и вошел в кабинет. А они там, представляешь себе, в креслах развалились и коньяк с чаем пьют! Начальник этот брови поднял в удивлении и “Вам чего, молодой человек?” — спрашивает. Я ему: мне бы документ подписать. Он мне: “Ну, так подождите. Я занят сейчас”. Они коньяк будут пить, а мне ждать их? Вышел я, дверью хлопнул посильнее, швырнул документ секретарше и ушел. Вечером меня на семейном совете теща по первое число отчихвостила. Я пытался объяснить все как есть, но теще и Ирка моя тоже ее сторону приняли. Теща сообщила, что все уладит на первый раз, но чтоб впредь я так себя не вел. Ну, я еще с месяц походил, но чувствую, что не могу больше чужие инструкции исполнять. Несвобода какая-то получается. Теща еще вечерами ворчит, что ей надоело мои косяки закрывать. Тогда опять семейный совет собрали и решили, что, видно, не мое это, и я уволился. Больше “на дядю работать” не хочу!»

Эх, молодежь! Все у них по-другому. «А я, что же, получается, на дядю всю жизнь работал?» — спросил я у Борьки. Так он только плечами повел. Но машина моя ему, между прочим, до сих пор служит. И на участок они ко мне с Ирккой приезжают. Значит, не зря я работал. А потом, чтоб совсем свободным быть, так такого не бывает. Еще Ленин писал: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя! И Борьке я

откровенно сказал, что он все равно зависим от тех, кому свои джинсы вареные продавал, ну, или кому машины на сервисе чинил. Клиенту ведь не нагрубишь и дверью перед его носом не хлопнешь, как бы он тебе неприятен ни был. А уж про тещу с тестем — они же у них в семье главные — я ему говорить не стал: побоялся обидеть сына. Вместо этого я ему удачи пожелал. У каждого в этом мире свой путь.

Январь 1994

Борька пытается туристическое агентство раскрутить. Судя по всему, туго дело идет: он в этом агентстве пока один работает. Есть еще, правда, партнер, который кое-какие деньги на это дело выделяет. Борька с ним теперь в Италию мотается. Говорит, перспективное направление.

А Ирка дома с Левкой сидит. Вот я и подумал, что, может, раз денег не хватает, то Левку в детский сад отдать, а Ирка работать бы пошла. Но Борька сказал, что на семейном совете постановили, что лучше мальчика детским садом не травмировать, а теща с тестем пока подсобят. Ну, им там виднее. В конце концов, кто платит — то есть теща, она же у них на совете главная, — тот музыку и заказывает.

Ирка его теперь мне тоже чем-то удава стала напоминать. И немудрено, в маму пошла. На людях Борька мой хорохорится, но чувствуется, что последнее слово за ней остается. Откуда я взял это? Так, в мелочах проявляется. Бывает, с утра позвоню я Борьке: «Приезжай,

подсобить по хозяйству надо». Он сразу же ответит: «Конечно, пап, в субботу с буду!», — а вечером перезвонит: «Нет, пап, давай в воскресенье во второй половине дня заскочу». Ирка свое слово сказала, значит.

Январь 1996

Борька мой агентство бросил, что-то перепродавал несколько месяцев кряду и теперь при деньгах. Тридцать шесть лет ему миновало — пора. Квартиру с Иркой сняли и от родителей жены съехали. Москвич мой на свалку отправили. Собирались мерседес покупать, весь светился от счастья, но Ирка сказала, что и тойотой пока обойдутся. Вообще-то она молодец. По большому счету, все ж для семьи старается. Борька мой — заводной очень, дров наломать может, а она его пыл-то чрезмерный остужает.

Нам с Ингой тоже денег подбросили, конечно. Теперь к зубному пойду, а Инге шубу купили.

Март 1996

Борька уже с неделю дома не ночует, от бандитов бегаёт: не хочет платить им, и все. Я волнуюсь. Как бы чего не вышло.

Май 1996

Слава богу! С бандитами расплатился или примирился как-то, точно не знаю. По-моему, Ирка его убила. Так или иначе, больше скрываться не надо. Где-то по найму подвязался пока. Но и денег снова нет. Ирка тоже на работу вышла секретаршей или помощницей

какого-то большого начальника — это с дипломом-то! Молодец она все-таки: никакой работы не чурается. А мать ее, ныне пенсионерка, с внуком пока посидит. Балуют они его больно. Как бы не испортили парня. Капризный мальчик растет.

Ноябрь 2000

Здоровье совсем никуда стало. Дряхлеем с Ингой на глазах. Семьдесят лет — не шутка. Да и Борьке за сорок перевалило. И вроде дела налаживаются у него! А все потому, что забросил это, то, что модно сейчас — купи-продай, и за настоящее дело взялся. Строительством занялся. Вернее, ремонтами квартир и загородных домов. Пока прорабом, но свое дело вроде открывать собирается. Не могу, говорит, на дядю работать. Он у меня всегда своенравный был.

Июнь 2001

Борька с Ирккой собаку завели. Души в ней не чают. В прошлые выходные всей большой семьей к нам на участок ездили. Вечером шашлыки сделали, потом у костра сидели. Ирка щеночка на колени взяла, гладит, а сама в огонь смотрит. Во взгляде ее спокойное счастье светится. Смотрю я на ребят, думаю, хорошая семья у них. И мне на душе оттого спокойно.

Только вот внук ничего руками делать не хочет. Я пытался его заставить мне помочь гвозди прибить, но тот ни в какую. И Ирка как закудахчет, что мальчик, дескать, и так устал после школы. Я рукой мах-

нул. Но, по-моему, неправильно, когда у парня дома нет никаких обязанностей.

Октябрь 2003

Борька на работе горит. Ни на что времени не хватает. Но нас по субботам навещать успевает. И по хозяйству помогает. Если что дома или на даче сломалось, он все поправит. Если нам в больницу — он тут как тут. Заботливого сына вырастили.

Говорит, производство свое наладить хочет. Прямо у себя в квартире первый станок поставил. Собирается какие-то обои особенные производить. Трудно ему. Туго дело идет. Теща с тестем теперь ничем не помогут: сами пенсионеры давно. Но Борька им по хозяйству тоже помогает, не забывает добра. А вот из семейного совета их исключили, похоже.

Внук Левка подрастает. Крепкий мальчик. Рассудительный. И, по-моему, своего не упустит. Я такие вещи сразу вижу. Инга говорит, что он по складу характера флегматик, в мать, видно, пошел. С чувством собственного достоинства парень растет. Родителей в школу из-за поведения не вызывают. Учится, правда, с ленцой, хотя быстро все схватывает. От природы-то он способный. Ирка вокруг него как наседка: ко-ко-ко-ко, все крыльями хлопает, хлопает. Что ни пожелает ребенок, сразу же бежит исполнять. Живут они скромно, но Левку с иголочки одевают.

Стоит кому про мальчика хоть слово неодобрительное сказать, пусть и по делу, так для нее это как пощечи-

на. Я как-то раз аккуратно заметил было, что с успеваемостью у парня могло бы и получше быть. Так пожалел об этом тут же. Ирка такой шум подняла, будто бы я ее лично оскорбил. Но ведь воспитание состоит не только в похвале, но и в требовательности. Пусть это и не очень-то приятно. Но, на мой взгляд, родительский долг есть в том, чтобы отпрыска вовремя одернуть и на правильный путь наставить, а порой и заставить. И к старшим уважение прививать тоже необходимо. А то я прихожу к ним в гости, а внук-то мой даже из комнаты не выйдет со мной поздороваться. Я им на это указал, так Ирка заявила, что мальчик просто очень устал, а у самой глаза диким пламенем зажглись. Ирка — огонь, только все в себе держит. А я про себя подумал: «Это каждый раз он усталый, что ли! И от чего, спрашивается? Если он в школе себя не утруждает». А Борька мой отмалчивается, боится жене перечить.

Август 2006

Левка — студент! Поступил в Плехановский. Борька помог, конечно. Кому-то чего-то заплатил. Мне немного грустно. Я надеялся, что внук по нашим семейным стопам пойдет, строителем станет. Но главное, чтоб ему нравилось.

А Борька процветает. Улыбнулось ему счастье. Свое производство с партнером наладили. Двадцать человек рабочих и еще двадцать в торговом доме у них! Деньги рекой текут. В прошлом году мне операцию на глаза нужно было, так Борька настоял, чтоб непременно в Гер-

мании. Я ему говорил, что у нас тоже хорошо делают, но он ни в какую. А в этом году нас с матерью в Грецию на море свозили. Я вообще-то отбивался, как мог. Тяжеловаты нам с Ингой такие путешествия. Но он снова настоял. Гостиница была фешенебельная! Его Ирка тоже поехала. По-моему, она чересчур большое влияние на моего Борьку имеет. Как какой вопрос посерьезней, так у них семейный совет. Так уж у них завелось с тех пор, как у ее родителей жили. Но теперь-то Борька мой плечи расправляет. Он же по природе командир. Пошли, например, по городку, что по соседству с гостиницей, прогуляться, так Борька впереди всех шагает, всех за собой ведет. И не угнаться за ним. В ресторан заходим: он первый. Обо всем договорится с официантом, лучший столик возьмет, всем все закажет. Он у меня всегда энергичный был. И все у него по расписанию. План нашего пребывания заранее продумал. Каждый день в новые места ездили. Мы Ингой устали даже, хотели просто на пляже посидеть: все-таки возраст. Но Борька ни в какую. Когда, говорит, вы еще такое увидите.

Июнь 2007

Левка институтом недоволен. Говорит, требуют много, а объясняют мало. Лекторы слабые. Семинары скучные. Он большего ожидал.

Август 2008

Теперь заживем! Борькино производство расширится. Уже под пятьдесят человек на их фирме с партне-

ром работают. Свой офис купили — переоборудовали две квартиры под эту цель. У Борьки свой кабинет, секретарша. Он меня специально к себе отвез, чтоб показать, какой он начальник теперь стал.

Денег у них в семье куры не клюют. Месяц назад новоселье справили: купили четырехкомнатную квартиру в сталинском доме. Ирка уже давно не работает. Дома по хозяйству копошится. Квартира у них, надо сказать, в полном порядке. Чисто, уютно, холодильник забит. Угощают отменно. Это все Иркина заслуга.

Машину мерседес приобрели. Ирка-то, правда, так и не научилась водить. Хотя сейчас все женщины водят, не то, что в наше время. Я ее спросил, почему. Она ответила, что в молодости денег не было, а сейчас, когда под пятьдесят, поздно уже. Да и куда ей ездить? Борька говорит, что она домоседка, одна не любит из квартиры выходить. По субботам садятся на машину — и по торговым центрам, по рынкам. Продукты на неделю закупают, по хозяйству, если что — в квартиру или нам на дачу. Все вместе. Друг о друге заботятся. Значит, в семье любовь.

Вот только Левка им совсем не помогает, отлынивает от семейных дел. Да ему, наверное, и невдомек, что такие обязанности существуют. Некому объяснить парню. Ирка в нем души не чает. Вот он из нее веревки и вьет.

Январь 2009

Кризис подрубил Борькин бизнес. Денег у людей меньше стало. Спад продаж, говорит. Но на их уровне

жизни это что-то не сказывается. Видно, есть деньги, раз по четыре раза в год за границу ездят. Сын всегда мечтал по разным странам путешествовать. Здорово, когда мечты сбываются! Нас с Ингой тоже не забывают, с собой берут. В прошлом месяце на католическое рождество по Италии на машине поехали. Так Борька мой на итальянском так шпарит, что закачаешься. Когда он выучить успел? Говорит, что в то время, когда в Италию мотался, турагентство открывать. А последний год частные уроки английского берет. И тоже уже свободно объясняется. Мы-то с матерью языками никогда не владели и только диву теперь даемся, как он с официантами и прохожими свободно болтает. В пяти городах побывали. Ребята к делу серьезно подходят: заранее расписание составляют, что посмотреть, где поесть. Борька как всегда впереди, дорогу прокладывает. С ним не заблудишься. Только спешит больно. Нам, старикам, за ним не угнаться.

Октябрь 2010

Печальные новости. За последние два месяца один за другим ушли из жизни родители Ирины.

Декабрь 2011

Левка закончил институт и уже несколько месяцев не может устроиться на работу. И чтобы мальчик не сильно расстраивался, Ирка его на Майорку отдохнуть пока отправила. «От чего ему отдыхать?» — спрашиваю. Борька пояснил, что парень прошел двести интервью за три месяца — не шутка. Только все впустую. С чего бы это? Якобы из-за кризиса. Не нужны никому

специалисты без опыта, говорит. Но кризис, вообще-то, давно миновал. К тому же, если на интервью приглашают выпускника, значит есть на них спрос? В Москве, по-моему, без работы точно не останешься.

Апрель 2012

Левка ищет себя, как нынче говорят. То есть ничего не делает. А чтоб сподручней было, с друзьями на Кипр махнули. Якобы там какой-то бизнес-проект есть. Я поинтересовался, на какие же деньги. Эх! Язык мой — враг мой. Ирка промолчала, но удостоила меня таким тяжелым взглядом, что хоть из-за стола вставай и домой отправляйся. А Борька заюлил. Вроде есть у него какой-то план, как Левку на работу пристроить. Но говорить пока не хочет, чтобы не сглазить. Сын-то понимает, конечно, что дела неважные. Переживает тоже.

Июль 2012

У Борьки, с его слов, бизнес стабилизировался, но былого размаха ожидать больше не стоит. А тут налоговая наехала. Уголовка светила, между прочим. Не хватало еще в тюрьме перед пенсией посидеть. Слава богу, отбился. Опасное дело это — бизнес. Борька говорит, что им-то с Ирккой денег на старость уже заработал. Но хотелось бы Левке после себя побольше оставить. Вот и крутится, как белка в колесе. Что ж? Это по-мужски. Только вот, чтобы распорядиться наследством, тоже голову на плечах иметь надо.

А Левку пару месяцев назад через знакомого устроили в большую корпорацию. Я с ним говорил на эту

тему. Внук недоволен. Требуют много, а платят мало. А на что ему тратить, между прочим? Машина у парня уже есть, квартира тоже. «Двушка» в престижном доме. Упаковали родители мальчика. Сами-то они с Ирккой в обычной «сталинке» так и живут. Так что по стоимости их квартиры сравнимы будут. Но Левка переезжать не спешит. Ему под маминым крылом сподручнее: делать ничего не надо. Что погладить, постирать, поесть приготовить — на все мама.

А так Левка парень видный — ростом, телосложением весь в отца пошел. Осанка прямая, плечи широкие. Взгляд уверенный. Говорит с расстановкой. Ходит не спеша. Ирка рассказывает, что девчонки со студенческой скамьи проходу не дают. А тут он еще щетину трехдневную отпустил.

Вообще-то мы редко видимся. Когда я к ним прихожу, то Левки либо дома нет, либо у себя в комнате сидит. Занят чем-то. Я просил сына, чтобы он внука как-нибудь с собой к нам на садовый участок привез. Посидели бы у костра вечером, поговорили бы. В этом же семья заключается. Борька сказал, что внук ни в какую. Далеко, говорит, ехать, и туалет на улице. Вот они вдвоем с Ирккой к нам с матерью и ездят.

Август 2013

Борька с Ирккой все по заграницам раскатывают. Фотографии пачками шлют, откуда видно — жизнь удалась! Вот он и спешит своей радостью поделиться. То они в таком ресторане, то в другом. Тарелки перед ними едой

набиты. То омаров едят, то каракатиц каких-то. Борька у меня такой: вкус хорошей пищи понимает. В дорогих сортах вин разбирается. То, что мне с Ингой недоступно было, он достиг. А нам с матерью это лучшая награда.

Вещи они чемоданами тащат. Я шучу — куда столько? Сын отвечает, что гардероб раз в два года полностью менять полагается. А старую одежду куда девать? Оказывается, он ее своим рабочим раздает. Заботится о людях! Они даже лифтерше из каждой поездки сувенир привозят. Нас, само собой, не забывают.

Неделю назад СМС приходит: «Пап, из Испании завтра прилетаем в полдень. Набери Левке, пожалуйста: я чего-то дозвониться до него не могу. Пусть встретит нас в Домодедово, поможет. Мой водитель заболел, а у нас чемоданы тяжелые».

Дозвониться я-то дозвонился. Но только Левка встретить их не смог: очень занят был чем-то. Отмахнулся: «Чего они, дед, дурака валяют? Такси же есть. Не девяностые годы, поди!»

Меня вот какой вопрос теперь беспокоит. По нынешним представлениям я сыну так мало смог оставить, а он с Ингой и со мной как с писаной торбой носится. Борька же Левку полностью упаковал, и что? Получается обратная взаимосвязь? Или же это не связанные вещи? Или же чувство ответственности перед родителями, как и другие черты характера, в самом человеке заложены. А может, в воспитании дело?

С другой стороны, по меркам той жизни я никогда не чувствовал себя обделенным. Так все жили. Ну, или большинство.

Январь 2014

Левка женился. Свадьбу закатали, о которой только мечтать можно. Шестьдесят человек гостей! Лучший ресторан сняли. Когда Борька сказал, сколько он денег за нее отвалил, я поначалу даже растерялся.

Избранницу моего внука Верой зовут. Сама она из Новосибирска родом. В Москве учится на психологическом факультете МГУ. Может у нее самой с психикой не все в порядке? Все время в телефоне копается: смотрит там что-то либо переписывается с кем. Именно такой я ее первый раз увидел. Приехал к сыну, поднялся на лифте на нужный этаж. Не успели двери открыться, как какая-то девчонка, оттеснив меня, внутрь лифта шмыг! А сама в телефон уставилась. Типа, занятая она, не до того, чтобы по сторонам смотреть. Хотел было я ей замечание сделать, что вообще-то из лифта вначале выходят, а потом заходят, но вижу, за ней внук мой неторопливо следует. Меня увидел. Представил своей девушке. А та — как ни в чем не бывало, даже не смутилась ни капли, что старика чуть было с ног не сшибла. Это еще до свадьбы она так себя ведет. Что же после будет?

Она мне чем-то пронырливую лисицу напоминает. По-моему, она думает, что умнее других. Разговаривает с ухмылкой. Внешне миловидная. После торжества молодые на месяц в свадебное путешествие на Мальдивы укатили. Борька мой сомневался, не слишком ли большие расходы, но Ирка на семейном совете настояла. Пусть ребята наслаждаются жизнью, раз возможность есть!

А вот с работой у внука никак не клеится. Я случайно присутствовал во время телефонного разговора Борьки с его товарищем, который Левку к себе в госкорпорацию пристроил. Жалуются там на внука. И даже если б не товарищ этот, то уволили б давно. С другой стороны, я слышал, что в госкорпорациях блатной на блатном сидит и блатным погоняет. Делать таких ничего не заставишь. Штат переполнен, а работать некому. Как интересно все меняется. В девяностые все в бизнес ломались. А теперь все наоборот.

Когда молодые вернулись из путешествия, я выбрал момент и осторожно поинтересовался у внука по поводу его работы. Левка объяснил мне, что работу с девяти до шести считает офисным рабством. За такую мизерную зарплату, которой и на бензин-то толком не хватает, говорит, штаны протирать не стоит. Я спросил, почему же он не найдет другую. Внук в ответ нагнал тумана.

Какое-то перевернутое сознание у молодежи нынче. Сидят в белой рубашке в чистом красивом помещении, мухи не кусают. И это у них рабством называется? Ну так встали бы к мартеновской печи или хоть прорабом в дождь и в снег, как я в свое время, грязь бы помесили. Внук неторопливо порассуждал еще о том, какая нынче жизнь и как она отличается от той, что была раньше. Но я его не перебивал, хотел побольше выведать.

И Левка разоткровенничался. «Представляешь, дед, ситуацию. Стрелки на часах без пяти шесть показывают. Я, естественно, одеваю пиджак и двигаю на

выход. Мы, кстати, в тот вечер в театр с Верой договорились идти. Она же у меня искусством интересуется, — ухмыльнулся внук и продолжил: — и тут этот выскочка Ванька Сидорович, мой контролер, кричит, что я опять напортачил там чего-то и надо все срочно переделывать. Да он, между прочим, в отделе позже меня появился. Какое же право имеет командовать? Начальник отдела ему сказал? Ну, допустим. А если разобраться, то его совершенно несправедливо надо мной поставили, не по заслугам, а за подхалимаж, конечно. Все из-за того, что я с начальником на равных держусь, не прогибаюсь, как некоторые. Да и кто это такой, начальник мой? Обычный парень. Всего-то года на два меня старше. У него даже машина не лучше моей. Чего же он тогда задается? Да и потом, пусть ошибся я. С кем не бывает?! Что ж мне, из-за этого в театр не ходить? Такие дела, дед. Я хлопнул дверью и ушел. Нет, на дядю работать — это ниже моего достоинства! Правильно отец говорит».

Что ж это у них получается? Вначале родители парня по найму пристроили, а потом ему же в голову втирают, что это недостойно! С другой стороны, внук уже не мальчик, двадцать пять вот-вот стукнет, сам сообщать, что к чему, должен.

Я начал было говорить, что можно, конечно, не унижаться перед начальником, но тогда без денег останешься и ничего позволить себе не сможешь. Тут-то от всех подряд унижения терпеть будешь. Но внук лишь махнул рукой. Конечно! Он ведь и так при деньгах.

Январь 2015

У Борьки дела не очень. Конкуренты наехали, по судам затаскали. А прибыль совсем упала. Штат сократили вдвое. Слава богу, кое-какие деньги успел отложить. Неделю назад заезжал к нам антресоли подкрутить. Говорит, что устал от работы. Хочет, как некоторые его друзья, на диване лежать, на выставки да по театрам ходить, музыку в концертах слушать. Он у меня такой, много чем интересуется! Деньги есть, что ж теперь до инсульта себя доводить? Оказывается, давление у Борьки зашкаливает. Я-то и не знал. Не любит он про трудности. Настоящий мужчина. Да и нас с матерью не хочет огорчать. А тут разоткровенничался. Видно, действительно прижало его со здоровьем.

Но по границам они исправно ездят. И молодых не забывают, с собой берут. Борька им жизнь показывает. Заботится о молодежи.

Внук из госкорпорации увольняется, переходит на фирму к Борьке: так они на домашнем совете постановили. Хотя чем Лева будет теперь заниматься, неясно. Ведь Борька и так всех сокращает.

Июнь 2015

Умерла моя Инга. Не знаю, как дальше...

Спасибо Борьке, все хлопоты на себя взял.

Сентябрь 2016

Жизнь продолжается. У меня родился правнук! Назвали Всеволод. Все бурлит. Они там на семейном совете распределили роли: Ирка обеспечивает пеленки, пам-

персы, готовит еду, убирает квартиру, Вера кормит, ну, и вообще, ей сказано, чтоб от малыша ни на шаг. Борька организовал правильный роддом, отблагодарил врачей, обеспечил доставку из роддома, сам собрал манеж для малыша. Внук с собакой сидит — она у них уже с год как завелась. Я, как обычно теперь, наблюдаю и думаю, как это мы с Ингой моей вдвоем со всем справились! Мы с ней друг друга с полуслова понимали. И еще думаю, хорошо, что я ни в какие советы никогда не входил.

Октябрь 2016

Борька меня отвез к внуку посмотреть на правнука. Симпатичный малыш! Здорово, что я дожил до этих дней! Такое не каждому выпадает.

Посмотрел я и на то, как живет молодежь. Ладно, на меня, старика, ноль внимания. Так они друг с другом почти не разговаривают. Будто не родные. Вера с озабоченным видом все время в телефоне что-то высматривает. Оттуда ей поминутно сигналы поступают, а она тут же печатать давай. Словно опаздывает куда-то. Странно, она же не работает. Лева на диване развалился, в компьютере чего-то смотрит. Пяти часов вечера еще не пробило, а он уже дома почему-то. Ребенок у них сам по себе. В холодильнике шаром покати. Слава богу, Ирка потом пришла, продукты принесла, ужин приготовила. Невестку заставила хоть на стол накрыть. А так бы голодными остались.

Все-то у этих ребят перепутано. Муж толком не работает, денег в дом не приносит. Жена за хозяйством

не следит. Ни у кого никаких обязанностей в этой семье нет. А как же без этого? Я хотел было поговорить об этом с молодежью, но не получилось. Не слушают.

Июнь 2017

На семейном совете молодых решили отпустить на отдых. Уже улетели на десять дней в Грецию. Борька с Ингой к ним пока переехали. Так удобнее с Севкой сидеть и за собакой приглядывать. Вообще-то Ирка у них и без того каждый день — с самого утра и до вечера по хозяйству помогает. Благо живут в пяти минутах ходьбы. Я спросил Борьку, как Ирка с невесткой ладит. Сын вначале пожал плечами в недоумении, а потом сообразил: «Да все нормально, пап. Мы тоже так жили. И вообще, девчонка счастлива должна быть, что на всем готовом».

«Если бы одно из другого вытекало!» — но этого я не сказал. Чем старше становлюсь, тем больше держу свои мысли при себе. Может, поэтому они ко мне хорошо относятся? Или мне так кажется. Да нет, что это я! Борька меня действительно любит, да и Ирка тоже. Любовь ни с чем не перепутаешь. Я тут подумал и решил, что, возможно, это оттого, что мы на вещи одинаково смотрим.

Сентябрь 2018

Борька меня тут, как всегда, на участок свозил. Собственноручно весь дом в порядок привел. Скоро на зиму закрывать будем. Вечера холодные. Зато у костра сидеть хорошо. Поболтали.

Бизнес его еле теплится, закрывать пора. Но Ирка считает, что Борька мой без дела не сможет. Возможно,

она и права. А еще Ирка боится, что Левка без дела тогда останется. Внук, между прочим, снова не очень-то доволен своими обязанностями на отцовской фирме. Подгонять его приходится. Я сам слышал, как Борька по телефону сына отчитывал.

— А Левка сам-то чего хочет? — спросил я у сына.

— Бизнесом заниматься.

— Так он ведь занимается. Из госкорпорации для того и ушел.

— Так он своим хочет. Ресторан думает открыть.

— Так кто ж ему мешает?

— Денег, говорит, дай.

— А ты?

— Я бы дал, но он больно много просит: миллион зеленых.

— Миллион?! — присвистнул я.

— Вот и я о том же. Предложил сыну с малого начать. Лапшичную открыть или аналог «Крошки картошки». На это я готов раскошелиться. Пойдет дело — масштабируй, никто не мешает. В бизнесе главное идея и труд. Я, вон, с шести утра всю жизнь на ногах. А Левка поспать больно любит. Боюсь, пока не готов он к самостоятельному бизнесу. Машину, сорванец, разбил на днях, — перевел тему Борька. — Я не хотел новую покупать, но Ирка настояла. В общем, на семейном совете решили, что будет им машина, но в долг. Теперь на мерседесе ездят. Вера почему-то БМВ хотела. Но обойдется, — и Борька устало махнул рукой.

«В долг! Как же! Сами себя обманывают», — подумал я про себя.

Февраль 2019

Я что-то совсем слабею. Борька с Ирккой навещали на днях. Бизнес свой сын окончательно закрыл. Недвижимость коммерческую приобрел: три помещения по двести метров квадратных. В аренду сдавать собирается. «И будет, что Левке в наследство оставить. Хочу, чтоб он больше моего достичь смог. А с таким наследством далеко пойти можно», — сообщил мне Борька.

Мне бы его уверенность! Они уехали, а я стал думать о том, что были бы у моего Борьки возможности Левки на старте, так он бы точно далеко пошел. Подумал также, что внук мой по природе своей совсем другой человек, чем сын. И, соответственно, ожидать от него того же, что и от Борьки, глупо. И еще подумал, что нельзя сына ли, внука, да никого, за руку по жизни провести.

Март 2019

Чувствую, помираю. Да и пора мне. Вчера все нажитое отписал внуку. Волнуюсь за него. Дневник тоже передам ему в руки и попрошу внимательно прочесть. Может, мой опыт как-то поможет ему в жизни. Да и вообще, пусть знает, как его дед жил.

Звонок в дверь. Иду открывать внуку. Завещание примчался оформлять.

Дневник Веры

Октябрь 2011

Сегодня решила начать вести дневник. Пусть потомки узнают обо мне. Зовут меня Вера. Родилась

в 1994 году в Новосибирске. Закончила спецшколу с французским языком. Два года занималась балетными танцами. Родители — кандидаты технических наук, несостоявшиеся люди. Потому, что все состоявшиеся уже давно в Америке живут, а мои на родине за три копейки спину гнут и книги томами проглатывают. Еще слава богу, что нашлись какие-то старые связи у них, чтобы в Московский университет меня пристроить, на психологический. Я, вообще-то, на экономический хотела, но туда связей у моих стариков не хватило. Ну, для начала и так неплохо. Главное, что из глубинки нашей вырвалась. Теперь все в моих руках. Москва — род больших возможностей.

В школе я хорошо училась, думаю, с университетом тоже проблем быть особенных не должно. В дополнение буду английский учить. Вроде довольно простой язык. Пока снимаем жилье с одной иногородней студенткой на двоих. Квартирка малюсенькая, но чистая и от университета не очень далеко. Старики денег подбрасывают. Копейки, конечно, но большего от них ждать не приходится.

Июнь 2012

Москва бурлит. Это супер-город. Особенно для тех, кто искусством интересуется. Я когда-то в художницы думала податься, училась рисовать три года — это после балета уже, но бросила, испугалась, что жить не на что будет. Так тут музеев, картинных галерей видимо-невидимо. И каждый месяц новые выставки. Клубов десятки! Театров — ходи хоть каждый день, все равно

все не пересмотришь. Стоит, правда, все недешево. Особенно театры.

У меня каждый день новые знакомства. Ребята интересные попадают. Один, Андреем зовут, пригласил меня в Большой театр, в партер. На «Жизель»! Я со школы мечтала этот балет своими глазами увидеть. Андрей очень разносторонне развитый парень и при деньгах. Старше меня лет на десять. Красавец нордического типа. Обходительный. Банкир. Мы с ним в клубе познакомились недели три назад. Самбу танцевали. Я туда с университетскими подругами ходила.

Кстати, сессию сдала без проблем. Учиться на психфаке оказалось довольно интересно. И круг общения особенный. С сокурсниками можно разговаривать на самые разные темы, не относящиеся к предмету: о литературе, музыке. Меня всегда искусство привлекало.

Июль 2012

Ездили к Андрею на дачу. У них дом на Рублевке. С большим вкусом построен. Я вообще-то надеялась, что он меня с родителями познакомит. Но их не было. Мы были вдвоем. Пили шампанское, говорили о высоком. Я не смогла устоять перед его шармом.

Август 2012

Навещала родителей. Как же тут убого все! Как так можно было прожить всю жизнь? Скорее назад хочу.

Андрей уехал в командировку в Цюрих на целый месяц. Скучаю. Уверена, он тоже. Звонит редко, но

эсэмэски шлет регулярно.

Сентябрь 2012

Снова за учебники. Все приехали после лета загорелые, красивые. Один из них мой сокурсник, Олег. Раньше я как-то не обращала на него внимания. А он, между прочим, очень даже ничего себе. Высокий, красивый, из хорошей семьи и в Театр на Таганке пригласил. Это, конечно, не Большой, но тоже неплохо. Потом пошли в модный ночной клуб. Танцевали до утра, целовались. Но больше — ни-ни.

Октябрь 2012

Приехал Андрей! Он ввел меня в свой круг. Познакомил со своим другом и его девушкой. Друг тоже меня постарше лет на пятнадцать, в роговых очках, модном костюме, а его спутница тоже молодая, как я. В ресторан они приехали на феррари. За столом пили Шато Марго и говорили о теориях Юнга и Фромма. Я, естественно, была на высоте. После ужина отправились в ночной клуб — лучший в городе, под утро приехали к нему на московскую квартиру. Фантастическая ночь!

Ноябрь 2012

Андрей опять в командировке. Зато Олег тут как тут. В Большой театр меня отвел, в ресторан, потом зашли к нему домой. Ну, и сами понимаете... На следующую субботу приглашает к себе на дачу. Сказал, что родители будут присутствовать. Наверное, хочет познакомиться. Но ему до Андрея далеко.

Февраль 2013

Неприятные события! Выяснилось, что Андрей женат! И вполне возможно, что у него есть дети.

Какой негодяй! А я из-за него Олега отшила! Перспективного парня с московской пропиской, домом на Новой Риге и интеллигентными родителями. Таких ничего не стоит обработать. Ну и дура же я после всего этого!

Март 2013

А Олега моего уже какая-то бывшая одноклассница окрутила. Прыткая барышня, ничего не скажешь. Я попыталась, конечно, наладить отношения, но боюсь, что поезд уже ушел.

Черт бы побрал! Так не хочется в свою конуру вечерами возвращаться. Были еще кое-какие ухажеры, но это так, только время провести. У них ни денег, ни жилья своего.

Ладно. Пусть мне это послужит хорошим уроком. Шансы выпадают редко. Думаю, впредь я своего не упущу.

Июль 2013

Ездили с Андреем на Сардинию. Волшебное место! Ходили на огромной моторной яхте его друга. Вот это жизнь! Может, он разведется теперь со своей-то?

Август 2013

Похоже, что не разведется. Кстати, он постарше будет, чем мне поначалу показался. Думаю, ему под со-

рок. Точнее сказать не могу. О возрасте он не любит говорить.

А пока нарисовался еще один молодой человек. Очень важного вида. Лево́й зовут. Говорит баритоном и статен. Очень скучный, но работает, между прочим, в большой государственной корпорации. Думаю, перспективный. Ведь, процветающий Андрей тоже в государственном банке работает.

Познакомились с Лево́й на ВДНХ. Меня туда случайно занесло. С подругами на велосипедах катались. Он меня мороженым в летнем кафе угостил. С днягами у Лево́й пока не очень, но, судя по всему, это временно. Машина — фордик. Не бог весть что, но все же. Отец подарил. Он у него бизнесмен. Звучит недурно.

Сентябрь 2013

А сотрудник-то госкорпорации настойчив оказался! Одной моей эсэмэски оказалось достаточно, чтобы его активировать. В некотором смысле он очень даже ничего... И квартира у него своя в доме бизнес-класса имеется. Пусть не дом на Рублевке, но для начала тоже неплохо.

Ноябрь 2013

С Андреем ездили в Париж на три дня. Это был праздник, который «всегда с тобой»*. Утром пошли погулять и заглянули на выставку кубистов в музее Орсе. Андрей, конечно же, знал, что она там идет.

* Героиня имеет в виду произведение «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя.

До этого я не была поклонницей этого направления, но под влиянием Андрея теперь вижу их творчество совсем по-новому. Андрей такой разносторонний. С ним так интересно. Вечером отправились в Гранд-Опера. Слушали «Тоску» Джакомо Пуччини. Андрей мне специально для этого случая вечернее платье заказал. А как ему смокинг идет! Какая мы элегантная пара. Остановились, естественно, в одной из лучших гостиниц города. Ночь была незабываема!

Следующий день просто неторопливо бродили по улочкам Латинского квартала, болтали о литературе, а когда подустали, заглянули в ресторан. Андрей все знает: с каким вином есть устрицы, где подают лучшее в городе фуа гра и в какой клуб поехать вечером. Танцевали до упада! Жизнь с ним элитарна, насыщена, время летит незаметно. Я словно парю.

Не могу больше к себе в комнатенку возвращаться. Может, он все-таки разведется?

Декабрь 2014

Нет, не разведется. У него двое детей! Вчера признался, мерзавец!

Январь 2014

Леве я сказала, что на третьем месяце беременности, и дала понять, что аборт не обсуждается. Людям порой надо помочь сделать правильный выбор. Через неделю наша свадьба.

А сегодня ездили знакомиться с его родителями. Люди они простые, но работающие и при деньгах.

Февраль 2014

Свадьба была нормальная. Свекровь со свекром постарались. Мало того, что все оплатили, так еще сами все организовали. Заботливые. Не чересчур ли? С другой стороны, половину гостей свекор нагнал. Все нужные люди, говорит. Значит, это его интерес получается. Тогда вполне логично, что он сам все организовал и оплатил.

Свадебное путешествие в целом ничего. Мальдивы все-таки. Но я большего ожидала. Скучновато там. Никакого культурного слоя. Только пляжные виды отдыха. Вот с аквалангом нырять попробовала. Лева скажу, что из-за этого у меня выкидыш случился.

Июнь 2014

Свекор достает вопросами, что я буду делать после института. А я знаю? Можно в аспирантуру. Родители-интеллигенты считают, что это самое правильное. Но кому это сейчас нужно? Можно попробовать психотерапевтом пойти. Свой кабинет, к примеру, открыть. Но хлопотно очень. Можно наплевать на специальность и куда-нибудь в госкорпорацию пристроиться. Там не пыльно и в перспективе деньги хорошие поднять можно. Зажить, как Андрей. Левка мой, правда, плюется от работы по найму, но, по-моему, он просто ничего делать не хочет. Любимое место у него — диван.

Да и вообще, пока рано о трудоустройстве голову ломать. Когда диплом получу, там видно будет.

Сентябрь 2014

Свекровь одолевает. Через день у нас пасётся. Да и свекор от нее не отстаёт. Везде свой нос суют. До смешного доходит. Заявились как-то вечером без приглашения. Ну, это у них, вообще, в порядке вещей. За стол уселись. Ужин подавай. Я говорю: ужина нет, мы собирались в пиццерию идти. Так не нравится им! «У хорошей хозяйки всегда в холодильнике запасы должны быть», — учит меня свекровь. А я на хорошую хозяйку и не претендую, между прочим! У нас современная семья. Все люди сейчас ужинать в ресторан ходят либо заказывают оттуда готовое, только разогреть. Но это я про себя подумала. А то вышибут еще из квартиры: у свекра-то нрав тяжелый, похоже. Это он только с виду такой радушный. А Левке моему все безразлично. Сидит и молча слушает, как его жену чихвостят. Но вечером-то я ему устроила, конечно. Объяснила, что не люблю, когда с советами лезут. Не уверена только что это изменит что-нибудь. Деньги-то они нам на жизнь дают. Левкиной зарплаты только на бензин хватает.

Октябрь 2014

Свекровь донимает! Приходит, когда ей заблагорассудится. На кухне хозяйничает. Учит меня готовить, видите ли. А на самом деле все о своем сыночке заботится. Бойтся, что голодный останется. Прямо насадка! Только птенчик-то под два метра ростом. На нем пахать можно. Меня же разговорами донимает. Будто не видит, что я занята! С претензией еще: «Что

ты все в свой “Айфон” смотришь? Отложи ты его, хоть на минуту. Видишь, я с тобой разговариваю». Что значит «отложи», когда я в чате нахожусь? Ну да, веду активный образ жизни в виртуальном пространстве. Я востребована, постоянно кто-то что-то присылает, нужно реагировать. А как же? Сейчас двадцать первый век, между прочим! Я теперь думаю, может, блогером стать. К тому же о чем мне со свекровью разговаривать, когда ее ничего кроме телевизора не интересует?

Ноябрь 2014

Ездили в Париж с родителями Левы. Это нечто! Свекор никому покоя не дает, везде свой порядок устанавливает. Так меня допек этим, что я у него напрямую спросила, для чего это нужно. Оказалось, что есть некое расписание поездки, которое они со свекровью загодя составили и которого всем теперь необходимо придерживаться. И все это, конечно, для нашего же блага. Для начала вставать ни свет ни заря. Ну ладно, ему не спится. В шесть утра, говорит, глаза продирает. Но нам-то зачем? Левка мой тоже, между прочим, поспать подольше любит. А якобы для того, чтобы много успеть посмотреть. Делать это необходимо всем вместе. Так как одна семья. Я, правда, думала, что семья — это мы с Левкой. Но нет. В семью входят и его родители. Скорее даже наоборот. Мы входим в эту семью. А в любом коллективе, как пояснил свекор, должен быть главный. И главный — это он, ну и свекровь, конечно. Мое же место, судя по всему, последнее. Леве же все по барабану, лишь бы денег давали.

Прогулка по городу в их традиции проходит довольно странно, если не сказать больше. Свекор бежит впереди, остальные за ним. Если не поспеваем, свекровь миролюбиво подгоняет жестами. Нам смотреть самостоятельно ничего не дозволено. Все, что надо, покажет свекор. Типа, знает за других. Сам при этом без конца в магазины ныряет: в Париже их, понятно, великое множество. Торчит по полчаса в каждом. Примеряет. Но боже упаси нас самих зайти в какой-нибудь магазин. Сразу поторапливает и на часы показывает — опаздываем, мол. «Куда опаздываем-то, пап?» — спросил Лева. «На рынок. Давай скорее!» — пояснил свекор, вырываясь вперед, но тут же снова нырнул в магазин. На родине он тоже по рынкам любит шастать. Среди торговцев — как рыба в воде. Обсуждает с ними что-то, по плечу покровительственно похлопывает, на вкус все пробует. Не понимаю, что там может быть интересного и о чем могут поведать малообразованные люди. А ему нравится. Обожает толкотню.

После рынка пошли в Мишленовский ресторан, который они заказали еще из Москвы. Здесь, говорит, недалеко. И снова вперед бежать, путь прокладывать. Запутались. У кого ни спросит, что ему отвечают, не понимает. Я хотела было помочь. У меня, как-никак, хороший французский. Пытаюсь до него донести: местные говорят, что мы идем в другую сторону. Не слушает. Хочет главным быть. Час, наверно, бродили. Устали все. Лева говорит, давай такси возьмем. Но свекор ни в какую. Здесь совсем недалеко, говорит. И вперед бежать. Еще полчаса блуждали.

Пришли наконец! Усталые и взмыленные. Тут выяснилось, что ресторан фешенебельный и одежда у нас неподходящая. За исключением тещи: она всегда при параде. Расфуфыренный метрдотель, увидев нашу неприязнительного вида группу, сделал брови домиком. Потом смягчился и, пробормотав «сейчас что-нибудь придумаем», предложил мужчинам пиджачки, которые у них специально для этих случаев припасены. Нелепо, конечно. Но свекру хоть бы что.

Проводили нас к столику. Сели. Но у свекра, видно, шило в одном месте. Подождать спокойно пять минут не может. Вскакивает, хватает случайно проходящего официанта за рукав, и давай ему что-то втирать, отчаянно жестикулируя. Языков-то он никаких не знает. Так, два слова выучил на английском: «моя твоя не понимай». Вот, собственно, и все. А выдает себя чуть ли не за полиглота. Я, говорит, итальянским владею. Как же! Ничего он не знает. На жену впечатление произвести хочет, что ли? Или себе что доказывает? Вроде взрослый мужик уже, состоявшийся. А такую лажу порет.

Да и на что им мишленовские рестораны сдались, я вас спрашиваю? Они же простую пищу любят. Мясо требуют прожаривать так, чтоб как подошва стало. Французы этого не понимают. По два раза блюдо на дожарку отправляют. Устриц вовсе не едят. В ресторане свекор первым делом сомелье требует, а сам потом вино пополам газированной водой разбавляет.

Да и скучно мне с ними просто ужас как. Предложила в Лувр сходить. Свекор мне ответил, что в молодые годы в Италии всего этого добра уже насмотрел-

ся. Я тут не сдержалась и спросила, что же ему больше всего запомнилось. Так он ничего конкретного припомнить не смог, но сообщил, что они там здорово красками владеют. Если неинтересно тебе, так и скажи. Зачем выдумывать разную чепуху.

Больше о культуре с ними разговор не буду заводить. Осторожно предложила в Гранд-Опера сходить, так свекровь сообщила, что это в их расписании не значится, и нахмурилась, будто я обидела ее чем. На следующий день потащили опять на рынок. Там болтались часа три, пока свекор все не перепробовал. Набили огромную сумку сырами с колбасами — с собой в Москву таранить. Это в дополнение к большому чемодану новой одежды.

Еще катались на колесе обозрения, поднимались на Эйфелеву башню. Погода была отменная. А я Андрея вспоминала.

Февраль 2015

Лева ушел с работы. Не могу, говорит, больше унижаться. На семейном совете его поддержали: хватит на дядю работать, говорят. Свекровь при этом очень сочувствовала сыну насчет того, какие мальчику пришлось унижения претерпеть.

Чудные они. Андрей мой вон работает, и ничего. Денег, между прочим, намного больше свекра имеет. Это ведь главный критерий. Я уж не говорю про сам стиль жизни. Как небо и земля отличается. Андрей вальяжный! Наглаженный костюм, белая рубашка, надраенные черные ботинки, кабинет размером с футбольное

поле в небоскребе — он меня как-то приглашал. Рафинированное окружение. А у свекра что за плечами? Он мне тут хвалился, как поднимался с нуля, как тюки тягал да от бандитов за три копейки бегал. Главное, говорит, какой длины человек путь прошел, с чего начал и чего достичь смог. Слава богу, что под конец жизни ему еще повезло, поднялся хоть немного. А если бы нет?

Просто у свекра характер такой: неуживчивый. Всюду верховодить должен. Естественно, ему в офисной среде тяжело. Но из этого совсем не следует, что его жизненный путь предпочтительнее. Особенно, когда дело касается других. В частности, его сына. Есть ли у Левы качества бизнесмена? Я лично сомневаюсь. Хотя не будем забегать вперед. Пока он просто один офис на другой поменяет.

Да и вообще, им там на совете виднее. Я-то, как всегда, молча сидела. Боюсь лишнее спороть. В общем, теперь Лева будет у отца работать. Тот ему зарплату раза в три поднял против прежнего. Сам бизнес вот только сжимается, персонал сокращают.

Апрель 2015

Ездили на Филиппины. Слава богу, одни. И чего это Леву на восток тянет? Мне лично там скучно. Но хоть с советами никто не лезет. Уже хорошо.

По возвращении домой, чтобы как-то поддержать отношения, начала было рассказывать свекрови о нашей поездке, фотографии показывать. Но, к моему удивлению, она не проявила никакого интереса к рассказам о местах, где никогда не бывала. Свекровь за-

нимают только ее собственные путешествия. Любит, чтоб ее внимательно слушали, как будто это невидаль какая. Бог с ней. Послушаю. Похоже, это предмет ее большой гордости. Как раз на семинаре в Университете вчера обсуждали похожую тему. О том, что у каждого человека есть свой предмет гордости. У кого-то дорогая машина или личный самолет, кто-то профессией гордится. Мои родители-интеллигенты, например, всегда кичились своей эрудицией. В их кругу это много значит. А свекровь вот путешествиями по разным городкам. Хотя, казалось бы, все уже по десятому разу смотрят. Наверное, в голове путаница одна. Но не суть. Главное, резюмировали на семинаре, если хочешь и дальше поддерживать с человеком отношения, то ни в коем случае нельзя его лишать предмета гордости. То есть нельзя ему дать понять, что то, что ему дорого, на самом деле ерунда. Вот я и терплю.

Август 2015

У Левы теперь больше свободного времени. Никуда не спешит. К девяти не надо. С деньгами тоже получше стало. Отец обещание по зарплате выдержал. Ну и так подбрасывают, конечно.

Свекровь своим присутствием в нашей квартире утомляет. Ей кажется, что я за ее сыночком плохо ухаживаю. Пыльно у нас, видите ли, разбросанно. Я отвечаю, что уборщицу завести просто надо, ее это дело. А свекровь свое талдычит про то, что хорошая хозяйка сама должна уметь все делать.

А вообще-то жадноваты они. Могли бы мне машину, между прочим, купить. Так нет. У Левы есть, и хватит. А сами-то по заграницам без конца раскатывают. И фотографии пачками присылают. Очень любят продемонстрировать, что они ели. Будто в голодное время живут! Говорят, в Советском Союзе, где их юность прошла, поест нормально нельзя было и ресторанов толком не было. Может, это у них оттуда идет? Так психика травмирована, что никакое изобилие ее теперь не излечит?

Ноябрь 2015

Лева что-то ко мне охладевает. Надеюсь, что это мне просто кажется. А если нет?

Январь 2016

Я забеременела. Все по-настоящему.

Март 2016

Завели собаку. Все как у старших должно быть. Я противилась, как могла. Левке, по-моему, тоже это собака по барабану. Но на совете большинством голосов постановили, что надо. Ох уж мне эта патриархальная организация общества. Точно не в двадцать первом веке, а в царской России живем! Но они, видите ли, сами так жили.

Хоть бы Лева деньги стал зарабатывать наконец, что ли.

Июнь 2016

Получила диплом. Свекор одолевает, что планирую делать. Что, что? Рожать — вот что.

Август 2016

Старшие бурную активность по поводу предстоящих родов развели. На моего Леву ведь где сядешь, там и слезешь. Ничего по дому не делает, только с собакой гуляет. Так что, если бы не его родители, то даже не знаю. А тут свекор с роддомом договорился, все оплатил. Самолично кроватку для будущего внука собирал. Ему только дай что-нибудь помастерить. Любит человек дело это. Свекровь всякой всячины накупила: пеленки, памперсы, готовит. Здесь она в своей стихии.

Сентябрь 2016

Мальчик! Я мама! Всеволодом назвали.

Октябрь 2016

Свекровь молодец, старается. Продукты таскает, убирает. Хотя, вообще-то, я давно предлагала взять домработницу. И няню пора нанять. Так лучше бы было. Но на мое предложение свекор задался глупым вопросом: «На какие деньги?» Можно подумать, что у них денег нет. Или же, что не об их внуке речь идет. Ну, я промолчала, естественно.

А тут еще свекор зачем-то притащил с собой этого скучного старикана: Левиного деда. Так тот, по-моему, вообще себе вообразил, что я его развлекать стану или специально ужин сготовлю. С разговорами о семейном укладе приставал. Свои замшелые патриархальные ценности продвигать пытался. Что за манера у стариков: лезть со своими советами, когда не спрашивают? В конце концов, это просто невежливо. Я ему

говорю: «Посмотрите вокруг, в двадцать первом веке живем!» Не понимает. А сам исподлобья смотрит, неодобрительно. Ох уж мне эта семейка!

Июнь 2017

Завтра слевой вдвоем в Грецию летим, а то я замучилась совсем. Свекровь терроризирует. Каждый день у нас сидит. То сделай, это подай, советы, разговоры о том, какая я хозяйка и как лучше с ребенком обращаться. Они на время нашего отсутствия к нам переезжают. Им так якобы удобнее с внуком сидеть и с собакой. Пусть. Нас все равно никто не спрашивал.

Декабрь 2017

Надо няню брать! Можно было бы тайку. Чтоб исключительно на английском разговаривала. Ребенок двуязычный будет. Но свекровь ни в какую. Ну и бог с ней. Пускай сама все и делает. Только вот чему она маленького научить сможет? Ничего не читает, искусства не понимает. Низкопробные сериалы да глупые передачи любит по телевизору смотреть. Можно было бы мою эрудированную маму сюда выписать, но места в квартире мало. Вот если бы у нас загородный дом был...

Слава богу, хоть никто теперь не донимает вопросами, чем я собираюсь в жизни заниматься. У них принято, чтобы мать с ребенком дома сидела.

Август 2018

Наконец-то сменили нашу колымагу. Решение, как обычно, принималось на семейном совете. Теперь

на мерседесе с откидным верхом ездим. Лева-то под тридцать уже, пора. Вот свекор и раскошелился. Но и то, в долг, говорит. Ну, если ты делаешь что-то доброе, так делай до конца!

Декабрь 2018

Свекор вчера нагрянул и опять за свое: когда день-ги начнем за машину отдавать. Какой-то график платежей из кармана извлек и пальцем в него тыкал. Ему даже собственная жена — она, как обычно, у нас торчала — прямо сказала, чтоб отстал, что не можем мы пока ничего возвращать. А он все равно. Еле урезонили его.

Март 2019

Оказывается, свекор уж с месяц как закрыл свой бизнес. То-то я смотрю, Лева мой редко на работу ходит в последние месяцы.

Апрель 2019

Умер дед Левы.

В этой связи я интересную вещь узнала. Свекор в последние годы под судебными разбирательствами находился и, чтоб у него все не отобрали, на всякий случай всю свою собственность на других членов семьи переписал. Так вот, та недвижимость, что была оформлена на его отца, теперь будет переоформлена на моего Леву. Это в дополнение к той, которой он и без того уже формально владел! О чем я, между прочим, и не догадывалась. Теперь, думаю, заживем!

Май 2019

Оформлена-то недвижимость на нас, а денег мы почему-то не видим. Весь арендный доход по дове-

ренности свекор себе забирает! А уж оттуда выдает то, что нам причитается. Понятное дело: хочет с руки кормить. Роль хозяина ему по душе пришлась. Я слевой попробовала было поговорить. Не проще ли нам свои деньги самим получать? А уж потом свекру со свекровью их долю отдавать. Муж ответил, что предлагал такую схему отцу, но тому она не понравилась. Рассердился даже. А мой муж хвост и поджал. Лева только вида грозного, а так нерешительный. И вообще, на диване больно много лежит.

Хотя с недавних пор начал про какой-то дорогой ресторан талдычить. С друзьями хотят открывать. Бюджет подсчитали: миллион зеленых нужно в первом приближении. Своих средств нет. И вот все опять упирается в отцовские деньги, а тот не дает. «Пока, — говорит, — начни с малого. Лапшичную или шаурму открой. На это дам денег. Поработай там, на прибыль выйди. Получится — еще одну точку откроешь, но уже за свои». И так далее.

Спрашивается, кому это в наше время надо? За три копейки спину гнуть! Лева о масштабном мечтает. А свекор сердится. Но ничего. С ним свекровь работу проводит.

Август 2019

Сева растет на глазах. Красивый мальчик. Начинаю его обучать чтению.

Сентябрь 2019

Виделась с Андреем. Он мне позвонил. Я уж и не ждала такого сюрприза. Андрей еще больше разбога-

тел и заматерел. Огромная представительская машина, водитель, охрана. Но как-то все скомканно получилось, впопыхах. Ресторан, потом к нему домой, и мне уже бежать назад пора. Нет, никогда он со своей не разойдется. Так, красивый эпизод в череде однообразных будней.

Май 2020

Свекор продолжает бурную деятельность. Ему бы отдохнуть уже, давление у старика зашкаливает. А он тут подвизался строить загородный дом какому-то толстосуму. Говорит, все потому, что хочет своим детям и внукам что-то в наследство оставить.

При чем тут мы, я вас спрашиваю? И кто ему мешает уже сейчас нам больше денег давать, если так этого хочет? Мне, например, машина бы давно не помешала. А раз не дает, значит, в другом причина. Если бы он прочитал труды психоаналитиков, то знал бы, что сознание часто подсовывает своему хозяину наиболее удобоваримую причину его поведения взамен истинной. Так и со свекром. Этот человек так устроен, что просто не может сидеть на одном месте. Бежать куда-то надо, делать что-то. Вот и находит себе занятие. Но гораздо красивее будет сказать, что это я для вас стараюсь.

Или же другой пример про него. Одежду покупает чеподанами. А старую раздает своим рабочим, лифтерше, водителям. Заботится, дескать, о людях. А на самом деле долгое время себе позволить ничего не мог, и количество шмоток — как критерий успеха для него теперь. Да и просто обожает человек по магазинам толкаться. А ста-

рые вещи выкидывать жалко, так хоть «о людях позаботиться можно» и себя тем самым над ними возвысить.

Декабрь 2020

В новостях сообщили, что моего Андрея объявили в розыск. Вроде как скрывается за границей. В статье также говорится о том, что вывел на счета офшоров сотни миллионов. Хоть бы со мной поделился! Мне бы и десятки хватило.

Спрашиваю у Левы, почему он все время дома торчит. Отвечает, что ждет, пока отец ему даст миллион на раскрутку ресторана. В нем обязательно сигарную комнату планирует открыть. А пока всю квартиру сигарами провонял.

Май 2021

Так обычно и бывает. Происходит то, чего боишься. У свекра инсульт.

Июнь 2021

Жить будет, но ходить вряд ли. Да и говорит с трудом. Впрочем, насколько я понимаю, все имущество и так уже на нас переписано, в смысле на Леву. За исключением одного маленького коммерческого помещения и их квартиры. Они на свекровь оформлены.

Декабрь 2021

Взяла няню и уборщицу. Свекровь больше не мешает. Я ей сказала, что сама справлюсь. Да у нее теперь своих забот много. За мужем ухаживать. Доход от аренды Лева перестал родителям отдавать. Правильно. Давно пора. Им все равно столько не надо. У лю-

дей потребности с возрастом естественным образом сокращаются. Это аксиома.

Февраль 2022

Теперь заживем! Случайно с языка эта фраза со-рвалась. Так часто ее свекор дома любил повторять, что теперь ко мне привязалась. Ну да бог с ней. Лева разворачивается. Вступил в фактическое управление имуществом. Из одного помещения арендаторов выгнал и открывает там с друзьями дорогой большой ресторан. На раскрутку взял кредит в банке под залог другого помещения, которое пока продолжим в арен-ду сдавать. Наняли лучших дизайнеров, закупили до-рогие материалы, чтоб все по высшему разряду. В ре-сторане уже полным ходом идут отделочные работы. Через месяц торжественное открытие.

Март 2022

Открытие откладывается. Лева выгнал бригаду лодырей. Деньги взяли, а сделать ничего толком не сделали. Лева хотел было судиться с ними, но юристы сказали, что договор так составлен, что с них взятки гладки. В общем, раньше надо было думать. Лева на-нял других строителей. Теперь дело пойдет. Через ме-сяц обещали закончить работы.

Апрель 2022

Открытие опять откладывается. Что-то не так с про-ектом. Пришлось исправлять на ходу. И на согласование с разными инстанциями денег ушло в два раза больше,

чем планировали. Одним кредитом не обойтись. Лева бегаёт по банкам. По-моему, он уже сам запутался, сколько денег ушло и сколько ещё потребуется.

Май 2022

С деньгами вопрос как-то утрясли. Работы подходят к концу. Через неделю открытие. Лева подыскивает менеджеров.

Июнь 2022

Через неделю после открытия ресторана на месяц отправились в путешествие по Северной Европе и скандинавским странам. Дания, Швеция, фьорды Норвегии. Там веет музыкой Грига. Так и хочется перечитать Кнута Гамсуна. Лева, правда, без понятия об этих вещах. Скучный он. Ну да ничего. Зато ему теперь с работы без конца по телефону звонят. Инструкции требуют. Он даже сердится: что они, сами ничего без него не могут, что ли?

Июль 2022

Собака издохла. Больше никакой живности в доме! Свекровь было сунулась со своими советами, но я ей быстро все разъяснила.

Сняли дом в элитном поселке по Новой Риге. Прямо на территории есть поля для гольфа и поло. Лева теперь учится играть в гольф. Все дни там пропадает. Вначале, правда, собирался поло освоить. Но там же на лошади скакать уметь надо. Очень рискованное дело.

Я тоже собираюсь гольфу обучаться. Беру уроки.

Август 2022

Всей семьей — я, Сева и Лева — рванули на Крит. Какой мощный пласт античной истории! Да и пляжи хорошие. Там встретили знакомых и махнули на их яхте в небольшое путешествие. До этого мы с этими богатыми ребятами так тесно не соприкасались, но теперь совсем другое дело. Теперь мы на равных. Мы их пригласили заходить к нам в ресторан, естественно, бесплатно.

Лева такой деловой стал. Через день звонил, выяснял, как там дела в нашем ресторане идут. Отчитывал менеджеров. Наши новые друзья смотрят на него уважением.

Сентябрь 2023

Сева пошел в первый класс! Спецшкола, куда я его устроила, находится довольно далеко. Придется мне возить. Купили машину в кредит. БМВ. Я всегда хотела только БМВ. Теперь будем жить по-европейски: две машины в семье.

Октябрь 2023

Путешествовали по Лазурному берегу с нашими новыми друзьями. Ничего страшного, если Сева немного пропустит. Читать он и так умеет с пяти лет. Моя заслуга.

Ноябрь 2023

Лева отправился с партнерами по бизнесу на рыбалку на Карибские острова. Сказал, что заодно проверит, какие там возможности по бизнесу есть. Теперь вокруг него много разных людей крутится.

Декабрь 2023

Лева стал какой-то раздражительный. Похоже, с нашим рестораном что-то не так. Я поехала сама посмотреть. Вроде все в порядке. Народу, правда, мало.

Февраль 2024

Левин телефон почему-то уже давно молчит. Сам он очень нервничает. Дома бывает мало. Как бы чего не вышло. Когда его спрашиваю, раздражается.

Март 2024

Лева собирается брать очередной кредит, иначе ресторан придется закрыть. Банку требуется моя подпись на каких-то документах. Я растерялась. Какая еще подпись? Он начал мне что-то объяснять, но я плохо разбираюсь в финансах. Тогда муж оставил мне бумаги, чтобы я их почитала и подписала, а сам поспешил на переговоры.

Сердце подсказывало мне, что подписывать нельзя. Но как быть? И я обратилась за помощью к нашим новым друзьям Ане и Никите, с которыми мы ходили под парусом на их яхте, а потом отдыхали на Лазурном берегу. Вернее, к Никите. Вообще-то, мы уже встречались с ним один на один несколько раз. Было это, когда Лева ездил на Карибы. Никите тогда потребовался женский совет по одному пикантному делу, и он мне позвонил. В ресторане мы выпили вина, и я сама не заметила, как мы оказались у него дома. Элитная квартира! Не то что наша клетушка. Его жена отсутствовала. Поехала родителей в Италию навестить. У них там своя вилла.

Аня сама виновата. За таким мужем нужен глаз да глаз. Не я, так какая-нибудь другая подвернулась бы.

Никита — профессиональный юрист в области финансового и гражданского права. У него свое юридическое агентство. Слава богу, что у него нашлось время приехать и внимательно изучить документы. Выводы были неутешительны. Дело зашло очень далеко, и в случае неудачного вложения очередной порции кредитных денег в убыточный ресторан — именно то, что намеревался сделать мой муж, — мы должны были лишиться всего, включая нашу квартиру. Искушенный в подобных делах юрист быстро составил детальный план действий, и когда вернулся Лева, я встретила его во всеоружии.

Надо отдать должное моему мужу: он на удивление быстро признал, что лучшим выходом из данной ситуации действительно является фиктивный развод с передачей нашей квартиры и двух автомобилей в мое владение по акту дарения. Сам же Лева прописывался в маленькую квартиру, доставшуюся ему еще от деда по наследству. Не велика потеря, если что.

Между тем муж заявил, что верит в свою бизнес-идею и непременно продолжит раскручивать свой ресторан. Просто необходимо найти новую команду эффективных менеджеров.

Июнь 2024

На летний сезон снова арендовали наш особняк в элитном поселке. Продолжаем осваивать игру

в гольф. Часть кредитных денег приходится тратить на жизнь. Но Лева считает, что это не проблема. Когда ресторан раскрутится, то все вернется с лихвой.

Август 2024

Снова ходили под парусом с нашими друзьями Аней и Никитой. Заехали на их виллу в Италии. Вот это жизнь!

Декабрь 2025

К несчастью, прогнозы Никиты оказались верны. Ресторан сегодня закрыли. Коммерческие помещения, на арендные платежи с которых мы могли бы припеваючи жить хоть всю жизнь, ушли банку в качестве компенсации за непогашенные кредиты и драконовские проценты. Чем думал Лева, не понимаю! Ладно, надеюсь, что-нибудь придумает еще. Мужу тридцать шесть лет всего. Самый расцвет активности.

Май 2026

Муж целыми днями сидит дома мрачный. Ничего не делает. Денег нет. Если бы не свекровь, то голодали бы. Отношения слевой как-то разладились. Похоже, он совсем ко мне охладел. Что ж, тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, если что не нравится, то у него есть своя квартира — дедово наследство в пятиэтажке.

Вообще-то на мужа еще шесть соток земли дедовых записано. На них хибара стоит. Смешной старик, по моему, гордился своим подарком внуку. Когда с рестораном криво пошло, я еще подумала, может, это хо-

зьяйство тоже на себя переоформить. Но юрист сказал, что мороки больше. Ничего не стоит этот клочок земли у черта на рогах.

Июнь 2026

Лева переехал к себе. Так будет лучше. Я же надеюсь, что свекровь не забудет, что у нее есть внук — будет подбрасывать денег и дальше. Все-таки у них остался кое-какой доход на старость. Да и куда им столько? А если не станет делиться, внука им не видать! Я же тем временем что-нибудь придумаю. Для начала продам одну из машин: Левин мерседес. Должен же отец хоть как-то заботиться о сыне.

Июль 2027

Разбирала завалы в ящиках, оставшихся после отъезда Левы. Он всегда был такой неорганизованный! Вечно за ним все мама убирала. А когда я свекрови запретила появляться, то он всяким хламом совсем оброс. Так вот среди этого баракла, которое мой бывший не удосужился с собой взять, я наткнулась на толстый запечатанный пакет. Открыла, а там ворох листов пожелтевшей бумаги. Оказалось, что это дневник его деда. Судя по тому, что пакет был запечатан, Лева его никогда не открывал. Я же от нечего делать пробежала по диагонали. Между прочим, местами, оказалось, занимательное чтиво. Особенно там, где старикан про меня пишет.

Апрель 2019

Вовремя

*«И Ленин такой молодой,
И юный октябрь впереди...»**

Часть первая

Товарищ** министр неторопливо расхаживал по гостиной. На ногах кожаные шлепанцы. Верхняя пуговица белоснежной рубашки расстегнута, руки опущены в карманы наглаженных брюк. Константин Иванович был аккуратен.

Его десятилетняя внучка Наташа — опрятная девочка с большим белым бантом на светлой головке — старательно выводила на фортепьяно пятнадцатую сонату Моцарта. По крайней мере, так она объявила перед тем, как сесть за инструмент, о чем дедушка сразу же забыл. В классической музыке он был не силен. Однако, когда слушал игру внучки, какая-то теплая волна разливалась в его груди. Пусть девочка играла посредственно. Часто сбивалась и слишком долбила по клавишам. Для деда это не имело большого значения. В конце концов, у нее

* Слова из популярной песни эпохи развитого социализма в СССР.

** Товарищ — устойчивая форма обращения к лицам мужского и женского пола, принятая в СССР.

вся жизнь впереди. Она будет много заниматься и сможет сама выбрать путь по призванию. Не обязательно это будет музыка. Может быть, Наташа будет врачом или, скажем, преподавателем, а может, пойдет в науку или станет инженером. Все дороги открыты молодежи. Только учись! И каждый день — новое, новое... — как это здорово! И как прекрасно, когда не нужно думать о куске хлеба, о крыше над головой. Можно сосредоточиться на занятиях и свернуть горы: времени хоть отбавляй. И, уж конечно, внучке неведомо чувство голода, которое порой испытывал ее дед в суровом детстве. Ему не каждой зимой было в чем выйти на улицу: так и просиживал босой дни напролет на печи. Но теперь не то, что при царском режиме. Теперь все изменилось. О детях у нас заботится народная власть: ясли, детские сады, гарантированное восьмилетнее образование, и все бесплатно. Потом профессиональное образование, тоже за казенный счет. Кто поспособней — пожалуйте в институт. Для этого мы и строим новое бесклассовое общество, где нет угнетенных, нет угнетателей.

Константин Иванович тихо вышел из гостиной в примыкавшую к ней небольшую столовую. В углу поблескивал полиролью непритязательного вида сервант. Крашенные в белый цвет подоконники и оконные рамы закрывали прозрачные тюлевые занавески. Продолговатый обеденный стол на шесть персон покрывала белая скатерть, стулья были одеты в белые матерчатые чехлы. Так было заведено на казенных дачах. Правда, в гостиной он распорядился чехлы снять.

В дверях, ведущих через коридор на кухню, появилась повариха — молодая, крепко сбитая, добродушная женщина, из детдомовских. Любая работа спорилась в ее больших ловких руках. Зимой она с задором кидала снег лопатой, летом, что-то напевая себе под нос, орудовала метлой на придомовой территории. Пылесосила ковры, вытирала пыль с мебели, меняла белье и на специальной тележке возила его в прачечную, готовила и мыла посуду. Все хозяйство на ней.

— Константин Иванович, обед сегодня подавать как обычно? — громогласно спросила она и широко улыбнулась.

— Да, Люба. Подавайте, пожалуйста, как обычно.

Он имел привычку обращаться ко всем, включая прислугу, на «вы».

«Прислуга», — поймал себя на мысли Константин Иванович и нахмурился. Странно звучит. Да нет. Какая прислуга? И он махнул рукой невидимому собеседнику. Разве он буржуй какой-нибудь, что на него другие работают? Никакая она не прислуга. Просто повариха, и все. Должность такая.

Внучка ударила завершающий аккорд, взяла короткую паузу и объявила новое произведение:

— «Афинские развалины», Бетховен.

— Ну, давай, давай, послушаем, — проурчал дедушка, снова перемещаясь по залитой солнечным светом маленькой гостиной. За широкими окнами расстилались белоснежные сугробы. Мельчайшие кристаллики льда поблескивали серебряным светом

на ветках орешника, зеленых лапах елей. Ах, какая хорошая была сегодня лыжня...

— Константин Иванович, вас к телефону, — как обычно, во весь голос объявила появившаяся в дверях Люба. Внучка от неожиданности сбилась, но, тряхнув белым бантом, нашла в себе силы продолжить.

— Тише Люба, тише! Кого там еще несет? — поморщился хозяин, размышляя: «Работящая девка, вот только такта ей недостает», — и, бесшумно скользя по коврам кожаными шлепанцами, проследовал к себе в кабинет. Там на зеленом сукне большого письменного стола находились два телефонных аппарата. Один красный, с металлическим гербом страны на диске: правительственная спецсвязь — символ величия ее обладателя. Другой бежевый — обычный городской, трубка которого лежала рядом. Звонил водитель.

У него их было двое, работали посменно. Первый, Павел Михайлович, добродушный, но туповатый малый, вечно все путал. Как новый адрес, так проблема. Сколько раз из-за его нерадивости министр опаздывал, и даже к начальству. А там разве объяснишь, что дело в водителе? Второй — Василий Ильич — себе на уме мужик, лет пятидесяти, ссылаясь на радикулит, все время пытался по мелочам отлынивать от обязанностей. Через раз хозяину приходилось самому таскать коробку с продуктами из спецстоловой*. Еще говори-

* Во времена повального дефицита номенклатурные работники СССР, каждый по своему рангу, получали качественные про-

ли, что Василий Ильич постукивает*, но это Константина Ивановича не беспокоило: скрывать было нечего. Можно было бы Василия Ильича, конечно, поменять, да и Павла Михайловича тоже, но все время руки не доходили. А самое главное: неизвестно, кого еще пришлют на замену. Вдруг таких же? А от этих двух, по крайней мере, известно, что можно ожидать.

— Слушаю.

— Але! Константин Иванович! — заговорила трубка. — Это Пал Михалыч. Извините, что беспокою. Но тут такое дело, сегодня суббота все-таки. А вы же по субботам обычно никуда не ездите. Жена говорит, может, по хозяйству нам съездить, на рынок. Так вот я и подумал, что, может, вам я не нужен на сегодня? Может, я бы помог жене-то тогда?

— Все нормально, Павел Михайлович. Машина сегодня не понадобится. Помогайте жене.

— Вот спасибо. Извините, если что... Что побеспокоил, извините... Я...

— До свидания.

Положив трубку, Константин Иванович посмотрел на часы. До обеда оставалось часа два: можно было хорошенько поработать с документами. Он извлек из ящика стола туго набитую кожаную папку, уселся за письменный стол и надел очки.

дукты в спецстоловой.

* Постукивает — доносит в «компетентные органы».

Трудился министр с энтузиазмом. Никаких других пристрастий у него по сути и не было. Зимой, в выходные, часа по полтора ходил на лыжах; лыжня начиналась от порога дачи. В остальное время года в любую погоду минут сорок гулял перед сном, старательно поддерживая хорошую физическую форму. Редко, на отдыхе в Крыму или Сочи, читал мемуары. Раз в год ходили с женой в театр. Получалось, что работа и была его хобби.

Себя он считал удачливым человеком. Потому что все-то в его жизни случалось вовремя. В семнадцать лет отправился в город на заработки и так избежал смерти, уготованной доброй половине его односельчан во время голода начала тридцатых годов. Тогда юный Константин уже учился в школе рабочей молодежи. Днем работал, ночью занимался, благо энергии было не занимать. Разумеется, вступил в комсомол. Вышел с рационализаторскими предложениями, которые увеличили производительность труда. Сверху его заметили, рекомендовали в институт, который он успешно закончил без отрыва от производства. Вступил в партию. Поднялся до начальника цеха. Снова вышел с рационализаторским предложением. Когда директора завода перевели в столицу с повышением, тот взял Константина Ивановича с собой. К тридцати пяти годам он уже добрался до уровня номенклатурного работника. Далее карьерный рост Константина Ивановича проходил в недрах Министерства легкой промышленности. Не очень-то престижно? Оно и лучше, как он теперь понимал: кон-

курении меньше. Впрочем, это не было его выбором. Скорее так складывались обстоятельства. Куда брали, туда и шел, цеплялся за любую возможность, работал не покладая рук. А в то время многие стремительно росли по службе. Кого-то сажали, отправляли в лагеря, других расстреливали, освобождая места для вновь подоспевших. Можно сказать, что Константин Иванович удачно миновал эти напасти. Его продержали в тюрьме всего-то несколько месяцев. Арестовали перед самой войной. Спустя многие годы он узнал, что взяли по доносу коллеги, метившего на его место. Но ведь разобрались тогда! Выпустили. Потом, в сорок девятом, тучи снова сгустились над его головой. Вызывали несколько раз как свидетеля. Наверное, как это часто бывает в подобных случаях, собирались переквалифицировать в обвиняемого. Но снова повезло: командировали на три года в Будапешт, помогать венгерским товарищам строить социалистическую экономику. На Лубянке о нем просто забыли. Было еще, кем заняться. А когда вернулся, то Сталин уже год как умер. Все изменилось.

Настала оттепель Хрущева. Те, что на самом верху, решили, что в первую очередь им самим лучше спать спокойно, о чем договорились между собой. И черные воронки* перестали колесить по городам и селам. А при Брежневе и вовсе наступила цивилизованная эпоха. Ныне внутрикорпоративные битвы в худшем слу-

* Черный воронок — машина для перевозки арестованных, символ сталинских репрессий.

чае заканчивались увольнением, но никак не тюрьмой, и уж тем более не расстрелом. Не то чтобы доносительство исчезло вовсе. Но методы борьбы за кусок хлеба стали мягче, что и говорить. Ведь любое общество развивается, стабилизируется, движется в направлении снижения насилия. Вертикальные связи постепенно замещаются горизонтальными. Принуждение уступает место взаимопониманию между равными, не обличенными властью членами общества. Хотя до этого было, пожалуй, еще далеко. Многого предстояло сделать!

В последние годы Константин Иванович стал категорическим противником принуждения. Из богатого личного опыта он вынес, что, когда дело касается эффективности, палкой да окриком многого не добьешься. И давно голоса ни на кого не повышал. Конечно, никто не отменял необходимости постоять за себя. Это жизнь. Надо было уметь лавировать, находить пути для компромиссов.

— Константин Иванович, кушать подано! — прервала его мысли повариха. Сегодня он что-то опять отвлекся от работы. Глядя в окно, задумался о прошлом, о том, кто он есть и как им стал, об обществе, которое они с товарищами строили, и о том, что это за товарищи такие, которые, словно скорпионы в банке, готовы пережалить друг друга из-за продвижения по службе, власти, почестей, новых привилегий. Друзей у Константина Ивановича действительно не было. Не с кем было обсудить наболевшее. Эта закрытость была при-

суща многим руководителям старой формации, когда даже у стен были уши. Министр очень тосковал по своему старшему брату, директору завода средней величины на Урале. Он погиб под Москвой в сорок первом. Ему одному он доверял безраздельно. С ним, закрывшись в ванной комнате и включив воду, чтобы никто не подслушал, они, выкуривая папиросу за папиросой, откровенно говорили обо всем, что думали. Курить Константин Иванович бросил сразу после войны.

— Спасибо, Люба. Сейчас иду.

За столом уже сидела его жена Валентина Алексеевна и внучка Наташа. На первое был духовитый борщ с пампушкой, на второе — карп с отварной рассыпчатой картошечкой, посыпанной укропом.

— Одни кости, есть невозможно! — выпятила капризные губки внучка.

— А ты выбирай, работай и не торопись! Это хорошая работа! — терпеливо улыбнулся дедушка, демонстрируя личным примером, как надо выбирать кости.

Его сын, Андрей, второй год работал в одном из торговых представительств СССР в небольшой благополучной европейской стране. Невестка Ирина была при муже. Вот только школы для ребенка там не нашлось. Приходилось помогать молодежи. Бабушка, Валентина Алексеевна, обладала крепким здоровьем и с удовольствием занималась воспитанием внучки. К тому же няня, Зинаида Яковлевна, если что, всегда была под рукой. Она работала у них бесценно с рождения внучки.

Но на дачу по субботам-воскресеньям Зинаиду Яковлевну уже с год как перестали брать. И в ближайшем будущем планировали совсем отказаться от ее услуг.

— Не хочу больше. Я пошла, — капризно оттолкнула от себя недоеденную рыбу внучка и уже поднялась было из-за стола.

— Подожди, Наташа, а убрать за собой тарелку? Тут бонн тебе нет, — с улыбкой остановил ее дедушка.

— А кто это — бонна? — спросила Наташа.

— Это прислуга у богатых, — безразлично пояснила бабушка.

— Как наша домработница в Москве?

— Нет, это которая присматривает за детьми, — снова пояснила Валентина Алексеевна.

— Как Зинаида Яковлевна? — допытывалась внучка.

— Зинаида Яковлевна — няня, а не прислуга, и довольно уже, — нахмурился Константин Иванович. Снова выходило, что прислуга есть, и не только у него с женой, но даже у внучки. Строили-строили бесклассовое общество, и на тебе...

С дедушкой дома спорить было не принято. Внучка схватила грязную тарелку и проворно отнесла кухню. Люба убрала со стола и, как обычно после обеда, подала черный кофе. Константин Иванович с чашкой в руке переместился в кресло напротив телевизора.

Показывали фильм про гражданскую войну 1917–22 годов. В картине, в частности, повествовалось,

как после триумфального шествия советской власти белые вновь стали кое-где наступать на красных. На занятой ими территории кулаки и буржуи поднимали голову, восстанавливали старые порядки, вновь заставляли батраков и рабочих гнуть на них спину. И для Константина Ивановича это не было чем-то абстрактным: он смутно припоминал, как мальчишкой батрачил на богатого соседа. Тем временем на экране напряжение нарастало. В захваченных деревнях белые хлестали плетками крестьян, а в городах предавались всяческому бесчинству. Но вот-вот должна была подойти подмога — конница Будённого. Когда же началась сметающая всех на своем пути страшная кавалерийская атака красных, Константин Иванович, увлекшись фильмом, даже произнес: «Сейчас! Сейчас они покажут!» — и вдохнул из большой пузатой рюмки, на дне которой перекачивалось небольшое количество отличного коньяка. Густой запах приятно ударил в нос и погасил эмоции. Константин Иванович крикнул и отставил рюмку, так и не пригубив. Он редко позволял себе спиртное. Следил за здоровьем, да и вообще любил, чтобы голова оставалась свежей.

- А ты видел белых, дедушка? — спросила внучка.
- А как же.
- И тоже сражался с ними?
- Нет. Я был слишком мал.
- И они тебя так же плеткой стегали?
- Да, пытались. Но не вышло!

И Константин Иванович поведал, как мальчишкой действительно чуть было не попал под руку разозленного казака. Отступление белых проходило как раз через их деревню. Они с друзьями играли в лапту. Откуда ни возьмись казак на коне, голова перевязана. Видно отбился от своих. Кричит ему: «Как к реке быстрее будет?» Маленький Костя тогда еще не понимал, кто такие белые, а кто красные. Мальчик, конечно, знал дорогу, но с испугу слова не мог вымолвить. Казак разозлился и со словами: «Ууух! Большевистское отродье! Тоже, небось, в коммунисты пойдешь!» — стегнул его нагайкой. И рассек бы лицо, но маленький Костя закрылся руками. Нет, не зря сражались за социализм! Это была его власть. Она дала ему, сыну бедняка, все: образование, интересную работу, большой пост в правительстве страны, достаток. Кем бы он стал, если бы не случилась великая социалистическая революция? Батраком, как его отец? Десятником?

— Деда, а кто такие коммунисты?

— Коммунисты — это те, кто борется за дело рабочих и крестьян. Твой дедушка — коммунист, — улыбнулся Константин Иванович.

— А я тоже стану коммунистом, когда вырасту?

— Ну, если будешь хорошо учиться и много работать, то конечно.

В свои десять лет внучка уже ощущала почет и уважение, которые окружали деда и всю семью. Родители же одноклассников казались девочке какими-то потертыми и незначительными, как и их маленькие квартир-

ки с неприятными грязноватыми подъездами. То ли дело respectable квартира бабушки на улице Алексея Толстого. Новый дом из желтого кирпича, парадный подъезд, отделанный гранитом и мрамором, ковровые дорожки на лестницах, строгая лифтерша, которая не пустит кого попало. И маленькой Наташе тоже хотелось, когда вырастет, зажить так же хорошо, как баба. То есть ездить на большом лимузине с водителем, иметь прислугу, добротно одеваться и даже часами напролет, сидя в тихом кабинете на даче, что-то многозначительно писать под уютным зеленым абажуром. Но только чтоб непременно повараха Люба подавала черный кофе. Да, маленькая Наташа, конечно же, очень хотела стать коммунистом! Таким, как бабушка.

— Константин Иванович, вечером Савкины придут? — показала в дверях повараха. Савкин тоже был министром и проживал в том же поселке на казенной даче. Вечерами по субботам они любили написать пульку* на четверых. Жены мало уступали мужьям за карточным столом.

— Да, Люба.

— Ужин подавать, как обычно, к восьми в столовую, а чай с конфетами и коньяк в гостиной будете пить?

— Да, как обычно.

— Тогда я вам пока не нужна?

— Нет, спасибо, — ответила хозяйка Валентина Алексеевна.

* Сыграть в преферанс.

Люба пошла к себе. Ее комнатенка в шесть метров квадратных примыкала к кухне. В этом пространстве находились кровать и небольшой платяной шкаф, в котором умещалось все, чем владела повариха. Люба, чтобы все успеть, каждый день вставала чуть свет, и, намаявшись за день, по заведенному обычаю использовала послеобеденное время для короткого отдыха. Вот и сейчас она быстро заснула и стала безмятежно похрапывать, чему-то улыбаясь во сне. Плохие сны ей никогда не снились.

— Я тоже пойду прилягу на полчаса, Валюша, — сообщил министр и отправился на второй этаж к себе в спальню.

Савкины пришли без опозданий. Все получилось, как планировали. Легкий ужин, потом преферанс. Константин Иванович играл без большого азарта, в основном проигрывал, но никогда не расстраивался. Много шутил, а карты держал так, что всем было видно. А вот Валентина Алексеевна была азартна по натуре, придавала игре большое значение и чаще оставалась в выигрыше. Что неизменно повышало ей настроение. К встрече гостей она тщательно готовилась. Приводила себя в порядок: подправляла маникюр и прическу. В отличие от многих жен руководства страны, Валентина Алексеевна была всегда подтянута и по западной моде одета. Развитию ее природного чутья способствовали поездки по западноевропейским столицам: муж несколько раз брал ее с собой в служебные

командировки*, походы на официальные приемы и другие светские рауты. Женаты они были с незапамятных времен. О своих скелетах в шкафу благоразумно предпочитали не вспоминать.

Сибирячка Валентина Алексеевна происходила из семьи мелких кулаков. Возможно, это обстоятельство повлияло на ее мировоззрение. Она, не в пример мужу, была не столь привержена социалистическим идеалам и уж тем более не состояла в членах коммунистической партии. В молодости она вообще верила в Иисуса Христа и даже, следуя семейной традиции своих раскулаченных родителей, не посоветовавшись с мужем, как-то принесла домой маленькую иконку. После недолгих обсуждений молодая комсомольская чета решила от иконки избавиться. Впрочем, символов новой коммунистической веры — портретов или изваяний вождей: Брежнева, Ленина, Маркса с Энгельсом — в доме тоже не было. Вера Константина Ивановича не нуждалась во внешних атрибутах. Но это не была слепая вера. С трудами классиков марксизма-ленинизма он был знаком не понаслышке. Многочисленные тома полных собраний сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, хранившиеся у него в кабинете, были испещрены карандашными пометками Константина Ивановича. Особенно его интересовали вопросы политэкономии.

* Во времена СССР выезд за границу обычных граждан был практически невозможен. Заграничный паспорт не выдавали, также существовала выездная виза.

Он даже готовил материалы для защиты диссертации по этим темам. Планировал связать их с современностью, которую, как ему казалось можно было легко улучшить. Но на все это требовалась уйма времени, которого министру катастрофически не хватало.

Валентину Алексеевну высокие экономические теории интересовали мало. Политикой она тоже не увлекалась. Зато жена обладала бытовой смекалкой и была прекрасной хозяйкой. Именно благодаря ей в московской квартире появилась кое-какая приличная мебель, толстые ковры, сервизы, а на сберегательной книжке мужа откладывались деньги. Процесс накопления шел не просто, а порой требовал от Валентины Алексеевны немалой изворотливости в противостоянии с мужем. Ибо Константин Иванович называл все это стяжательством, а сам старался жить по-коммунистически: «каждому по потребностям». Он, правда, любил комфорт. Но эту его слабость в рамках социалистических реальностей государство полностью удовлетворяло.

На следующее утро Константин Иванович встал по обыкновению рано. Все, кроме Любы, еще спали. Пока брился негромко напевал: «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой...». При этом воображение почему-то рисовало черные воронки тревожных сталинских ночей из его прошлого. Покончив с утренним туалетом, министр спустился на первый этаж. Выпил чашечку черного кофе, съел небольшую тарелку творога с хлебом. Не торопясь оделся. В спортивном костюме,

шапочке и куртке вышел на крыльцо. Все вокруг — сугробы, покрытые снегом лапы елей — сияло и искрилось под солнцем. Константин Иванович устремил взгляд в голубое небо, потом глубоко вздохнул, смазал лыжи, вставил ботинки в крепления и с улыбкой устремился в лес. От легкого морозца у него покраснели щеки. Это были любимые моменты. Министр смотрел по сторонам, созерцал природу, и у него возникало ощущение, будто благодать вливается в него.

Через полтора часа, после горячего душа, он уже снова в задумчивости расхаживал по гостиной и наслаждался посредственной игрой внучки. Но мысли его, как и вчера, постепенно приобретали довольно неприятный оборот о классовой теории построения общества и о присущих ей антагонизмах в рамках социалистической формации. Министр снова думал о том, что даже если он, как член правительства социалистического государства, и защищает интересы рабочих и крестьян, из которых сам когда-то вышел, то уж точно сам к ним теперь не относится. А раз так...

— Константин Иванович, вас к телефону, — прервала его размышления повариха.

Он проследовал в свой кабинет и взял трубку городского аппарата. Звонил один из его заместителей. Министр долго молча слушал, а брови его сдвигались все больше. Заместитель только что вернулся из командировки, где должен был вникнуть в суть неприятных событий вокруг одной из фабрик, входивших

в империю Константина Ивановича. Дело это началось несколько месяцев назад и поначалу не казалось особенно важным: производство было отнюдь не самым крупным. Однако вскрывались все новые и новые удручающие обстоятельства. И министр даже вынужден был недавно, на всякий случай, вынести сор из избы: доложить наверх, что само по себе, к сожалению, не могло изменить сути. Отправленная им на место ревизионная комиссия обнаружила огромные нарушения социалистической законности и выявила цепочки вовлеченных лиц. Если раньше разговор шел о разгильдяйстве его подчиненных, то теперь замелькали опасные слова: «злоупотребления» и даже «хищения».

— Понятно, Андрей Анатольевич, — так звали его заместителя, который возглавлял ревизионную комиссию. — Давайте завтра с утра сразу ко мне, с документами.

Министр тревожно заходил по кабинету. События приобретали очень нехороший оборот. Настолько нехороший, что теперь это черт знает чем могло закончиться. Тут зазвонил телефон правительственной связи. Константин Иванович снял трубку.

— Ознакомился с вашей докладной, Константин Иванович. Скажу прямо, удивлен, как вы такое могли допустить. Жду вас во вторник с предложениями.

И все. Гудки. Вот и началось.

Перед обедом Константин Иванович против обыкновения выпил рюмку водки.

— Ты что это, Костя? — улыбнулась жена.

— Да так, Валюша, что-то продрог сегодня на лыжах, — нашел в себе силы улыбнуться муж.

Константин Иванович никогда не делился тем, что происходит на работе, с домашними. Зачем? Только лишние вопросы, никому ненужные тревоги — помочь ведь все равно не могли. А дома должно быть все спокойно и радостно. Дом — это тыл.

После обеда Константин Иванович, поднялся было в спальню вздремнуть. Но вместо этого беспокойно начал расхаживать по комнате взад-вперед. Все думал, как это он, с таким опытом, сразу не придал значения этому делу. А даже если бы и придал, то что с того? Сделать-то было уже ничего нельзя. Но как так вышло? Куда смотрел его заместитель, которому он так доверял? Куда смотрел директор фабрики Смоленский? Хотя Смоленский, судя по всему, и являлся главным героем этой пьесы с плохим концом. Создал, негодяй, преступное сообщество, воровали с размахом, и вот теперь...

— Ты что это все ходишь, половицами скрипишь? — в проем приоткрытой двери осторожно просунулась голова жены. За долгие годы она безошибочно научилась распознавать, когда дела шли неважно. Хотя долгими расспросами никогда не докучала.

— Да так, Валюша, думаю вот...

— Так пойдем лучше чайку выпьем с печеньем.

— Пойдем, — рассеяно улыбнулся министр, и они спустились вниз, где проворная Люба суетилась в столовой, накрывая на стол.

Чай пили молча. Потом министр встал из-за стола со словами:

— Пойду стоняю партийку на бильярде.

Оделся и отправился в клуб. До него было рукой подать: минут десять, если не торопиться.

В бильярдной никого не оказалось. Оно и лучше! Никто в нос дымить не будет! Как и многие бывшие заядлые курильщики, он не переносил дыма сигарет. Константин Иванович разбил шары, сделал несколько ударов. Игра не шла. Он поставил кий и проследовал в буфет. Заказал коньяк в пузатой рюмке и долго нюхал его, но так и не пригубил. В кинозале, который находился тут же, начался просмотр фильма. Он хотел было зайти, но потом махнул рукой, оделся и вышел на улицу. Мягко падал снег. Горели фонари. Константин Иванович пошел по малому кругу территории дачного поселка. Обычно такая прогулка занимала чуть менее часа. Со всем этим ему, видимо, предстояло вскоре расстаться. Он подумал о том, что накоплений на сберкнижке в общем-то не так уж много: на две машины «Волга», пожалуй. Впрочем, машины — это так, мера стоимости. Константин Иванович не умел водить — всю жизнь с водителем. А вот ремонт в московской квартире сделать неплохо бы...

Задумавшись, Константин Иванович не заметил, как нагнал компанию подростков — министерских отпрысков. Других на закрытую территорию дачного поселка не пускали. Его внучка была в их числе. Наташе льстило, что ее принимают к себе старшие по

возрасту. В руках одного из ребят был магнитофон, из которого доносились звуки рок-н-ролла. Министр неодобрительно поморщился, но проследовал молча.

И лишь дома, встретив в коридоре раскрасневшуюся с холода внучку, он поинтересовался, что это они такое слушают.

— «Роллинг Стоунз», — с гордостью поведала Наташа.

— А что это?

— Популярная группа.

— Я что-то такой по телевизору не видел, по радио не слышал.

— Ну, деда! Конечно. Она же американская!* А у нас же одно барахло по телеку показывают, — протянула Наташа.

— А откуда же вы тогда берете эти записи?

— Андрею и Ире родители диски из-за границы привозят. А Сашка, к примеру, с «Голоса Америки» записывает. По радио передают.

— Вообще-то это наши идейные противники, а вы их «голоса» слушаете.

— Ну, деда, это же просто музыка, — примирительно протянула внучка.

Константин Иванович хмуро проследовал к себе в кабинет. Он был уверен, что это отнюдь «не просто музыка», но промолчал. В тот вечер было не до того.

* В условиях железного занавеса в СССР шла идеологическая борьба с элементами так называемой чуждой западной современной культуры.

К восьми часам, как обычно, подали черную «Чайку»*, и они поехали на московскую квартиру. Внучка егозила между ними на заднем сидении, и ее отправили вперед, на откидные. Наташе там даже больше нравилось. Оттуда было лучше видно дорогу. Когда правительственная машина проносилась мимо постов ГАИ**, милиционеры отдавали честь. Девочка ждала этого момента. И всякий раз, ощущая собственную значимость, отдавала им честь в ответ. Дедушке это было не по душе. Он вообще считал этот милицкий порядок излишним. Ему хватало почестей и без этого. А тут еще внучка салютует в ответ. Фарс, да и только. Министр пытался объяснить Наташе неуместность этой игры. Заметил, что честь отдают не ей. Однако за внучку вступилась бабушка. «Что тебе, Костя? Пусть себе играет. Видишь, как ей нравится. Скоро вырастет уже.» И он махнул рукой.

— Смотри, Наташка, вон «Рой-рой»*** поехал, — и водитель, Василий Ильич, ткнул коротким пальцем в большую машину незнакомой формы.

— А почему у нее номера красные? — спросила девочка.

— Дипломатические. Американский посол. Вон флажок на крыле.

* «Чайка» — правительственный лимузин в СССР.

** ГАИ – Государственная автоинспекция.

*** Имеется в виду «Роллс-Ройс».

— Костя, может, стоит нам участок земли взять? Дачу бы свою построили, — осторожно начала жена.

— Опять ты за свое, Валюша, — поморщился министр.

— А что такого? — изобразила полное неведение жена. Последний раз она поднимала эту тему полгода назад.

— Да неудобно это. Использование служебного положения. Просить надо, — министр действительно не любил ни о чем просить. Ему было проще отказаться от чего-то, нежели, как он полагал, унижаться. Но сейчас причина крылась не в этом. И Валентина Алексеевна это прекрасно знала. Потому продолжила:

— При чем тут это, Костя? Какое «использование», если тебе это полагается? Сейчас многие так делают. Вон и Савкины туда же. Собираются взять лесной участок, в пяти километрах отсюда. Уже и проект дома готов. Мне его жена рассказала. А он, между прочим, такой же министр, как и ты. Ничем не лучше.

— Посмотри, Валюша, как люди еще живут у нас. Вон, — и Константин Иванович отодвинул шторы на окне. Их машина пронеслась мимо вросших в землю убогих избушек, обрамлявших правительственную трассу. — Сейчас в город въедем, пятиэтажки пойдут. А ты говоришь... Нет, неудобно это. Савкины, между прочим, тоже ничего не покупают. Он мне ничего про это не говорил.

— Зачем же он тебе будет об этом говорить, если ему известна твоя позиция?

— Да и не в них дело. Каждый для себя решает. К тому же у нас все есть. Чего тебе, Валюша, недостает, скажи? Как сыр в масле катаешься.

Валентина Алексеевна притихла, но не сдалась. Просто жена знала, что лобовой атакой мужа не возьмешь. Но вода камень точит, и, кто знает, может, поумнеет, согласится с ее простыми доводами? Ведь свое есть свое, а казенное — казенное. Сегодня дали — завтра взяли. И даже если не им, старикам — муж на пенсию не собирался, — то уж детям и внукам точно пригодится. Их после смерти старших никто казенными дачами обеспечивать не станет. Впрочем, это доводы она уже приводила, на что муж парировал, что сыну следует самому о своей семье позаботиться, на то он и мужчина. Хотя на хорошую работу в свое время устроил отпрыска, квартиру молодым выхлопотал. А вот дачу купить пока никак не соглашался. Ну ничего. Тут терпение требуется. А терпения Валентине Алексеевне было не занимать. Возможно, благодаря этому они и прожили вместе всю жизнь.

Но радужным планам прозорливой Валентины Алексеевны не суждено было сбыться. Через месяц Константина Ивановича отправили на пенсию. Провожали без почестей: дело о воровстве в его ведомстве получило нешуточное развитие. Министра затаскали по судам, нервы напоследок потрепали как следует. Но

в каком-то смысле ему снова повезло. Ведь могло вернуться по-всякому. Могли переквалифицировать из свидетеля в обвиняемого. А там... Но обошлось!

Хотя и не у всех. Полетело много голов. Директора фабрики поначалу собирались расстрелять, но потом, как некоторых его подельников, посадили за хищения. От пяти до пятнадцати с конфискацией имущества. С другими поступили мягче. Заместителя министра, к примеру, куратора проклятой фабрики за проявленную халатность сняли с занимаемой должности и с позором отправили трудиться на маленькую зарплату заместителем начальника маленького отдела, где не полагалось никаких привилегий. А до пенсии тому еще было ой как далеко. И слава богу, что не выслали из столицы, не лишили драгоценной московской прописки*. Потом попробуй назад попади!

И хотя, как подтвердилось на суде, Константин Иванович к цепочке расхитителей социалистической собственности** не имел никакого отношения, внутренне он вполне принимал справедливость наказания. Ведь если рассуждать иначе, то в чем же тогда заключается ответственность руководства? Конечно, виноват: недосмотрел, не на тех положился!

Однако ж после всех мытарств ему положили персональную пенсию, как три зарплаты начинающего

* В СССР — ограничение права выбора места жительства.

** «Расхитители социалистической собственности» — устоявшееся выражение времен СССР.

специалиста, и оставили часть привилегий: спецстоловую, только в меньшем размере, спецателье* на Черкасском, кремлевскую больницу. «Чайку» заменили на «Волгу» по вызову, дачу — на номер в правительственном пансионате. Константин Иванович — персональный пенсионер союзного значения — оставался обеспеченным и уважаемым человеком.

Главной проблемой для него теперь стало большое количество свободного времени. Несмотря на почтенный возраст — ему как раз перевалило за семьдесят, — он находился в прекрасной физической форме и твердом рассудке. Поначалу, наверстывая упущенное, они с женой много ходили по театрам, гуляли по близлежащему парку. На субботу — воскресенье уезжали в подмосковный правительственный пансионат: внучке было там раздолье. Но этого было недостаточно, мозг требовал своего применения. Да и не понимал бывший министр, привыкший работать от рассвета до заката, как можно целыми днями сидеть без дела. И Константин Иванович стал подумывать, чтобы пойти читать лекции в Плехановском институте. Ему хотелось поделиться своим опытом с молодежью. На ближайшее десятилетие путь вырисовывался довольно интересный и вполне реалистичный. Защитить, наконец-то, кандидатскую: тут все было готово.

* Еще один вид распределителей при социализме, в которых номенклатурные работники приобретали дефицитную одежду по низкой стоимости.

Потом написать докторскую: для нее идей и конкретных материалов из обширной практики тоже хватало. И дальше, выше, в членкоры, в академики. Ему было о чем поспорить с ведущими экономистами страны. А главное, очень хотелось написать о том, как правильно строить социализм, незыблемость которого тогда казалась очевидной. На дворе стоял 1984 год.

Часть вторая

Но наступил 1985 год. И после бесконечных смертей престарелых руководителей к власти пришел молодой энергичный генеральный секретарь Горбачев М. С., а вместе с ним — перестройка. Страна забурлила. С экрана телевизора стали раздаваться новые голоса, поначалу робко призывающие расставить новые акценты, а затем и вовсе переосмыслить недавнюю историю. И переосмыслили. Золотые годы социализма — брежневское время — назвали эпохой застоя. И, уж конечно, вскрыли весь ужас сталинской тирании. Противоречивые времена правления Хрущева рассматривали каждый раз по-разному. Для миллионов людей нравственные ориентиры оказались утеряны. Но все это страна, возможно, смогла бы пережить, если бы не обвал мировых цен на нефть и газ. Не на что стало импортировать продукты питания и товары повседневного спроса. А с отечественными дело обстояло из рук вон плохо. Дефицит всего и вся поднялся на небывалые высоты. Прошла страшная волна ин-

фляции, сбережения на счетах населения обнулились. И в 1991 году сам СССР приказал долго жить, а потом и вовсе объявили частную собственность. Так в рамках одного столетия свершилась еще одна российская революция, которую выпало перенести Константину Ивановичу, но которая для него лично обернулась совершенно иными последствиями, нежели первая.

Все планы энергичного пенсионера оказались смяты. Диссертация на тему ведения социалистического хозяйства в условиях хозяйственного расчета, казавшаяся прогрессивной в условиях застоя брежневской эпохи, ныне безнадежно устарела и стала никому не интересна. Лекции, которые он тщательно готовил и которыми гордился, стали неактуальны. Да и зарплата преподавателя высшей школы на фоне галопирующих цен выглядела ничтожной. Некогда огромная пенсия превратилась в жалкие гроши. Всесоюзная борьба с привилегиями завершилась их перераспределением в пользу новых структур власти уже Российской Федерации. И когда Константин Иванович в один прекрасный день отправился в спецстоловую за спецпайком, то его пропуск оказался недействителен. В конце концов, он был персональным пенсионером СССР, а такой страны больше не было. Однажды Константин Иванович набрал знакомый номер телефона, чтобы вызвать черную «Волгу»: надо было срочно везти жену в больницу. Выяснилось, что машина ему больше не полагалась. Он бросился вызывать обычную скорую, но та ехала слишком долго. Валентину Алексеевну похоронили.

Когда Константин Иванович читал газеты, слушал радио или включал телевизор, то понимал, что очутился в чужом мире. Все, чему он служил, на его глазах подвергалось поруганию. Словно и не было ничего хорошего в прошлом у его страны. Теперь, между прочим, ее называли словом «империя». Парадоксально, но он всегда считал себя борцом с империализмом, правда, международным. Неужели его жизнь была обманом, иллюзией? Константин Иванович верил, что служил своему народу. Но получалось, что его кипучая деятельность была простым людям во вред, что это он вместе с товарищами привел государство к краху. Да и вообще, сам социализм как государственное устройство был неправильным историческим выбором. Порой ему хотелось закричать, что это ложь, что, по крайней мере, нельзя мазать все одним цветом. И что его родина за семьдесят лет прошла огромный путь. Из руин выросли заводы и фабрики, из бараков люди переехали в отдельные квартиры. Всем была гарантирована работа, медицинское обслуживание, образование. И этими очевидными благами когда-то пользовались простые люди, многие из которых были счастливы. Но даже его родная внучка, студентка, словно переродилась и бурно радовалась, когда в 1993 году запретили коммунистическую партию. Константин Иванович отчетливо слышал, как, беседуя с кем-то по телефону Наташа злобно призывала вешать коммунистов на фонарных столбах. Она пребывала в убеждении, что после этого все само собой заколо-

сится. И откуда внучка набралась этого непримиримого радикализма? Не было ли здесь противоречия с принципами демократии, которые ей якобы по душе. И разве не он когда-то проявлял максимум терпимости в отношении нее самой? Но потом Константин Иванович вспомнил себя в молодые годы. Свою напористость и бескомпромиссность. Вряд ли без этих волевых качеств ему удалось бы пройти славный путь и добраться до министерского кресла.

Но теперь, как, в общем-то, и всегда в его длинной жизни, помощи ждать было неоткуда. Сын после возвращения из командировки так и не смог найти себя в новых условиях. Торговые представительства закрыли, само союзное министерство внешней торговли, где он успешно строил карьеру, упразднили. Сложно в пятьдесят лет — а именно столько стукнуло сыну, — начинать заново. Особенно, если нет накоплений, а надо кормить семью. Тяжелый груз ответственности, разочарования, ощущение безысходности за несколько лет свели его в могилу. С невесткой у Константина Ивановича большого взаимопонимания никогда не было, а тут они вовсе перестали видеться. В новом качестве он стал никому не интересен.

Какое-то время Константин Иванович пытался преподавать. Раза два-три в неделю. Работал он, чтобы хоть как-то свести концы с концами, а отнюдь не для души, как он говорил знакомым в тот год, когда вышел на пенсию. Те далекие дни ныне представлялись ему

прекрасными. В том времени он был обеспеченным уважаемым человеком. А что теперь? В общественном транспорте его бесцеремонно толкали. В магазинах за продуктами приходилось стоять в очереди. Дефицит, правда, довольно быстро исчез. Но новые цены оказались для бывшего министра недоступны. Теперь на всем нужно было экономить, считать каждую копейку. Даже одежда истрепалась. Может, права была Валюша, когда твердила, что надо всегда иметь что-то, что можно продать? Может быть, следовало ее послушать и купить дачу, когда была такая возможность? Сейчас продал бы ее, и по крайней мере было бы на что жить.

Силы убывали, и, когда перевалило за восемьдесят, он перестал ездить в институт. Да и зачем делать то, что обществу не нужно? А было бы нужно, так платили бы приличную зарплату.

Внучка Наташа навещала редко. Она, разумеется, больше не хотела стать коммунистом. Пришла другая эпоха, а с ней новые кумиры. Во главе угла, как она это поясняла, теперь стоял здоровый эгоизм. Что-то вроде правил безопасности в самолете: «В случае разгерметизации вначале наденьте кислородную маску себе, потом ребенку». Кто не в состоянии побеспокоиться о себе, не сможет побеспокоиться о других. Все логично. Не поспоришь. Вот внучка только о себе и беспокоилась. Хотя это у нее тоже получалось неважно. Наташа с грехом пополам закончила институт: тягой к знаниям она никогда не отличалась. Характера была

неуживчивого, и теперь без конца меняла места работы: нигде не складывались отношения.

Внучка пребывала в уверенности, что в жизни ей многого недодали. Она винила родителей и деда с бабушкой во всех своих неудачах. В том, что те, потакая ее капризам, не смогли заставить закончить музыкальную школу, выучить иностранные языки, что по окончании института не устроили на престижную работу, а затем не купили отдельную квартиру. Удивляясь ее рассуждениям, Константин Иванович как-то вспомнил то утро на чистенькой правительственной даче, когда он, крестьянский сын, добравшийся до вершин социальной пирамиды, ощутил прилив гордости от того, что дал внучке так много. Ностальгирующая по былому Наташа тоже как-то раз отправилась в дачный поселок. Чтобы окунуться туда, где прошло ее счастливое детство. Где был мальчик, нежно смотревший на нее, и первый детский поцелуй в щечку на тенистой тропинке за клубом. Где все было пропитано ощущением защищенности и доброты. Но сильно располневшую молодую женщину постигло страшное разочарование. Теннисный корт, где ее как-то посетила мысль стать выдающейся теннисисткой, порос бурьяном. На месте клуба, на гранитной террасе которого она с друзьями играла в монополию, вырыли котлован. Шло строительство частного дома. Огромная лесистая территория поселка была перекроена большими заборами частных владений так, что невозможно было пройтись

по уютным тропинкам ее детства. Их просто больше не существовало. За высокими оградами возвышались огромные хоромы. И где-то между ними приютился чудом уцелевший их деревянный домик. Невзрачное деревянное строение покосилось от времени и совершенно не соответствовало ее детским воспоминаниям. Некоторые ничем не выдающиеся знакомые Наташи, обычные представители среднего класса, построили себе дома получше. На дворе стоял двадцать первый век. Сама же Наташа проживала с матерью-пенсионеркой в старой квартире, которую обеспечил им бывший министр, и думала, что именно из-за этой пенсионерки ей не удастся наладить собственную жизнь.

По телевизору то и дело мелькало лицо Петрова — одного из бывших заместителей Константина Ивановича. Тот сказочно разбогател, стал крупным предпринимателем и видным политиком. А всего-то стоило продержаться во власти еще несколько лет! Хотя нет. Дело было не столько в этом. Даже если бы Константин Ивановича и не отправили тогда на пенсию, он все равно никогда не смог бы стать олигархом. Бывшему министру не могло прийти в голову приватизировать государственную собственность — все те фабрики и заводы, которыми он управлял по долгу службы. С новой породой людей, пришедших во власть, он все равно бы не ужился.

Проходили нудные бесцельные годы нужды. Первая часть жизни, наполненная стремлениями и дости-

жениями, давно миновала. Теперь тянулась вторая — полная разочарований и лишений. И сколько ему еще было отпущено?

Эпилог

На самом деле не было никакой второй части в жизни Константина Ивановича. Его ненаглядная Валюша не умирала. Никто не увольнял с работы его отпрыска, перспективного сотрудника министерства внешней торговли СССР. И уж тем более отец не переживал своего сына. Как не было развала страны и поругания ценностей, в которые Константин Иванович свято верил и которые всю жизнь отстаивал. Разумеется, его не лишили ни накоплений, ни привилегий. Ничего этого просто не успело случиться. Это был лишь дурной сон, который привиделся персональному пенсионеру союзного значения как-то раз во время отдыха в правительственном санатории Нижняя Ореанда, в Крыму. Они отправились туда с Валюшей в бархатный сезон 1985 года, через год после отставки. Константин Иванович ушел в мир иной той же осенью, в самом конце своей эпохи. Произошло это во сне и, как и всё в его жизни, вовремя.

Октябрь 2018

Содержание

Симбиоз	3
Несправедливость.....	38
Всё хорошо.....	51
Частный случай Екатерины Ткачёвой.....	81
Под воздействием времени	103
Теперь заживём	120
Вовремя	181

Алексей МЕФОДИЕВ

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Саркастическая проза

Редактор — М. Свешникова
Верстка — Н. Самойлова
дизайн обложки — М. Горшков
изготовление книги — Э. Нажимидинов

Подп. в печать 30.06.2019. Усл. печ. л. 8,7
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1
Гарнитура «Minion». Формат 70×100/32
Тираж 300 экз. Заказ № 615

Издательство “Летний сад”
Москва, ул. Тёплый Стан, д. 21А
e-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской
им. Фадеева Геннадия
г. Москва, ул. Тёплый Стан, д. 21А